

М. В. АКОПЯН

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

ЕРЕВАН 1988

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Մ. Վ. ՀԱԿՈԲՅԱՆ

ԳՅՈՒՂԱԿԱՆ ՀԱՄԱՅՆՔԸ
ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ
XIX ԴԱՐԻ ԵՐԿՐՈՐԴ ԿԵՍԻՆ—
XX ԴԱՐԻ ՍԿԶԲԻՆ

(ՊԱՏՄԱ-ԱԶԳԱԳՐԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ)

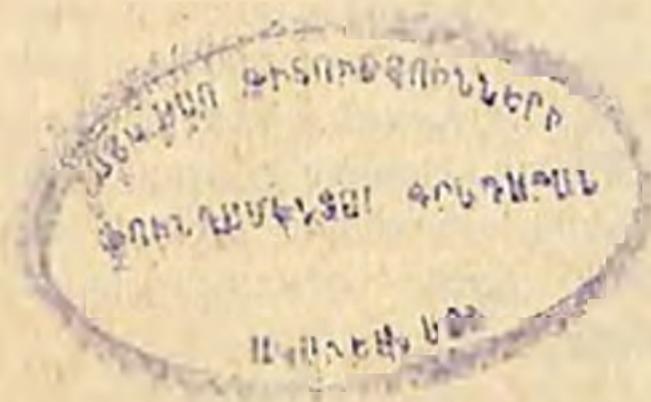
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

М. В. АКОПЯН

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Р II
590213

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1988

Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.

Ответственный редактор
докт. ист. наук А. С. Амбарян

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
кандидаты ист. наук Л. М. Варданян, Э. В. Харатян

Акопян М. В.

А 406 Сельская община в Восточной Армении во второй половине XIX—начале XX вв.: (Ист.-этногр. исслед.) АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии; /Отв. ред. А. С. Амбарян/—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1988. с.

На основе комплексного анализа полевых материалов, архивных документов, литературных источников предпринята попытка многостороннего изучения армянской сельской общины. Выявлена историко-этническая специфика армянской сельской общины, обусловленная несущественной ролью феодального землевладельческого класса и коренными изменениями состава населения Восточной Армении вследствие массовых миграций после присоединения Восточной Армении к России. Наряду с этим армянская сельская община рассмотрена в качестве низшей административной единицы в общей системе административного управления Российской империи.

Книга рассчитана на специалистов—историков, этнографов и экономистов.

0503020913

А 703 (02) 88 40—88

ББК.63.3(2Ар)5+63.5(2Ар)

© Издательство АН Армянской ССР, 1988

ВВЕДЕНИЕ

Исследование сельской общины, будучи традиционным в этнографической науке, не теряет своей актуальности и сегодня. Значение разработки этой тематики может быть оценено как с позиции анализа всемирно-исторического процесса, т. е. уяснения живучести сельской общины, существовавшей тысячелетиями, так и исходя из познавательных задач региональной проблематики. Огромная часть населения развивающихся стран живет в условиях существования и разложения сельских общин¹. Однако актуальность изучения сельской общины отнюдь не ограничивается этим.

Современная наука, накопив огромный фактический материал по сельской общине, переходит к широким обобщениям результатов исследований этой социальной организации.²

Термин «сельская община» является чисто научным понятием, которое выражает комплекс отношений, связей и взаимодействий, обеспечивающих целостность и функционирование территориально локального сельского коллектива³.

В современной науке установился взгляд на общину как хозяйственную, социально-административную и культурно-бытовую организацию, возникшую естественно-исторически в условиях докапиталистических обществ, в которых господствовали натуральное хозяйство и «...традиционное самодовлеющее замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни»⁴. В этих обществах существование человека вне кровнородственного или соседского коллектива было невозможным, немислимым. Основной, а для сельского населения практически единственной, хозяйственной и со-

циально-политической организацией на протяжении многих веков была община. Процесс трансформации первичных родовых общин в сельские общины оказался в большинстве случаев крайне длительным, а переходные формы — многообразными и весьма живучими⁵. При этом особое внимание следует обратить на известные слова К. Маркса, что по сравнению с родовой позднейшая «земледельческая община оказывается более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими», что реальное соотношение между коллективным и частным началами в земледельческой общине «всецело зависит от исторической среды, в которой она находится»⁶.

Традиционному сельскому образу жизни соответствует комплекс взаимодействующих специфических обстоятельств (экономических, социальных, правовых, идеологических, психологических и т. п.), образующих ту или иную социальную ситуацию жизнедеятельности данной социально-территориальной общности⁷.

Характерными для сельского образа жизни являются ограниченность, однообразие традиционных способов деятельности, местная замкнутость и неподвижность социальных связей⁸.

Структурные образования сельской среды (семейные, родственные, товарищеские группы и деревенские организации) построены преимущественно на локальных связях общения. Поэтому само общение осуществляется посредством первичных контактов в личностной форме. А включение индивидов в социально-экономические и информационные каналы более широкой среды исторически сложившегося региона и государства обеспечивается главным образом «ступенчатым способом» (через посредство местного управления, торговых связей, отходничества, устной «народной молвы», наблюдений и опыта «бывалых людей» и т. д.). Подобный способ создает у сельского индивида ориентацию не на поиск, а на ожидание необходимой социальной и социокультурной информации все в той же общинной среде посредством следования образцам и нормам поведения, завещанным местной традицией,⁹ а также престижным элементам культуры господствующих слоев

общества, которые проникают в ограниченном объеме в ту же замкнутую среду.

Непосредственным объектом изучения в данной работе является сельская (в основе своей соседская, содержащая также в функциональной структуре отчетливые родственные связи) община Восточной Армении во второй половине XIX—начале XX вв. Следует заметить, что объектом изучения избраны селения бывших уездов и губерний, которые в настоящее время входят в состав Советской Армении: Эриванский, Эчмиадзинский, Шарур-Даръагязский, Нор-Баязетский, Александропольский уезды Эриванской губернии, Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии, часть Борчалинского уезда (Лори) Тифлисской губернии.

На основе комплексного изучения полевых материалов, архивных документов, литературных источников в настоящей работе предпринята попытка многостороннего исследования армянской сельской общины. Основная цель—выявление историко-этнической специфики армянской сельской общины, которая была обусловлена незначительной ролью феодального землевладельческого класса, что поставило армянскую сельскую общину непосредственно под контроль государства, под власть царского административного аппарата, и своеобразием этнической истории—существенными изменениями состава населения Восточной Армении вследствие массовых миграций после присоединения Восточной Армении к России, что отразилось на территориальной и культурно-бытовой структуре армянской сельской общины. Наряду с выявлением локально-исторической специфики армянской сельской общины, следует учитывать, что, находясь в общем русле исторического развития конца XIX—начала XX вв., армянская сельская община не была оторвана и не стояла в стороне от всей социально-экономической, административной жизни и устройства Российской империи. Она функционировала как мельчайшая клеточка в этой системе и была подвержена всем тем социальным явлениям (проникновению капиталистических отношений в деревню, социально-имущественная дифференциация и т. д.), которыми была чревата изучаемая историческая эпоха.

При рассмотрении характерных черт армянской сельской общины, а именно: общинной кооперации и взаимопомощи—в сфере производства и быта, стремления к уравнительности—в поземельных отношениях и в социально-экономической области, традиционного порядка общинного самоуправления—в сфере социальной организации, обыденных представлений об общинном единстве и солидарности—в сфере общественного сознания, раскрываются динамические социально-экономические принципы и следствия, лежавшие в основе подверженного изменениям социокультурного облика армянской сельской общины изучаемого периода. Эти черты выступают важнейшим объектом комплексного историко-этнографического исследования данной проблемы.

Отдельные аспекты общинной жизни нашли отражение в трудах дореволюционных авторов. На первых порах в дореволюционной литературе основное внимание было уделено описанию и накоплению фактического материала.

«Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи» (СПб., 1852) И. Шопена является добросовестным описанием и содержит огромное количество материала о природно-климатических, географических условиях, историко-археологических памятниках, административно-политическом состоянии, народонаселении, формах землевладения, о государственных податях и сборах и т. д. в Армянской области после присоединения ее к России. Этот труд является источником для последующих поколений, изучавших историю, культуру армянского народа в XIX в. О своем труде автор скромно пишет: «Это просто работа административного чиновника, старавшегося с наивозможной точностью, подробностью и усердием исполнить возложенное на него начальством поручение. Поэтому творение это не для ученых... лучше меня знающих все, мною повествуемое: это род практической энциклопедии необходимых сведений об Армении...»¹⁰

Немецкий исследователь А. Гакстгаузен, впервые описавший (не без ведома царского правительства)

русскую общину в идеализированных тонах и подвергнутый за это суровой критике Марксом¹¹, выпустил также книгу «Закавказский край» (СПб, 1857), в которой сельская община представлена всего лишь как само собой разумеющееся явление армянской сельской жизни.

К сожалению, в работе отсутствует анализ внутренней жизни сельской общины, социально-экономические, управленческие стороны данного института. Это и понятно, так как книга немецкого автора является скорее всего описательными путевыми заметками, наблюдением путешественника. Следует отметить труды некоторых армянских авторов¹², которые также касаются «общинных сюжетов» в истории крестьянства Армении и носят, скорее всего, описательный характер, без углубленного анализа.

Периодом наиболее интенсивного изучения проблемы общины (ее генезиса, условий сохранения при феодализме, трансформация общинных социально-экономических порядков под капиталистическим воздействием и т. д.) в русской и армянской историографии был конец XIX и начало XX в. Взглядам различных авторов этого периода свойственно то, что характер и судьбы сельской общины рассматривались с позиции народнических доктрин: крестьянство воспринималось как единая однородная масса, а сельская община—в «чистом», неискаженном посторонними факторами виде. В действительности же, это был период, когда община, несколько не спасая трудящихся крестьян от засилья торгово-ростовщического капитала и обнищания, «играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян..., являясь прикрытием кулацкого засилья и удобным организационным средством в руках царизма...»¹³.

Справедливость критической оценки трудов ученых-позитивистов об общине народов Кавказа можно показать на примере общинной теории М. М. Ковалевского—признанного корифея эволюционистско-позитивистской концепции генезиса общинных форм в глобальном масштабе. Надо отметить, что будучи автором «теории самопроизвольного развития общины» от родовой к со-

седской через промежуточную стадию возникновения семейной общины и индивидуальной семьи, Ковалевский разрабатывал эту проблему преимущественно на «пережиточных» этнографических материалах. Как убежденный эволюционист, для поиска ответа на вопросы своей теории он обращался к тем народам, которые, по его мнению, позволяют показать общинный процесс в «чистом», неискаженном посторонними факторами виде. К таким народам он неизменно относил хорошо ему известные народы Кавказа и вообще России, а также Индии. В частности, считая осетинскую семейную общину архаичней более других и полнее отраженной в источниках и устной традиции, Ковалевский на ее примере строил основные положения своей концепции¹⁴. Он рассматривал сельскую общину в органической связи с историей и разложением общины родовой, хотя и допускал возможность их длительного сосуществования: «Сельская община преемница родовой, но не устраняющая собой необходимость существования семейной»¹⁵. Всю внутреннюю организацию сельской общины он выводил генетически из родовой общины, а самый процесс возникновения сельской общины рассматривал преимущественно в аспекте механического включения в недра семейно-родовой общины чужеродцев со стороны, что, по его мнению, и привело к ломке кровных связей и замене их связями территориальными¹⁶. Законы социально-экономического развития любой общины, построенной на кровнородственных и соседско-корпоративных связях (также обусловленных хозяйственно-экономическими условиями и факторами), Ковалевский подменял законами «роста населения» и возникновения частнособственнических «настроений и притязаний» у членов большой семьи¹⁷.

Правильно отмечая стадияльно-историческую несовместимость экономически деградирующей общины и капитализма (ибо в условиях капитализма разложение общины неизбежно), Ковалевский не исключал и сохранение сельской общины при капитализме в том ее искусственно «замкнутом» варианте, который бы обеспечил этому гипотетическому сообществу независимость от разлагающего вторжения в него внешних элементов и процессов¹⁸.

В армянской дореволюционной историографии армянской сельской общины особняком стоит имя С. Егиазарова, автора труда «Исследования по истории учреждений в Закавказье», ч. I. «Сельская община»¹⁹. С. Егиазаров явно симпатизировал общине как основе соседско-корпоративного устройства крестьянской жизни, оценивал возможности ее дальнейшего существования. Он понимал, что нельзя говорить об общине как традиционном организме вообще, а чтобы судить о ее сущности и возможностях, необходимо рассматривать общину в функциональной (хозяйственной и социально-организационной) действительности.

Поэтому в своем труде С. Егиазаров подробно характеризует свойственные армянской сельской общине формы землевладения и землепользования (общинного и подворного), установившуюся практику переделов (типа ампа-чарек и подушных), управленческие органы общины и дела сельского схода, общинную юрисдикцию на основе обычного права и государственно-административных законоположений и т. д.

С. Егиазаров сосредоточил основное внимание на экономической и правовой стороне жизнедеятельности общины, и поэтому менее всего касался ее бытовых (тем более этнографических) особенностей. Рассматривая общину в качестве института регулирования поземельных отношений, Егиазаров тщательно анализировал ампа-чаречную надельную систему, различая в ней две формы обеспечения общинников землей: *традиционную*, зависевшую от фактического наличия душ обою пола в семье, хозяйственной и платежно-податной способности данного «дыма», и *нового типа*, которая находилась в прямой зависимости от экономической состоятельности семьи.

Отдельной семье («дыму») как структурной единице сельской общины С. А. Егиазаров посвятил другую свою работу, построенную на конкретном материале жизни крестьян Эриванской губернии²⁰. Но в ней семья (как и община) представлена в основном экономической, а не социально-бытовой единицей, которой были свойственны определенные хозяйственные функции, порядок наследования движимого и недвижимого иму-

щества, социальные причины и следствия семейных разделов и выделения потомков основателя «дыма» и т. д.

Будучи внимательным наблюдателем, С. Егиазаров не мог не заметить, что на рубеже XIX и XX вв. традиционная община становится на путь неуклонного экономического разложения. Подобно многим другим народнически настроенным авторам, Егиазаров идеализировал возможности «нормального» (в смысле традиционного воспроизводства) существования общины при наличии неизменного «полноземелья», т. е. обеспечения всех общинников необходимым количеством пашни и угодий. Однако осуществление этих идей было недостижимо, ибо общинная земля, согласно наблюдениям самого же Егиазарова, все более концентрировалась в руках имущей крестьянской кучки, а основная масса общинников по мере ее экономического оскудения утрачивала фактические возможности распоряжения надельным клином. Горячо сочувствуя разоряющимся рядовым общинникам, он искал пути для выхода и преодоления усугублявшегося процесса «раскрестьянивания».

В работе И. Сегалю «Крестьянское землевладение в Закавказье» (1912) прямо провозглашается буржуазная точка зрения на укрепление частной собственности зажиточных крестьян вопреки обветшалым традициям уравнительного общинного землевладения. Автор видит в последнем главное зло, мешающее экономическому прогрессу: «То, что некогда, при иных условиях могло иметь полезное значение, в настоящее время, при изменившихся условиях, служит лишь вредным пережитком, препятствуя прогрессу сельского хозяйства и сельской промышленности»²¹.

Среди авторов-аграрников начала XX в. процесс «раскрестьянивания» наиболее полно охарактеризовал С. Авалиани²². Крестьянское хозяйство Армении показывается им в реальной динамике обезземеливания и оскудения одних и обогащения землей других (кулацкого типа) хозяйств.

Названными работами (не считая мелких заметок в периодической прессе), по существу, ограничивается

круг специальных трудов о сельской общине армян конца XIX—начала XX вв. Они ценны главным образом тем, что, во-первых, содержат довольно обильный, основанный на похозяйственных обследованиях фактический материал, а во-вторых, при всей акцентации внимания на традиционных устоях и порядках общинной жизни, отмечают зарождение превращенных форм общинной организации, несущих в себе под оболочкой общинности явственные начала капиталистических отношений. Дореволюционные исследователи армянской общины не обращали должного внимания на роль и значение новых экономических явлений и движений в хозяйственной и бытовой жизни армянского крестьянства, рассматривая их преимущественно в качестве внешних подчиняющих, а не внутренних разлагающих факторов.

Анализ внутренних противоречий, которыми была чревата общинная среда армянских крестьян в конце XIX—начале XX вв., является одной из задач советской историографии. Примечательной особенностью советской историографии является то, что, будучи вооруженной марксистско-ленинской методологией, она стала рассматривать общину не изолированно и не только «на фоне», а в тесной увязке со всей историей армянского крестьянства по ходу развития и последовательной смены общественно-экономических формаций в истории народов Закавказья.²³

Проблема армянской сельской общины эпохи эллинизма и в период средневековья рассматривается в трудах Н. Адонца, Я. А. Манандяна, Х. Самуэляна, С. Т. Еремяна, С. П. Погосяна, Л. С. Хачикяна, А. М. Утмазяна, С. Е. Акопяна, Л. О. Бабаяна и других армянских историков в связи с общей историей крестьянства²⁴.

Специальных исследований сельской общины армян периода после присоединения к России и, в частности, на рубеже XIX и XX вв. до сих пор не появлялось. Возможно, что более крупные исторические события этого времени как бы заслоняли собой «обыденную» действительность армянской деревни, хотя, как будет показано ниже, в армянской сельской среде в означенный

период происходили важные социально-экономические процессы перестройки традиционного уклада в связи с развитием капиталистических отношений.

Проблема армянской сельской общины на материалах Загезурского историко-этнографического района затронута в монографии видного армянского этнографа С. Д. Лисициана «Армяне Загезура» (Ереван, 1969), которая вышла в свет через много лет после его смерти. Автор привлек обширный материал, собиравшийся им на протяжении ряда лет. Анализ и критический подход к наследию дореволюционных этнографов позволили С. Лисициану нарисовать многогранную картину сельской общины XIX в. в Загезуре. В этой книге община выступает предметом специального исследования. Описывая формы землевладения, землепользования, систему управления, С. Д. Лисициан уделял также большое внимание вопросам соседства (дркицуюн), переплетению соседских и родственных отношений внутри одного квартала и возникновению внутриквартальных и межквартальных отношений. В монографии также освещены изменения в структуре общины и, в частности, распад больших патриархальных семей на мелкие единицы под влиянием проникновения товарно-денежных отношений в деревню и т. д.

Некоторые аспекты изучения армянской сельской общины затронуты и в другой работе С. Д. Лисициана «Очерки этнографии дореволюционной Армении»²⁵.

В опубликованных в разные годы трудах советских армянских историков²⁶ можно найти отдельные сведения по интересующей нас проблематике. Предметом их внимания было, в основном,—проведение крестьянской реформы 1870 года и влияние ее на особенности последующего капиталистического развития Армении.

Отдельные вопросы социально-экономической, бытовой и духовной жизни армянского крестьянства освещены в трудах советских армянских этнографов. Так, Э. Т. Карапетян в монографиях «Армянская семейная община» (Ереван, 1958) и «Родственная группа «азг» у армян» (Ереван, 1966), наряду с изучением системы кровнородственных связей у армян XIX—начале XX вв., рассматривает и армянскую сельскую общину. Ее вни-

мание сосредотачивается в основном на традициях общинного землепользования, разновидностях производственных товариществ односельчан, порядках наследования движимого и недвижимого имущества. При этом приводятся данные о способах раздела и передела общинной земли, структуре производственных товариществ и семейной общины в целом.

О кооперативной форме труда, о создании хозяйственных товариществ, о пережиточных формах взаимопомощи, бытовавших в армянской деревне, мы находим сведения в труде В. Бдоян «Земледельческая культура в Армении» (Ереван, 1972).

В книге Ю. И. Мкртумяна «Формы скотоводства в Восточной Армении» (Ереван, 1974) проанализированы формы сообществ по выпасу скота, что представляет интерес с точки зрения изучения армянской сельской общины.

Традиционной этнографической тематике посвящена книга А. А. Одабашян «Новогодний праздник в армянском народном календаре» (Ереван, 1978). В ней дана характеристика проведения аманора (новогоднего праздника) отдельной семьей, группой родственных семей и сельской общиной в целом. При этом подчеркивается большое значение народных праздников в целом в регулировании отношений между соседями внутри сельской общины.

В данной работе используются разнообразные источники, которые синхронны рассматриваемым явлениям и фактографически фиксируют их. К этим источникам относятся законодательные акты, распоряжения и прочие административные директивы, изданные царской администрацией: «Полное собрание законов Российской империи», «Свод законов Российской империи», «Проект преобразования сельского общественного управления в губерниях Закавказья» (1885), «Положение о крестьянах и поселянах Закавказья» (Поселянское положение, Тифлис, 1886).

Все они выражают социально-экономическую политику царского правительства. По своему характеру эти источники проективны, т. е. будучи изданы к исполнению, эти директивы далеко не всегда осуществлялись в соответствии с первоначальными замыслами их авторов.

Много интересных сведений, отражающих состояние армянского села конца XIX—начала XX вв., положение, создавшееся в армянской деревне как в результате предшествующего социально-экономического и бытового развития, так и вследствие применения вышеуказанных законодательных актов (в частности, о формах землевладения и землепользования, о переделах, системе управления и т. д.) можно найти в многочисленных материалах, собранных различными комиссиями, изучавшими экономику и быт закавказского крестьянства. Таковы «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», «Обозрение Российских владений за Кавказом», «Сборник сведений о Кавказе» (ред. Зейдлиц, Тифлис, 1880), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборник статистических данных о землевладениях и способах хозяйства в 5 губерниях Закавказья» (под ред. Кондратенко, Тифлис, 1899) и т. д.

Много интересных сведений, иногда даже уникальных материалов по общинно-бытовым, народным обычаям, сельской жизни, семейному устройству, праздникам и культуре в разных районах Армении содержится в периодических журналах и газетах—«Кавказский календарь», «Мшак», «Памятная книжка Эриванской губернии», «Мурч».

Среди всей этой периодики следует особо отметить издававшийся Е. Лалаяном на армянском языке «Աղագրարի տնտեսական» (Азгагракан андес), журнал, который внес бесценный вклад в дело изучения материальной и духовной культуры армянского народа и представляет особую ценность, в частности, для этнографов.

Важным источником для данной работы являются также архивные документы, собранные автором в ЦГИА АрмССР и ЦГВИА Москвы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Хочется остановиться на некоторых фондах ЦГИА АрмССР. Так, для освещения вопросов экономического, общественного развития и социальной структуры армянской сельской общины значительный интерес представляют следующие фонды: фф. № 56, 70, 80, 102, 133, 227. В этих фондах имеются обширные материалы о разногласиях, возникающих при размежевании земель, о спорных землях между соседскими общинами, общинами и казной, о состоянии сельского управления, об экономическом состоянии крестьян, о прошениях поверенных крестьян о новых переделах наделной земли, об арендных отношениях между казной и общинами, о злоупотреблениях сельских старост, об удалении некоторых крестьян из общины и многие другие материалы. Эти материалы очень достоверны, так как включают мирские прошения, составленные крестьянами.

Следующая группа источников хронологически отличается от предыдущих. Данные источники собраны преимущественно за последние 3—4 десятилетия и собирали их, как правило, сами же крестьяне, стремившиеся сохранить старинные обычаи и память о прошлых событиях. Специфика этих источников заключается в том, что они собирались в соответствии с познавательными целями их авторов и носят скорее всего описательный характер. Для нашей темы особенно интересны материалы, в которых освещены вопросы об общинном землевладении и землепользовании, о переделах, о выборах старост, конфликтах между общинниками, а также об участии сельских общин в праздниках, на похоронах, в проведении свадеб, т. е. они охватывают все узловые моменты в жизни не только отдельного общинника, но и сельской общины в целом. Эти материалы в основном относятся к началу XX в. и включают все историко-этнографические районы Арм. ССР. Они хранятся в архиве отдела этнографии Института археологии и этнографии АН АрмССР.²⁷

Одним из основных источников настоящего исследования является полевой материал, собранный авто-

ром во время этнографических экспедиций (Гугаркский, Туманянский, Варденисский, Мартунинский, Аштаракский, Талинский, Кафанский районы и район Камо) по определенной исследовательской программе. Полевой материал хронологически относится к началу XX в. Программа исследования была составлена так, чтобы осветить не только вопросы, связанные с социально-экономическими отношениями и социальной организацией, но и с внутренней бытовой жизнью общины, в частности, мы старались выявить проявления общинного единства в проведении свадеб, похорон, праздников и т. д. В ходе сбора полевых материалов мы установили, что крестьяне хорошо помнят и с удовольствием рассказывают о событиях, связанных с переселениями их предков (дедов, прадедов) из одного места в другое, о формах землевладения и землепользования, о переделах, об общинном управлении, выборах старост, должностных лиц и т. д. Они так же хорошо помнят, но неохотно рассказывают о вражде и конфликтах между представителями разных родов внутри одной общины, чтобы сохранить престиж своей деревни перед другими и не опозорить самих же себя, свою деревню (*իրենց գյուղի թափրը պահեն*).

В качестве вспомогательных источников привлекались лаконичные данные армянских средневековых историков, в частности, Фавстоса Бюзанда (V в.), Судебника Мхитара Гоша (XII в.) и Смбата Спарапета (XIII в.), а также некоторые рукописи, хранящиеся в Матенадаране.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ АРМЯНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В XIX В.

Исследование армянской сельской общины конца XIX—начала XX вв. следует начинать с уяснения историко-политических условий, сложившихся в Армении в первой половине XIX в., поскольку они наложили отпечаток на этно-демографическую структуру сельского населения.

Армения, которая давно уже потеряла свою государственность и внутреннюю независимость, стала ареной опустошительных набегов кочевников (XI—XV вв.). Начиная с XVI в. Армения становится яблоком раздора между Османской Турцией и Сефевидским Ираном, что привело к неоднократным разделам страны, в результате чего в начале XIX в. Западная Армения оставалась под владычеством Османской Турции, а Восточная Армения—Персии. Административно-территориальное деление Западной и Восточной Армении было подчинено порядкам, существовавшим в Турции и Персии; на территории Западной Армении были созданы Эрзерумский, Баязетский, Карский, Ванский, Ахалцихский (Чэлдар), Диарбекирский и другие пашалыки, которые также в свою очередь делились на более мелкие административные единицы—санджаки. Основная часть Восточной Армении была включена в состав Ереванского, Нахичеванского, Карабахского ханств, а северные ее области (Лори, Памбак, Казах, Шамшадин) находились под властью Восточногрузинского царства. Все ханства так же делились на мелкие единицы-ма-

галы. Такое административное деление сохранялось вплоть до присоединения Восточной Армении к России¹.

Как в административном, так и в социально-экономическом отношении Западная и Восточная Армения были подчинены тем порядкам, которые существовали в Турции и Персии.

В Турции земля юридически принадлежала султану, который являлся ее верховным собственником. Все земельные угодья были разделены на три категории: государственные, вакфные, частновладельческие (мульк-кодарские). Часть государственных земель находилась в непосредственном владении султана и его семьи, а остальную—наибольшую часть, султан раздавал своим феодалам в виде вознаграждения за несение военной службы и особые заслуги перед государством. Эти земли не передавались по наследству—от отца к сыну, и отбирались с прекращением несения военной повинности.

Вакфные земли принадлежали религиозным (мусульманским и христианским) учреждениям. Основная часть частновладельческих земельных угодий (мульк) в Западной Армении находилась в руках турецких и курдских феодалов (на основе насильственного захвата), которые чувствовали себя полноправными хозяевами своих владений и иногда даже на местах не считались с верховной властью султана. В таких владениях все зависело от произвола феодала. Лишь в некоторых местах (Сасун, Мокс, Шатах, Зейтун и других) уцелевшая от разгрома часть армянских феодалов с большим трудом все еще отстаивала права землевладельца. Эти мульк-кодарские земли являлись частной собственностью отдельных лиц, которые имели право их продавать, дарить и передавались по наследству от отца к сыну².

В Персии при регулировании земельных отношений руководствовались принципами шарната, на основе которых шах являлся верховным собственником земли. Земельные угодья по принадлежности делились на государственные, шахские, монастырско-мечетные, частновладельческие (мульк или айренник) и общинновладельческие³. Государственная форма землевладения была наиболее распространенной. Например, в 14 ма-

галах Ереванского ханства государственные деревни составляли 70% всех деревень⁴. Шах раздавал эти земли своим ханам, которые отличились в несении определенной государственной службы. С прекращением службы земли отбирались у старых хозяев и передавались новым. Шахские земли принадлежали членам шахской земли и находились, в основном, в центральных районах Персии, рядом со столицей. Монастырско-мечетные (вакфные) земли принадлежали монастырям и мечетям. Армянская церковь, в частности Эчмиадзинский монастырь, который являлся центром армянского духовенства, приобретала земельные владения путем закупки или получала их в дар от уцелевших армянских феодалов.

В Восточной Армении крупными частновладельцами-феодалами были прежде всего персидские ханы, беки, а также армянские мелики, которые еще сохраняли свои права собственников (мулькодарские). Эти земли можно было продавать, покупать, передавать по наследству и право владения ими не было связано с обязанностью несения определенной государственной службы.

Общинновладельческие земли деревни были немногочисленны. Их жители на основе мулькодарского права сохраняли свои земельные наделы, являясь коллективными собственниками всего земельного фонда данной деревни. Эти деревни с трудом отстаивали права собственников, поскольку крупные и средние феодалы пытались завладеть этими земельными угодьями⁵.

К началу XIX в. основную часть населения как Западной, так и Восточной Армении составляло крестьянство, формой социальной организации которого являлась сельская община. Несмотря на чужеземное господство, во внутриобщинной жизни армяны сохранялись традиционные отношения, регулировавшиеся нормами обычного права. Каждая сельская община в условиях натурального хозяйства выступала обособленно как административная и экономическая единица. Средний размер деревень в XVIII—начале XIX вв. составлял 30—50 домов, хотя встречались и деревни с большим числом населения⁶. Во главе сельских общин стоя-

ли деревенские старосты — «танутеры», или как иначе они назывались, «ранс», «рэс» (араб.), «кехва» (тюрк.), которые являлись выходцами из среды *кедхуда*, *мецамецк*. В XVIII в. деревенская верхушка называлась армянским термином «мецамецк» (знатные, славные люди) и персидским термином «кедхуда», имевшим широкое сословное значение. Термин «кедхуда» означал деревенскую зажиточную прослойку (гюхи джоджер — *патра*), которая, по-видимому, иногда называлась также термином «довлатавер» (богатые, состоятельные люди)⁷. Следует отметить существование противоречия между основной массой крестьянства и деревенской верхушкой одной и той же сельской общины. Несмотря на то, что в XVI—XVIII вв. крестьяне в ряде случаев еще не потеряли права участвовать в выборе танутера, решающее слово принадлежало *мецамецкам* и феодалу данной деревни. Являясь выразителями и исполнителями воли крупных феодалов и мецамецков, деревенские старосты наживались за счет крестьянства, за счет общины. Однако, несмотря на это, деревенские мецамецки-кедхуда, из среды которых выходили танутеры, одновременно сохраняли тесные связи с крестьянством (родственные и другие) и, опираясь на эти связи, нередко выступали против чужеземных феодалов, когда последние затрагивали их интересы. Особенно наглядно это выразилось в освободительном движении против турецких и персидских угнетателей, когда зажиточная крестьянская верхушка принимала активное участие и возглавляла крестьянство, что справедливо отмечено П. Т. Арутюняном⁸.

В связи с этим следует подчеркнуть роль сельских общин как основной локальной формы этно-политической организации в борьбе армян против чужеземных угнетателей. Эта борьба не всегда увенчивалась успехом и общинам не всегда удавалось защитить интересы своих общинников.

Массовые переселения, изгнания и истребления армянского народа привели к существенным изменениям этно-демографического состава населения Армении. До присоединения Восточной Армении к России преобладающее большинство населения в Эриванском ханстве

составляли разноэтнические мусульмане—76% (81435), а армяне—лишь 24% (25151)⁹.

Присоединение Восточной Армении к России в 1828 г. оказало решающее влияние на исторические судьбы армянского народа. Завершение процесса освобождения части Армении от персидского ига послужило толчком для массовых переселений армянского населения, остававшегося под гнетом Турции и Персии, на территорию, отошедшую к России.

По окончании персидской и турецкой войн, в 1826—29 гг., как пишет А. Гакстгаузен, большая часть турок выехала из Ахалциха, а персиян—из земель, отошедших к России, но в то же время большое число армян из Турции и Персии¹⁰ переселилось туда.

Для „организации репатриации был создан специальный комитет по иммиграции армян, для которых были предназначены малонаселенные и опустошенные места в разных районах Восточной Армении. Первыми переселенцами были армяне из Персии. Весной 1828 г. с наступлением теплой погоды отдельными группами пустились в путь армяне из Тавриза, Салмаста, Хоя, Маку, с побережья Урмии, из Маранда и т. д. Число переселенцев превышало 45 тысяч. Массовая иммиграция армян из Западной Армении началась с весны 1830 г. Всего переселилось около 90 тысяч человек, в основном из Карского, Эрзерумского, Ардаанского, Алашкертского и Баязетского пашалыков¹¹.

С целью облегчения передвижения и дальнейшего расселения переселенцев, иммиграция осуществлялась отдельными группами, в результате чего прежние кровнородственные и соседские связи переселенцев иногда обрывались.

Иммиграция проходила в тяжелых условиях. Несмотря на деятельность комитета иммиграции по устройству армян, переселенцы остро нуждались в транспортных средствах и продовольствии, испытывали немало лишений¹². Переселенцы из Персии обосновались в городах Ереван, Нахичеван, Ордубад, а также в магалах Дарачичака, Апарана, Сурмалу, Нахичевана, Ордубада, Зангибасара, Карбибасара, Сардарапата, Ведибасара, Крбулаха и Даралагяза (Вайоц-дзор).

Несколько сот семейств переселилось в Карабах. Переселенцы из Западной Армении, в частности из Эрзерумского пашалыка, обосновались, в основном, в городах и окрестных селах Ахалцихе, Ахалкалаке, а также в селах Ширака, Лори и на Цалке, карсцы и эрзерумцы разместились в Александрополе и в селах Ширака, Апарана, Талина, а выходцы из Баязета—в бассейне оз. Севан, в Дарачичаке и, частично, в Сурмалу (ныне— в Турции)¹³.

В 1832 г. общая численность населения новообразованной Армянской области Российской империи составляла 164450 чел., из которых коренных армян—25151, или 15,3% всего населения, иммигрантов из Персии—35560 чел., или 21,5%, иммигрантов из Западной Армении—21666, или 13,3%. Таким образом численность армян достигла уже 82377, или 50,1% всего населения Армянской области¹⁴.

В административном отношении в 30—40-х гг. территория Восточной Армении входила последовательно в состав Армянской области, Грузино-Имеретинской и Тифлисской губерний. В 1849 г. была образована отдельная Ереванская губерния (Ереванский, Александропольский, Нахичеванский, Ново-Баязетский и Ордубадский уезды), и Ереванский губернатор был подчинен императорскому наместнику на Кавказе¹⁵.

В результате миграционных процессов в кратчайший исторический период произошла почти полная репопуляция всей Восточной Армении. На первых порах армяне-переселенцы освобождались от несения всех повинностей и налогов сроком на 6 лет. Они были закреплены на государственных землях и получили право на земельный надел.

В малонаселенных районах Армении земельные потребности переселенцев наиболее полно удовлетворялись в первой половине XIX в., благодаря наличию свободных и пустующих земель. По свидетельству начальника Армянской области князя Бебутова «... по малолюдству в сей Армянской области земли было очень достаточно и крестьяне не имели надобности переселяться... Но с того времени как турецкими переселенцами народонаселение в Армянской области зна-

чительно увеличилось, то и недостаток в земле стал ощутимее. По сей причине крестьянам, желающим перейти из одной деревни в другую, при нашем правительстве дозволяется, если одно общество (сельское.— М. А.) на увольнение переходящего, а другое—на принятие его согласны...»¹⁶

Чтобы как-то упорядочить сложившуюся ситуацию, царская администрация издала ряд «Положений» (13 октября 1864 г., 28 сентября 1866 г. и 6 декабря 1867 г.) о формировании сельских обществ в Тифлисской, Бакинской и Эриванской губерниях¹⁷. Согласно «Положениям», сельские общества армяни образовывались либо из одного многолюдного селения, или же из нескольких малолюдных, расположенных поблизости друг от друга селений. Но последнее было скорее «бумажным открытием», ибо многопоселковые сельские общества,— это не более как условно и механически сведенные в одну совокупность домохозяйства нескольких мелких селений, обосновавшихся через межу на узкой территории. Внешняя связь, созданная законом, несколько не мешала этим селениям фигурировать в действительной жизни в качестве совершенно независимых друг от друга сельских общин¹⁸.

Армяне-переселенцы (или, как их называли, армяне-старожилы,—новые армяне, *гахтакан*, *екворнер*, *гялма*) вошли в состав армянского крестьянства, изменив тем самым демографическую структуру, однородность сельских общин, так как переселенцы и в общественной, и в бытовой жизни многим отличались от местных армян. Переселение оказало определяющее влияние на разграничение историко-этнографических районов Восточной Армении в XIX в. Несмотря на то, что переселенцы из Западной Армении и Персии распределялись повсеместно на пустующих землях, в определенной степени выделяются зоны повышенной концентрации в расселении одних и других.

Выходцы из Западной Армении (в основном из Алашкерта, Баязета, Карса, Эрзерума) разместились в опустошенных персидскими и турецкими завоевателями и почти лишившихся своего коренного армянского населения западных и центральных районах Вос-

точной Армении, в основном—в историко-этнографических районах Ширака, Арагацотна, Гехаркуника (бассейн оз. Севан), частично Вайоц-дзора и Айрарата. Малая часть переселенцев из Западной Армении поселилась в Лорийском (пять селений) и Сюникском историко-этнографических районах¹⁹.

Выходцы из Персии (в основном из Хоя, Салмаста, Маку) расселились в Айрарате и Вайоц-дзоре. Остальная часть Восточной Армении—историко-этнографические районы Лори, Тавуша, Сюника (Зангезур), а также Аршаха (Нагорный Карабах)—в основном сохранила свое коренное армянское население, а вместе с ним и восточноармянскую специфику быта и культуры. Коренное армянское население частично сохранилось и в Вайоц-дзоре (семь сел), Айрарате (Эчмиадзин), Котайке (Канакер), Арагацотне (Аштарак, Парби, Карби, Ошакан, Егвард, Бджин)²⁰.

Таким образом, «массовые переселения армянского населения из одних районов в другие привели к смешению субэтнических групп армянского этноса»²¹. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы ослабло действие вышеописанных процессов, а именно—крупных миграций выходцев из Персии и Западной Армении, и возникло состояние относительной стабилизации наличного демографического состава, в котором стал развиваться процесс адаптации «новых армян» к местной среде и условиям жизни. Говоря вообще о миграционных трансформациях различных обществ, Л. С. Клейн отмечает: «Разрыв старых связей и установление новых, выход из старой системы отношений, перемена природной и социальной среды, ослабление старых норм и авторитетов—все это порождало резкую перестройку культуры пришельцев»²².

Учитывая историко-этнографическую специфику крестьянского населения Армении, при изучении сельских общин в зависимости от генетического состава их населения можно выделить: а) общины с доминирующим коренным населением; б) общины со смешанным населением, состоявшим из старожилов и переселенцев, выходцев из Персии и Западной Армении; в) сельские общины, образованные на пустующих местах только из

персселенцев вышеупомянутых областей. Остановимся на каждой из этих групп в отдельности.

Сельские общины с коренным населением, или, как принято было называть, старожилами—*бникнер*, *ерлакан*, населяли в основном села Лори, Тавуша, Сюника, Арцаха, Котайка (Канакер). Гомогенное по своему происхождению население этих сел сохраняло сложившиеся устойчивые кровнородственные связи. Деревни делились внутри на кварталы, которые часто носили азговый—патронимический характер. В начале XX в. в некоторых районах Армении еще сохранялось соответствие отдельного квартала поселению одного азга. Такой порядок поселения являлся результатом раздела дочерних семей основателя азга²³. Члены такого разделенного семейно-родственного коллектива свои дома строили рядом друг с другом, так что часто одна стена являлась общей для обеих родственных семей. Иногда в этой общей стене оставлялось отверстие (акнат, дричак), которое имело как хозяйственное, коммуникационное, так и оборонительное значение. Эти проемы внутри стен соединяли все дома, находившиеся в данном азговом квартале.

В повседневном обиходе крестьян отдельные кварталы (таг) назывались общими фамильными именами: квартал Ерзиканов—в Ахпате (Лори), Чатнианов, Туманянов—в Дсехе (Лори), Арджанцев, Катванцев, Вргананцев—в Хидзореске (Загезур), Минасянцев, Долунцев—в Горисе (Загезур) и т. д. «Такие кварталы уже не представляли собой хозяйственных объединений, семьи в них связывались уже не отношениями родства, а новыми условиями—условиями соседской общины»²⁴. Остатки азговых кварталов существовали и в первые годы Советской власти. При комплектовании в деревнях бригад зачастую последняя состояла из людей, принадлежащих к одному и тому же азгу, т. е. в одну бригаду входили родственные семьи, поскольку последние были расселены в одном квартале.²⁵

В конце XIX в. существовало весьма уникальное явление, когда один целостный азг изредка занимал отдельную деревню (могеное поселение). Речь идет о селах Лорийского историко-этнографического района—

Игаат и Ардви. Игаат был заселен представителями азга Шахвердянов, а Ардви—Калантарянов, т. е. эти села состояли из родственных семейств азга Шавердянов и Калантарянов. На таких же началах основывалось село Амоч²⁶.

Уже сложившиеся устойчивые кровнородственные связи в селах с коренным населением дополнялись соседскими отношениями. Более того, в указанный период прослеживается переплетение родственных и соседских отношений, появление смешанных кварталов и развитие внутриквартальных и межквартальных соседских отношений. Зачастую родственные отношения выступали в форме соседских связей²⁷.

Сельские общины со смешанным населением из старожилов и переселенцев из Западной Армении и Персии существовали в селах Ширака, Вайоц-дзора, Арагацотна, Айрарата, Сюника. Старожилы этих селений допускали к себе переселенцев на постоянное местожительство при наличии свободных и пустующих земельных угодий. Иногда старожилы, которые когда-то сами были пришельцами из Западной Армении, но, сменив на новом месте несколько поколений, считали себя коренными жителями и на позднейших мигрантов, прибывших в эти же края, смотрели как на «чужаков»—*гахтаканоз, гялма*. Старожилов обычно звали по имени деда, прадеда—основателя (или одного из основателей) селения, как лустившего свой «корень» на здешней целине. Позднейших переселенцев их соседи-старожилы нарекали часто по названию местности, откуда они прибыли. Таковы «Хойецу тнер»—дома переселенцев из Хоя, «Хойеци Мкртчн тха»—сын Мкртчча из Хоя и т. д. Такого рода «мирские прозвища» сохраняются до наших дней.

Своеобразные отношения существовали между старожилами-ширакцами и переселенцами в с. Айкаван Ахурянского района (Ширак). Это селение разделено ручейком на два территориальных квартала, причем в одном квартале живут переселенцы из Западной Армении периода первой мировой войны, а в другом—местные жители—«ширакцы» (хотя последние тоже в свою очередь были выходцами из Западной Армении в

30-х годах XIX в.). Последние первых называли «тачкастанцы» (выходцы из Турции), а те, в свою очередь, ширакцев—*срлаканами* (бникнер, старожилы, местные). До конца 1950-х гг. многие крестьяне из этих двух кварталов избегали установления кумовских отношений друг с другом, причем более консервативными являлись переселенцы²⁸.

В ряде случаев в сельских общинах со смешанным населением наблюдалось стремление к замкнутости, обособленности, особенно выражавшееся в регулировании брачно-семейных отношений. При выборе невест предпочтение отдавалось девушкам из своих деревень, нежели из других. В некоторых районах Армении, например в Вайоц-дзоре, до недавнего времени сохранилось это избирательное отношение не только к иным районам, но и к «новым» армянам. В частности, представители старшего поколения из «старых» (местных) армян с трудом соглашались выдать своих дочерей или выбрать невесту из «новых» армян (новыми армянами считаются те, которые живут в других селах того же района и были переселены туда в первой четверти XIX в., из Персии и Западной Армении). Эти армяне до некоторой степени отличаются от местных своим бытом и диалектом²⁹.

До начала XX в. крестьяне из Воскеваза Аштаракского района (Арагацоти), в основном приезжие 30-х гг. XIX в. из Хоя (Персия), не выдавали своих дочерей замуж за ошаканцев, вагаршапатцев (местное коренное население) из-за этнографической специфики этих общин, проявлявшейся в быту, диалекте и обычаях. Хорошие кумовские отношения сложились между воскевазцами и хатунархцами Эчмиадзинского района (Айрарат), население которого было образовано также переселенцами из Хоя³⁰.

В сельских общинах со смешанным населением селения делились в основном на две части: в одной проживали старожилы, а в другой—переселенцы. Эти кварталы так и назывались: «бникнери тах» и «гахтаканнери тах» (с. Бюракан, Карби, Кош, Аштаракского района—Арагацоти), «хпанцвоц тах» и «хрдзавоц тах» (с. Гехануш—Гютгюм Кафанского района—Сюник) и т. д.³¹

В вышеупомянутой деревне Бюракан было два священника—Тер-Товмас (из местных жителей) и Тер-Ованес (из переселенцев)³².

Переселенцы не сразу находили место для жительства. Как свидетельствуют полевые материалы, далеко не все деревни с коренным населением принимали на постоянное жительство переселенцев из Персии и Западной Армении. По-видимому, большую роль в этом вопросе играл экономический фактор: в случае, если деревня располагала свободными земельными угодьями, она могла позволить переселенцам обосноваться у себя, в противном случае, иммигранты получали отказ. Этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в разных селах одного и того же историко-этнографического района крестьяне по-разному принимали переселенцев. Так, в селах Аштарак, Ошакан, (Арагацотн) переселенцы не могли обосноваться, а в селах Аруч, Ахц, Бюракан, Кош, Карби и т. д. того же района, где имелись свободные пустующие земли, старожилы не отказывали переселенцам в постоянном местожительстве и наделении земельным наделом. В этом отношении интересен следующий пример: наш информатор Мкртич Ованесян (с. Аруч) вспоминает, что его дед Ованес со своей женой и сыновьями переселился из Алашкерта (Западная Армения) в Вагаршапат, потом в Айгешат и впоследствии обосновался в Талише, где было сравнительно мало жителей.³³

Разрешение на поселение переселенцев давала вся община. При этом юридическое оформление осуществлялось сельским сходом хозяев каждого дыма во главе со старостой. После получения надела они юридически становились членами данной общины. Однако в некоторых деревнях, например с. Вазашен (Лали) Иджеванского района, поколение переселенцев продолжало оставаться «чужим» по отношению к местному населению³⁴.

Часто возникали земельные споры между старожилами и бывшими переселенцами. Они стали особенно ощутимы в конце XIX и в начале XX вв., так как были вызваны естественным ростом населения и новым наплывом переселенцев (вследствие русско-турецких

войн за 1877—78 гг.), результатом чего явилась нехватка земельных угодий.

До сих пор крестьяне с. Гехануш (Сюник) помнят столкновения из-за земельных наделов между потомками старожилов и новопоселенцев в начале XX в. Старожилы, составлявшие семь дымов, в конце XIX в. приобрели за деньги земли в окрестностях деревни. Со временем, когда переселенцы стали обосновываться в этих местах и пользоваться их землями, старожилы потребовали у них поземельный налог в размере одной десятины урожая. На этой почве вначале между ними возникли разногласия, а позднее—открытые столкновения, во время которых один из старожилов был убит переселенцем Карапетом. Впоследствии он был осужден, но при приближении срока освобождения один из родственников убитого отравил Карапета. По воспоминаниям информаторов, до этих событий между старожилами и переселенцами существовали хорошие отношения, однако нехватка земель и возрастание народонаселения, в основном за счет переселенцев, привели к трагическим последствиям.³⁵

Сельские общины, образованные исключительно переселенцами из Персии и Западной Армении, в основном, свободные пустующие земли Айрарата, Гехаркуника, Арагацотна и Ширака. Зачастую переселенцы из разных мест селились сообща, образуя новую, единую общину. В основном, эти общины были гетерогенны, то есть включали иммигрантов как разных родов (азг), так и из разных деревень и сел вышеуказанных районов. Следует заметить, что на первых порах новообразованные сельские общины состояли из отдельных родственных групп, между которыми со временем складывались соседские отношения³⁶. В новообразованных селах наблюдается закономерность, выражавшаяся в поселении переселенцев из одного места (первоначального села) в отдельном квартале³⁷. В таких случаях эти кварталы так и именовались по названию места исхода—села, откуда произошло переселение. Так, с. Норадуз в районе Камо (Гехаркуник) территориально делилось на два квартала, которые носили названия: «Коруни тах» (квартал выходцев из Корун), и «Мосу-

ни тах» (квартал выходцев из Мосуна). Таким образом, с. Норадуз в основном заселяли крестьяне—выходцы из двух сел (Коруна и Мосуна) Западной Армении³⁸.

Поселок Шулавер (Борчалинский уезд) был разделен на восемь кварталов, каждый из которых носил название той деревни—прародины, откуда в 1750—1760 г. переселились жители: Корх, Камандар, Мреджур, Шмех, Ахбулах и т. д.³⁹

Своеобразные отношения существовали и в с. Сарухан в районе Камо (Гехаркуник), жители которого являлись выходцами из двух сел—Зангизор и Србахан. Село разделено на два квартала. Один из кварталов называется «Зангизор», другой—«Србахан». Эти названия сохранились от отмеченных деревень Западной Армении, жители которых в 30-х гг. XIX в. переселились сюда и долгое время сохраняли экономические, бытовые и диалектные различия.

«Зангизорцы» наряду с сельским хозяйством занимались и ремеслами и находились на более высоком уровне экономического и культурного развития по сравнению с «србаханцами». Между этими двумя кварталами часто возникали конфликты. По свидетельству информаторов, в старину каждый квартал имел свою церковь и отдельное кладбище⁴⁰.

Следует также упомянуть о сохранении на новом месте поселения старых соседских связей. Так, в с. Варденис (быв. Басаргечар, Гехаркуник) из Днядина переселился азг Карапетянов. Несколько лет спустя в то же село переселились и их бывшие соседи по Днядину—род Акопянов. При этом Карапетяны обратились к сельскому обществу, ходатайствуя о поселении своих бывших соседей рядом с ними в том же квартале с. Варденис. Сельское общество удовлетворило их просьбу⁴¹.

В результате многократных переселений семьи не всегда могли сохранить свою целостность и в итоге кровнородственные связи иногда обрывались. Не сразу находя постоянное местожительство, переселенцы переходили из одного селения в другое. Часто во время этих переселений одна семья обосновывалась в одном селе, а другая, родственная первой—в другом. Так случи-

лось с семьей Мелик-Галуста из с. Мангасар Алашкерта. Мелик-Галуст со своими сыновьями обосновался в Мартуни (Н. Карапх—Гехаркуник), а его брат со своей семьей переехал в с. Гюлагарак Степанаванского района (Лори)⁴². Примечателен и следующий факт. Четверо братьев из Баязетского вилайета переехали в с. Норадуз в районе Камо (Гехаркуник). Впоследствии два брата остались там со своими семьями, а остальные двое переселились: один—в Цахкадзор (Дарачичак—Гехаркуник), другой—в Варденик (Гезалдара—Гехаркуник)⁴³.

Своеобразная судьба сложилась у трех братьев, Ато, Адама, Ованеса, которые в 1725 г. переехали из Карабаха в Шамшадни, а потом в Дсех. Впоследствии один из братьев, Адам, возвращается в Шамшадни, Ато остается в Дсехе, а судьба Ованеса—остается неизвестной. В течение нескольких веков кровнородственные связи между потомками двух братьев Ато и Адама были забыты. В Дсехе потомки Ато составляли 52 домохозяйства и писались Атянами, а наследники Адама в Шамшадни—в с. Неркин Кармирахшор, составляли 40 домохозяйств и писались Адамянами. Только в 1967 г. состоялась первая встреча в Шамшадни, а потом в Дсехе между потомками двух братьев⁴⁴.

Данные примеры указывают, что поддержание и сохранение кровнородственных отношений и связей было зачастую затруднено в силу сложившихся исторических условий, что усиливало развитие новых соседских отношений (пареван, дркин) между группами неродственных семей. Соседские связи, соседские отношения внутри сельской общины были обусловлены: ... «близостью проживания и сходством повседневных дел, постоянными личными контактами, сходным стилем жизни, множеством общих местных дел⁴⁵». В целом, можно сказать, что соседские отношения, являясь важной структурообразующей частью отношений в общине, наряду с родственными отношениями (семейными, азговыми) определяли целостное единство взаимодействия между разными группами крестьян в пределах одной общины.

Сельская община представляла собой низшую административную единицу в системе поселкового уст-

ройства губерний и уездов царской России, являясь основной формой поземельной социальной организации.

Как правило, в административном отношении сельская община в Восточной Армении независимо от состава населения совпадала с территорией одной деревни, то есть каждая деревня представляла одну самостоятельную сельскую общину. По замечанию С. Егназарова, каждое селение представляло собою автономную общину, где экономическая жизнь развивалась самостоятельно, оставаясь свободной от воздействия распоряжений центральной государственной власти. Юридическая и экономическая жизнь населения развивалась самостоятельно; в общине взаимные отношения ее членов регулировались нормами обычного права. Центральные органы власти этой стороной жизни населения интересовались очень мало или даже вовсе не интересовались⁴⁶.

Размер и численность населения армянских деревень (гюх или шен) на рубеже XIX—XX вв. варьировали в зависимости от природно-климатических, физико-географических факторов. Так, плодородная почва, умеренный климат, а также значительное число покинутых пришлыми мусульманами поселений привлекали в Айрарат большое количество армян-переселенцев, в результате чего здешние села стали наиболее многочисленными и крупными в Восточной Армении. Многочисленные горные хребты, глубокие ущелья, большие массивы лесов, среди которых ровные, открытые участки занимают незначительную площадь—вот ландшафт, характерный для Сюника, где деревни по своим размерам и численности были меньшими—в среднем 80—100 хозяйств, при этом число душ в каждом хозяйстве составляло 6—7 человек⁴⁷. Армянские деревни в горных районах, расположенные на крутых склонах в ущельях рек, «органически как бы вписывались в окружающий горный пейзаж, составляя с ним единое целое⁴⁸», а земли, расположенные в низинах, были единственными пригодными для обработки, где и находились сады и огороды местных поселений⁴⁹.

Внешний вид армянских деревень представляет несомненный интерес для нашей темы. Как свидетельст-

вуют архивные материалы, «окружная черта селения являлась обыкновенно в виде неправильной линии, кругообразной или эллипсообразной, так, что... все деревни Эриванской губернии составляли крепкие тактические пункты, представляющие величайшие удобства для ружейной обороны»⁵⁰.

Постоянная угроза нападений со стороны Персии и Турции, нестабильность военно-политической ситуации вынуждала армян основывать свои деревни в труднодоступных местах и «направлять усилия на организацию такого поселения, которое было бы способно обеспечивать наибольшие возможности для обороны»⁵¹.

Одной из отличительных черт старых поселений являлось отсутствие в них главных улиц при наличии функционального центра селения. Существовало множество узких проходов, которые наряду со своей непосредственной функцией служили также для прогона скота, а также весной и осенью, в период наибольших осадков, превращались в водотоки, по которым вода стекала вниз⁵².

Нехватка воды как для орошения, так и для питья, ограниченность зон садоводства создавали трудные условия для озеленения деревень. Лишь «в изменчивой садоводческой зоне селения утопали в зелени виноградников и плодовых деревьев, расположенных вдоль обсаженных тополями или ивами оросительных каналов»⁵³.

Почти в каждой деревне имелась каменная церковь, часовня, «священные места» или другие культовые объекты. Кладбище обычно выносилось за окрестности деревни.

В армянских селах дома располагались без всякого порядка, так, что трудно было пробираться между ними. Далеко не всюду имели обыкновенные отгораживать свой двор от соседнего двора каменным забором и оставлять в нем ворота. «Тщательно выложенные заборы с воротами чаще встречались в садоводческих районах, где во дворе разводили огород и плодовые деревья, и почти не встречались в исключительно земледельческих и скотоводческих районах»⁵⁴.

Селения горных районов, расположенные на крутых склонах, характеризовались террасной застройкой,

при которой крыша одного дома служила двором для другого, расположенного выше по склону. Большая степень распространенности сплошной застройки объясняется тем, что она давала ряд преимуществ оборонительного характера, так как позволяла посредством специальных ходов сообщений—«акнатов»—передавать оружие и другие предметы, а при крайней необходимости люди могли переходить по ним из одного дома в другой⁵⁵.

«На равнине дома представлялись в виде невысоких параллелепипедов, имеющих нередко кубическую форму, и их серый цвет сливался с серым цветом грунта и издали деревня обозначалась только зеленью садов (Араратская долина). Плоские крыши служили обыкновенным местом пребывания целого семейства, где днем исправлялись все домашние работы, а ночью, в летнее время, жители предавались сну.»⁵⁶

Наиболее распространенным был многокомнатный жилой комплекс, в составе которого основную роль играло помещение с пирамидальной кровлей и единственным световым и дымовым отверстием (ердик) в центре потолка. По своему хозяйственному назначению это помещение называлось *тонратун*, или *пацатун* (дом для выпечки хлеба), а по своему архитектурному устройству—*галхатун* (дом с главой—венцом)⁵⁷. Наряду с ним в состав жилого комплекса входили хлев (гом) и другие жилые и хозяйственные помещения. Также встречались одно- или двухэтажные дома с плоской земляной кровлей, окнами, широким балконом.

Крестьяне с. Марез Туманянского района вспоминают, что пять зажиточных односельчан их деревни в начале XX в. построили каменные дома с высокими окнами и черепичной крышей⁵⁸. Такие дома были наиболее престижными и несли на себе отпечаток городской культуры. Перспективно этот тип жилища имел тенденцию к дальнейшему распространению⁵⁹.

Каждая деревня распадалась на кварталы. В основе квартального деления лежали семейные, родственные и соседские отношения. Кварталы образовывались также по принципу единства происхождения из первоначального места поселения⁶⁰.

Не менее характерным было и топографическое деление кварталов, которое обуславливалось особенностями местности в целом или какой-либо характерной чертой естественно-географических условий места поселения. Так, весьма распространены названия: «верхний квартал», «средний квартал». Эти общие названия сочетаются с более частными. Так, наряду с названием «средний квартал» (*միջին թաղ*), в с. Дсех (Лора) имелись: «квартал среднего родника» (*միջին ախարի թաղ*), «квартал верхнего родника» (*վերին ախարի թաղ*), «квартал ров» (*ղեղի թաղ*)⁶¹.

В других селениях встречаем следующие названия: «квартал каменоломни» (*քարհանքի թաղ*)—в с. Норатус района Камо (Гехаркуник)⁶²; «квартал лугов» (*չամքերի թաղ*), «квартал кражнери» (*կռածների թաղ*)—в с. Сарухан того же района⁶³. Иногда кварталы носили названия архитектурно-археологических памятников, имевшихся в данной местности: например, в Аштараке «квартал крепости» (Бердатаг), «Кармравори тах»⁶⁴.

Деревня, село, которое выступало отдельной самостоятельной сельской общиной, в рукописных и литературных источниках, в обиходной речи крестьян конца XIX—начала XX вв. именовалось по-разному: гех, шен. Крестьяне самих себя называли «народ села» (жоховурд гехис), «сельчане» (гехаканк), «селем единым» (гехови миабан), «гехови» и т. д. В персидских источниках средневековья для обозначения общины встречается арабский термин «джама'ат» (дословно—народ). В более поздний период (XVII—XVIII вв.) «джама'ат» мы находим в армянских купчих и дарственных записях⁶⁵.

В литературных источниках и полевых материалах наряду с «жоховурд гехис», «гехаканк», «гехови», «гехаци», «шишакан» наиболее часто встречается термин «элл», «эллик», «элалам» в значении общины, общества села. Слово это турецкое и имеет несколько значений: племя, народ, чужой, посторонний человек, все люди, все⁶⁶. Именно это последнее значение нам кажется наиболее приемлемо по отношению к сельской общине. Когда крестьяне хотели подчеркнуть, что все они чле-

ны одной общины, то обычно говорили: «эллик енк», вместе с элликом «черный день для нас как пасха» или «селу единому и бревню ниночем» (гех кангни, геран ккотри), «прислушайтесь к глазу села» (гехови хоскэ мин арк). По образному выражению крестьян, село, община—это «одна большая семья—гердастан, один большой дом, в котором священник, староста, гзир... являются столпами (геран) этого большого дома, причем священник—духовный предводитель, а староста—мирской. Все, что у нас есть, все принадлежит нашей общине, всем членам села»⁶⁷. Из данных высказываний следует, что каждый общинник ощущал себя частью той общины, в которой он жил, к которой принадлежал. Здесь очевидно проявляется идея общинного единства. Общинные отношения, которые складывались между односельчанами в процессе производства, осуществления повседневных хозяйственных дел, включали все связи, основанные на синтезе семейных, родственных и соседских отношений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЩИНА И ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Важнейшей функцией сельской общины являлась регуляция поземельных отношений между крестьянами одной деревни, одного села в процессе производства. Земля приобретает ценность и становится правовой категорией лишь в процессе ее использования. Она является для крестьян основным средством производства и источником материального благосостояния. В условиях низкого уровня организации производства производительность труда была весьма ограничена и по экономическому потенциалу крестьянское хозяйство в целом было простым, натуральным и неспециализированным комплексом: каждый трудился в своем тесном семейном кругу, своими собственными средствами, на собственные нужды. Низкий уровень производительных сил, ограниченный способ производства создавали коллективную заинтересованность (своего рода «осознанную необходимость») крестьян в длительном сохранении общины, как «союза, удовлетворяющего узким потребностям в объединении в патриархальном, неподвижном обществе»¹. Специфической его чертой было то, что он давал «организацию производства только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал только членов одной общины»².

Крестьяне, пользовавшиеся землей, несли определенные повинности и подати, в зависимости от того, к какой социальной категории они принадлежали: к государственным, частновладельческим, монастырским и т. д.³ В изучаемый период Восточной Армении (Ширак,

Гехаркуник) наиболее многочисленной были государственные крестьяне, водворенные на казенных землях. Они составляли около 86% всего крестьянского населения Армении в пореформенный период.⁴

Таблица 1

Процент крестьян на казенных землях Эриванской губернии по отдельным уездам⁵

Уезды Эриванской губернии	% крестьян на казенных землях от всего населения уезда
Эриванский	62.76
Александропольский	92.23
Намичеванский	30.35
Новобаязетский	72.87
Сурмалинский	49.65
Шарур-Даралагызский	62.47
Эчмиадзинский	60.96

В целом, государственные крестьяне, водворенные на казенных землях, составляли 47,39% всего населения пяти закавказских губерний. Наибольшее число государственных крестьян приходилось на Бакинскую (74,58%) и Эриванскую (63,78%) губернии⁶ (табл. 2). Частновладельческие крестьяне составляли 14% населения и проживали в основном в Араратской долине, Загсзуре, Лори, частично в Н. Баязете. Они жили в деревнях, принадлежавших армянским меликам, бекам, которые составляли «привилегированное сословие».

Таблица 2

Процент государственных крестьян на казенных землях Закавказья по отдельным губерниям

Закавказские губернии	Численность государственных крестьян на казенных землях в % от всего населения губернии
Тифлисская	44.38
Кутаисская	19.37
Бакинская	74.58
Елисаветпольская	45.21
Эриванская	63.78

Следует подробнее рассмотреть эту социальную группу. «Привилегированное сословие» (разряд «посторонних лиц») включало всех, кто не принадлежал к крестьянскому сословию: меликов, беков, агаларов и лиц, приобретших дворянство или почетное гражданство. За дворянством следовало сельское духовенство, потом представители купечества, которые путем приобретения земельной собственности проникали в сельские общины. Именно наличие разнородных общественных элементов в деревне до введения Положения 1866 г. придавало сельским общинам всесословный характер.⁷

Среди меликов и беков можно выделить наследственно-родовых, звание которым было пожаловано еще персидскими шахами особыми фирманами—жалованными грамотами, и ханских меликов, беков, которые были возведены в это достоинство ханскими жалованными грамотами. Меликами и беками в крестьянском быту в XIX в. часто назывались и сельские старшины (кехва, кедхуда и т. д.), которые в отличие от наследственных меликов по общественному положению принадлежали к земледельческому классу и наравне с крестьянами занимались земледелием. Единственным преимуществом их, как и других лиц, входивших в «привилегированное сословие»—являлось освобождение от всякого рода податей и повинностей⁸. Как замечает А. Д. Ерицов, «во многих армянских селениях проживают лица привилегированного сословия, пользующиеся многими угодьями совместно с крестьянами нераздельно. Лица эти—потомки местных жителей, по тем или другим отличиям возведенные в дворянское достоинство, но оставшиеся на прежнем местожительстве и не переставшие заниматься сельским хозяйством. Будучи исключены из податного сословия, они удержали за собою... те угодья, кои были прежде отведены им обществом из казенного сельского надела: усадебные садовые, мельничные, пахотные места, а также право на оросительную воду: сенокосом и выгоном продолжают они пользоваться наравне с крестьянами нераздельно... Однако в связи с недостатком земли, крестьяне начинают открыто протестовать, так как многие из дворян живут

в городе, занимая известное общественное положение. Они редко посещают свои деревни, а отцовские уголья продолжают удерживать за собою или же через посредников сдавать в аренду своим нуждающимся сельчанам. Некоторые сельские общества стремятся лишиться права пользования по крайней мере пахотною землею тех из дворян, которые давно не проживают в их среде»⁹.

С целью регулирования земельных отношений между государством и частновладельцами, с одной стороны, и крестьянами—с другой, во второй половине XIX в. царская администрация приняла ряд постановлений. В частности, рескриптом за 1846 и агаларским положением 1851 гг. царская администрация официально юридически узаконила земельные права армянских меликов и беков как собственников и частновладельцев, по отношению к которым крестьяне должны были нести определенные повинности и платить подати¹⁰.

После распространения Положений о сельских обществах в Закавказье (1866 и 1867 гг.) управление общинами приняло чисто сословный характер, так как мелики и беки были устранены от участия в общественных делах и управлении: юридически они были поставлены вне общины. Управление общины внутренними делами всецело сосредотачивалось в руках крестьян, таким образом, «новая организация общинного управления нанесла смертельный удар началу сословности общины»¹¹.

После крестьянской реформы 1870 г. (14 мая) частновладельческие крестьяне перешли в категорию «временнообязанных» и получили право выкупа своих наделов с согласия частновладельца. Но в отличие от России (реформа 19 февраля 1861 г.) в Восточной Армении государство не предоставило нужной финансовой помощи в виде ссуды крестьянам, вследствие чего случаи выкупа земельных наделов были крайне редки¹².

Позднее, в 1912 г. (20 декабря) царская администрация приняла решение об освобождении временнообязанных крестьян Тифлисской, Кутаисской, Ереванской, Елисаветпольской и Бакинских губерний от каких-либо обязанностей перед частновладельцами и о выкупе с по-

мощью государства земельных наделов в обязательном порядке¹³.

Таким образом, постановления, изданные царской администрацией, в основном касались частновладельческих крестьян, которые были немногочисленны в Восточной Армении (14 % всего крестьянского населения) и находились по сравнению с государственными крестьянами в более тяжелом социальном положении.

В 1900 г. (1 мая) царская администрация издала «Высочайший указ о главных основаниях поземельного устройства государственных поселен, водворенных на казенных землях в губерниях: Тифлисской, Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской...»¹⁴. Этот указ относился к основной массе армянского крестьянства, чем и обусловлено его особое значение для изучаемой темы.

Согласно данному указу, на государственных землях в Восточной Армении сохранялись бытовавшие ранее формы землевладения и землепользования, т. е. царская администрация юридически узаконила существовавшие порядки землевладения и землепользования. Наряду с общинным землевладением на государственных землях была узаконена и подворно-наследственная форма землевладения, в зависимости от того, шла ли речь о пахотной земле, пастбищах, выгонах или усадьбах, садах, огородах. В плодородных равнинах, где было развито садоводство, огородничество, в основе которых лежал примитивный физический труд отдельных домохозяйств, широко была распространена подворно-наследственная форма землевладения. По отношению к пахотной земле, пастбищам и выгонам сохранялось господство общинной формой землевладения. Царская администрация допускала переход от общинного землевладения к подворно-наследственному с целью стимулировать развитие капиталистических элементов в патриархальной традиционной деревне, что в конечном итоге способствовало бы расслоению крестьянства, проникновению товарно-денежных отношений. Однако этот переход не являлся обязательным и допускался только «по постановлению сельского схода и с согласия на то 2/3 домохозяев, имеющих право голоса на сходе»¹⁵,

т. е. лишь учитывая желание крестьян, водворенных на казенных землях, можно было осуществить этот переход.

Однако основная масса крестьянства на местах продолжала придерживаться общинной формы землепользования. Армянская сельская община выступала как постоянный держатель и владетель земли, но без права на ее отчуждение. Она осуществляла контроль над общинниками при распределении наделов. Не только общинники, но и община не имела права покупать или продавать (т. е. отчуждать) земли, которые входили в земельный фонд данного села, данной общины: аренда надела общинниками допускалась только внутри одной общины, т. е. фактически земля не могла быть исключена из правовой компетенции данной общины, данного традиционного коллектива-держателя. Следовательно, права общины на распоряжение земельным фондом были ограничены, что дает нам возможность определять их как владение, а не в качестве собственности.

Все земли, находившиеся во владении общины, делились на следующие категории:¹⁶ а) земли, состоявшие в нераздельном пользовании всей общины (выгоны, пастбища, водопой), б) земли, находившиеся во временном, но самостоятельном пользовании каждого домохозяина (часть пахотных земель, сенокосы), в) усадебные земли и сады, огороженные места, не подлежащие какому-либо переделу и находившиеся в подворно-наследственном владении крестьян, г) пустующие, свободные земли. По качеству почвы земля, входившая в общий земельный фонд общины, также делилась на три категории: хорошие земли (орошаемые) — «хэлидзан», «вери», «тиорки кйавшан», «джрарбик», средние земли и плохие земли (неполивные, безводные) — «хрер», «хамер», «сйарни», «карктец», и т. д.¹⁷ Часть пахотной земли определенно не находилась в подворно-наследственном владении общинников, поскольку отдельный двор считался только временным пользователем доставшегося ему при разделе земельного участка. По истечении срока, установленного для пользования индивидуальными наделами, они поступали в распоряжение

сельской общины и заново распределялись между ее членами-совладельцами. Ни один из общинников не мог претендовать на бессрочное держание пахотного надела. Пахотная земля не обрабатывалась *сообща*, и урожай с нее не распределялся коллективно. Использование надела и продуктов, получаемых с него, находилось в ведении индивидуально-семейных ячеек («дымов»), которые обрабатывали наделные участки так, как считали выгодным и удобным. Они же исполняли фискальные обязанности, выплачивая государству налоги за пользование наделом. В этом заключалась сущность общинного землевладения в Восточной Армении во второй половине XIX в.

Другая часть обрабатываемой земли (усадебные сады, огороды, огороженные места) была отделена от общинного фонда и не подвергалась переделам. Она находилась в подворно-наследственном держании крестьян, которые с помощью личного труда создавали себе постоянно-наследственное право пользования усадебной и садовой землей¹⁸. Развести сад, как пишет С. Егназаров, на несколько лет нельзя: «сад остается садом до тех пор, пока деревья не высохнут... или же пока их не вырубят: а путем подсаживания новых деревьев можно сто и более лет содержать сад в порядке и первоначальном виде¹⁹».

В предгорной и низменной зонах некоторых уездов Эриванской губернии, в частности Эчмиадзинского и Сурмалинского, где жители занимались виноградарством и садоводством, садовые земли и огороженные места давным-давно были изъяты из общинного владения. Они находились в подворно-наследственном владении крестьян-общинников, при котором каждый домохозяин пользовался и распоряжался этими участками как наследственным недвижимым имуществом, переходящим из поколения в поколение и подлежащим разделу только между членами семьи²⁰.

По наблюдениям С. Егназарова «...экономическая связь между дворами и зависимость общинников друг от друга существует... Общинные начала глубоко укоренились в правосознании населения и общинное землевладение пока держится. При разверстании земли,

огороженные места, хотя и не поступают в передел, но принимаются в расчет. Если общинник успел уже огородить свои наделные участки, обратить их под сад, искусственно насажденные рощи... то при последующем за огораживанием переделе сход отказывает ему в лишней пахотной земле»²¹.

Как отмечалось, пастбище, выгоны находились в коллективном, нераздельном пользовании всех общинников данного поселения. Свободная, пустующая земля также не могла стать предметом исключительного пользования одного лица, хотя община с давних пор не запрещала своим членам личным трудом превращать в пашню приглянувшиеся участки девственного клина²². Расчищенная целина по праву первой распашки оставалась в пользовании расчистившего ее общинника. Однако он продолжал пользоваться ею лишь в течение двух-трех переделов; затем при новой развертке она наравне с прочими землями включалась в состав общинных угодий, подлежащих переделу²³.

Община не запрещала своим членам создание участков пахотной земли из выгонов или пастбищ. Однако такие займища оставались в индивидуальном пользовании до того времени, пока не возникала потребность удовлетворения малоземельных односельчан дополнительными прирезками. Тогда участок поступал в общий земельный фонд, подлежащий переделу. Так, в 7 км от с. Норадуз (р-н Камо) находились пустующие свободные земли — азат хараба. Крестьянин-общинник мог пользоваться обработанным единолично участком этой целины, но во время общинных переделов (раз в 3 года) эта пашня включалась в совокупный общинноземельный фонд, подлежащий переделу. Вследствие малоземелья к 1910 г. все эти земли превратились в переделные²⁴.

Каждый крестьянин имел право пользоваться землей, только лишь если он был *членом данной общины* и его фамилия значилась в камеральных подымных списках. Если же по каким-либо причинам фамилия крестьянина не значилась в камеральных списках, то он считался временным поселянином и лишался права пользования землей²⁵.

В 80—90-х гг. сельские общества имели право рассмотрения прошений крестьян о включении их в состав общины. При этом, малоземельные общины не были заинтересованы в приеме новых членов, так как это вызывало сокращение площадей земельных участков. Принимая нового члена, а соответственно и занося его фамилию в камеральные списки, община должна была выделить из своего земельного фонда надел для него, что в свою очередь обостряло земельный голод. По-видимому, так думали крестьяне с. Лали Иджеванского района, когда к ним переселился жить вместе со своей семьей столяр Гево из с. Узунтала того же района. Хотя крестьяне любили его за скромный характер, однако его не приняли в разряд полноправных общинников и он оставался чужаком среди сельчан²⁶.

Община реагировала совсем иначе, если крестьянин, не принадлежавший к данному обществу, женился на наследнице или вдове умершего домохозяина с тем, чтобы не угас его очаг (цух) чмарн—*ծուխը շմարն*). Этот крестьянин именовался местоблюстителем умершего (*գլխափոխ*—«глхапох»—«заменяющий голову»). В таком случае он делался членом общества и получал земельный участок умершего домохозяина. Не редки случаи, когда община сама выбирала, сватала по своему усмотрению оставшуюся одиночкой, без мужа, со своими сиротами бедную вдову. Заинтересованность общины в данном деле объяснялась тем обстоятельством, что одинокая вдова, несмотря на пользование своим земельным участком, не могла выплатить подъемный налог, и тогда общине самой пришлось бы уплатить оставшиеся невнесенными подати²⁷.

Общинное владение распространялось также на все используемые природные ресурсы (каменоломни, залежи глины и т. д.), которые находились на территории общины.

В этом отношении исключительный интерес представляет жалоба поселян деревни Птгни мировому посреднику на своего мульткодара. Документ этот имеет следующее содержание: «...В деревне Птгни водворены казенные крестьяне и они пользуются этой деревней и отбывают мульткодару $4\frac{1}{30}$ багру со всего произведения

и что мульткодар имеет сад собственный, разведенный на ахчевой земле, кроме которого особого собственного участка не имеет.

Около поля поселян на уровне почтовой дороги... есть каменоломня, в настоящее время по случаю постройки в с. Канакир Штаб Квартиры подрядчики начали добывать из нашей каменоломни камни, которым мульткодар наш позволил без нашего на то согласия добывать камни за плату ему по 50 коп. за сажень. Так как эти камни добываются не из особого участка собственного, принадлежащего мульткодару, а из земель дер. Птгги, потому и доход с этой каменоломни должен поступить в пользу поселян Птгги, а не весь доход, несмотря [на то] что подрядчики бросают мелкие камни через наши поля. ...Поэтому обязать... мульткодара дер. Птгги, чтобы он платою с каменоломни за исключением $\frac{4}{30}$ не имел права взыскивать в свою пользу и не имел права самовольно отдавать посторонним лицам без нашего на то согласия... и по сие время взысканные деньги за вычетом $\frac{4}{30}$ возвратит бы нам, что составляет 26 руб»²⁸. В данном случае она вступила в тяжбу с мульткодаром в качестве юридического лица, защищая свои права и юрисдикцию над общинным владением. Таким образом, община следила за сохранением всех своих доходов.

В изучаемый период в Армении часть пахотной земли, пастбища, выгоны не находились в частной собственности отдельных крестьян, но эти же земли не состояли и в абсолютном распоряжении общины, так как по закону они были включены в состав государственных земель, с которых полагались фискальные сборы и повинности, и правительственные земельные учреждения осуществляли высшее распорядительное право над этими землями. Местные общины выступали в качестве коллективных владельцев отмежеванных им сельскохозяйственных угодий, в пределах которых они могли осуществлять традиционный порядок наделения своих членов определенным количеством земли. При таком порядке отдельные хозяйства выступали держателями земельных наделов без права их отчуждения на сторону.

Таким образом, армянская сельская община обеспечивала экономические интересы своих членов и в первую очередь надела их необходимыми условиями и средствами сельскохозяйственного производства — пахотной и пастбищной землей, пастбищем, свободными заимками на общинной целине, лесом, водами и т. д. В малонаселенных районах Армении эти потребности наиболее полно удовлетворялись в первой половине XIX в. благодаря наличию свободных и пустующих земель.

В начале 30-х гг. переселенцы из Западной Армении невольно пользовались в отмежеванных им районах оседания свободными землями, обращая их в пашни, сады, пастбища и сенокосы²⁹. Но впоследствии, по мере возрастания народонаселения, уменьшения размеров пригодной для разработки целины, ослабления производительности почвы, общинная масса неизбежно должна была обратиться к уравнильно-передельному способу эксплуатации сельскохозяйственных угодий.

В селах с общинным землевладением сохранялась одна из главных функций общины — функция переделов земли между членами одной общины. Наличие переделов — характерный признак общинного землевладения.

Рассмотрим вопрос о характере этих общинно-земельных переделов, которые в разных местностях и общинах были или полными, или же частично-уравнивающими (путем прирезки или урезки семейного наделного клена с сохранением основных земельных участков). Полный передел практиковался в тех селах, которые были основаны переселенцами из армянских областей Турции и Персии сравнительно недавно, в отличие от тех районов, где коренное население устойчиво сохраняло за собой основные участки с отрезкой от них излишней или прирезкой к ним недостающей земли. Это и был частичный передел, или «уравнение», наделной земли³⁰.

При частичных переделах, когда один и тот же участок (лишь с некоторым изменением его площади) оставался в пользовании прежнего хозяина, а также при длительном отсутствии общих переделов происхо-

дило фактическое закрепление наследственного земельного держания. Общинник начинал смотреть на свой надел как на неотъемлемую принадлежность его частнособственнического хозяйства. Да и в представлении его соседей такой передаваемый по наследству земельный клин считался «азговым», т. е. в основе своей постоянным «фамильным» наделом (производное от фамилии владельцев)—в Нор-Баязете, Мартуни и т. д., например, «Петосец арт», «Мкртченц арт» и т. д.³¹

Таким образом, при частичном переделе земли путем отрезки ее у одних общинников и «прирезки» другим ядро наделного участка оставалось за пользующимся им общинником. Община привыкает рассматривать это ядро в качестве частной собственности. В этом можно усмотреть возникновение подворного землевладения³².

В связи с этим правильно замечал С. Егназаров, что процесс разложения общинного землевладения начинался обыкновенно с удлинения периодов между переделами и с огораживания наделных участков³³.

При рассмотрении земельных переделов представляется существенным не только их характер (полные, частичные), но и сроки, в которые производились переделы (периодические или же бессрочные).

Продолжительность периода между переделами имеет весьма важное в экономическом отношении значение. Непродолжительный период способствует равномерному распределению земельных угодий и поддерживает в народе сознание общности земли, но, как правильно отмечал С. Егназаров, «препятствует рациональному ведению хозяйства: общинник, зная заранее, что отведенный ему надел через два-три года при новой разверстке перейдет в другие руки, не станет, разумеется, затрачивать на землю капитал и заботиться о поддержании производительности почвы. Поэтому более выгодным в экономическом отношении принято считать продолжительные периоды. С другой стороны, чрезмерно продолжительные сроки не выгодны, так как способствуют распадению общинного землевладения. При продолжительном владении землей крестьянин сильно привязывается к ней, ему трудно

расстаться с наделом, на который он затратил много труда и времени. Он привыкает смотреть на землю как на частную собственность свою»³⁴.

В большинстве районов Восточной Армении в изучаемый период переделы производились с интервалом от 3—5 до 7—10 лет.

Наряду с этим, встречались села, в которых переделы не производились в течение 12, 15, 20 лет и более.³⁵

В некоторых общинах Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии вообще отсутствовал обычай передела земли через известное число лет. Там был распространён обычай персмежевания «по надобности», как говорили местные жители³⁶.

Неопределённость сроков передела или долгое отсутствие последних служили частой причиной бесконечных ссор и даже драк между крестьянами, поскольку внутри села выделялись две группы общинников — малоземельные, стремившиеся к скорейшему уравнительному переделу, и обладатели крупных земельных наделов, для которых очередной передел означал сокращение используемого участка.

В документах — «мирских приговорах» — основная часть малоземельных крестьян требовала нового раздела земли, ввиду того, что земля большей частью находилась у нескольких зажиточных крестьян той же общины³⁷.

Ниже приводим с некоторыми сокращениями прошение крестьян за 1877 г :

«Общество наше по последнему камеральному описанию состоит из 50 дворов, из коих многие пользуются общественной нахотной землею против других домохозяев в самом меньшем количестве...

...Мы просим вас велеть ...воспретить 10 семействам односельцев наших как зажиточных влиятельным лицам не препятствовать разными своими выходками производству нами уравнительного надела общественной земли, по числу душ каждого семейства докладывая... что... из 50 желающих произвести этот надел, в чем и подписались по доверенности, а нежелающих только 10 человек, которые пользуются большим количеством земли»³⁸.

Вопрос земельных переделов стоял особенно остро в селах с коренным населением, где из-за крайней тесноты, скученности населения и безводья земля приобретала особую ценность³⁹. В мирских приговорах с. Мастара, Ошакан (старые села с коренным населением, сформировавшиеся еще до вхождения Восточной Армении в состав России) крестьяне жалуются на то, что уже 40—50 лет как в этих селах не производились переделы земель, в результате чего внутри общины есть семьи, у которых на одного человека приходится 30 котов (местная мера) земли, у других—2—3 кота, а остальные вообще не имеют наделов и кормятся поденным заработком⁴⁰.

Кроме того, отдельные участки земли были отрезаны наиболее мощными семьями и изъяты из общего земельного фонда, превращены в подворно-частное владение, и потому не подвергались переделам, тем самым усиливая «земельный голод». Нехватка земли, малоземелье побуждало крестьян составлять такие «мирские прошения», в которых они просят о включении во время переделов в общий земельный фонд также садов, огородов отдельных семей и о запрещении разведения новых садов на пахотных землях, вызывая тем самым недовольство тех односельчан, которые сосредотачивали в своих руках значительные наделы⁴¹. Отсюда и многочисленные споры, драки, побои между крестьянами, разбирательством которых, как мы увидим в дальнейшем, занимался общинный сход. Конфликты между крестьянами происходили не только из-за неопределенности сроков переделов или долгого отсутствия последних, но и из-за качества надела: некоторые из односельчан получали меньшие наделы, к тому же преимущественно третьей категории—хрер, а другие—большие участки и только первой или второй категории⁴².

Переделы общинных земель производились различными способами. В большинстве районов Армении, главным образом в Эриванской губернии, переделы производились по определенной системе, имевшей специальное название «ампа-чарек»⁴³. Тот же способ переделов был распространен и в Борчалинском уезде Тифлисской губернии⁴⁴.

Наряду с ампа-чаречной системой, в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии существовал и другой способ переделов, в основу которого был положен «глух» («баш», голова, тягло—женатый мужчина)⁴⁵.

Специфика ампа-чаречной системы диктует необходимость более подробного ее рассмотрения. Этот сложный термин, состоящий из двух элементов—«ампа» и «чарек», С. Егнazarов расшифровывал следующим образом: «ампа»—персидское слово, означает *hām* (со) и *rūaj* (доля), т. е. соучастник, пайщик или просто общинник. Далее, он же пишет, что получаемый надел зависел от «... числа фактических душ, входивших в состав семьи. Чтобы иметь амповый надел, семья должна состоять из 16 душ обоего пола»⁴⁶.

У исследователя экономического быта государственных крестьян Новобаязетского уезда А. Парвицкого слово «ампа» означает «богатство», «почет», а «чарек»—четвертую часть целого. В отношении к наделению земель категория «ампа» выражала совокупное благосостояние семьи—«дыма», позволяющее ей самостоятельно хозяйствовать и платить все поземельные налоги и нести повинности, а «чарек» означал минимальную долю этой совокупной единицы, или «ампы»⁴⁷.

У С. Зелинского мы находим объяснение этого термина в смысле «платежной способности...»⁴⁸.

По-видимому, старинная, традиционная форма ампа-чаречной системы основывалась на учете как фактических душ обоего пола в данной семье, так и экономической состоятельности и платежеспособности «дыма». При наделении общинников полевыми участками за основную единицу принималась условная семейная ампа, включавшая в себя 16 душ обоего пола и имевшая возможность выставить один тяжелый плуг с 10—12 парами тягловых быков, одного пахаря и десятих погонщиков⁴⁹. До сих пор точно не установлена причина ограничения ампы 16 душами. Однако можно предполагать, что такой рабочий потенциал земледельческой ампы по местным условиям обеспечивал полную обработку общинного надела при натуральном ведении хозяйства, ограждал семью от разорения и гарантировал ее податную платежеспособность. В зависимости

от численности и материально-технического состояния совместно хозяйствующего родственного коллектива последний мог быть наделен землей свыше нормы полной ампы или же ниже этой нормы. К примеру, в с. Давалу Эриванского уезда в 80-х гг. XIX в. существовала фамилия Огановых, состоявшая из трех больших семей. Эта патронимия включала 135 душ и имела свыше 8 амп общего надела. Позднее она распалась на 13—14 малых семейств: соответственно раздробился и их надельный клин⁵⁰.

Таким образом, как заключал С. Егназаров, «...система ампа-чарекства не что иное, как своеобразный ценз, по которому отдельные семьи, начиная с большой патриархальной и кончая простою, двухдушною, занимают в общине то или другое положение. И земля, и вода, и подати, и всевозможные повинности распределяются между общинниками согласно этому цензу и пропорционально размеру отводимых им наделов...»⁵¹

В Армении в конце XIX начале XX вв. в связи с усилением распада больших семей выделившиеся малые семьи редко получали полную надельную ампу: чаще всего на их долю приходились только некоторые пропорциональные части ампы.

Расчет надела для малой семьи осуществлялся следующим образом. Полная земельная ампа могла быть поделена на части—«кисан»—половина, «чарек» (или «пджег»⁵²)—четверть, «пслучарек»—получетверть (или осьмушка). Чарек как надельная единица был приравнен к четырем душам обоего пола, а получарек—к двум душам. Исходя из такого расчета семья в составе 16 душ получала полную ампу (т. е. 4 чарека). Семья из 12 человек получала в надел $\frac{3}{4}$ полной ампы (т. е. 3 чарека). Низшей земельной единицей был получарек-ковый (осьминной) надел, полагавшийся семье из 2 душ.

Все вышеуказанные разряды наделов (ампа, ирек-пджег, кисан, чарек) не являлись постоянными величинами: размер их зависел как от наличного числа душ в отдельных дымах, т. е. от изменения наличного состава каждого дыма, так и от прироста населения и богатства или бедности земельного фонда данной об-

щины⁵³. Если семья состояла из нечетного числа людей, то при наделе ей добавляли условную лишнюю «душу»: например, семья из 3 человек получала полный чариковый (четвертной) надел на 4 души. Даже одиноко живущие люди, не имевшие ни семьи, ни хозяйства (бекары), получали (разумеется, с согласия схода) надел на две души, принимая во внимание, что земля в размере на одну душу не представляла никакой цены и экономического значения.

Подобный способ разверстки путем прибавления фиктивных «душ» применялся только в многоземельных общинах. В местах, где земли в общинном клане не хватало, никакие условные «души» не учитывались. В этом случае как пашущие одинокие бобыли, так и семьи из 2, 3, 5 душ соединялись по принципу *складывания* или *супруги* дымов и душ в последних до полной ампы из 16 душ, которым выделялся общиной полномерный амповый надел. В основе появления этого института лежали экономические причины: невозможность вести хозяйство силами маломощных общинников и желание более выгодным образом эксплуатировать ничтожные по размерам наделные участки⁵⁴.

В с. Мари Туманянского района существовали три самодельных плуга «гара» и 6—8 семей соединялись в товарищества «амкяр», складывали свой сельскохозяйственный инвентарь вокруг одного такого плуга⁵⁵. Подобные объединения были вольными. Члены таких объединений могли быть связаны как узами родства, так и соседства, т. е. эти товарищества включали в себя как родственников, так и неродственников. Все члены товарищества пользовались равными правами и имели равные обязанности⁵⁶.

Со временем ампа-чаричная система переделов существенно видоизменилась. На смену традиционной форме ампа-чаричной системы пришла новая форма, которая зависела в основном от экономического потенциала дыма, т. е. число душ перестало учитываться. Так, экономически мощная семья получала полную ампу независимо от того, сколько душ включала в себя. А бедная семья, состоящая из 10 душ, получала четвертной надел⁵⁷.

Основную выгоду от ампа-чаречной системы получали обычно зажиточные семьи «ампа». Достаток надельной земли и средств ее обработки позволяли главам этих семей нанимать дополнительную рабочую силу. Напротив, технически маломощные семьи теряли свою пропорциональную долю в общем переделываемом клане и экономически скудели.

Зажиточные «ампозые» семьи (под «ампой» теперь уже подразумевалась состоятельность, ее синонимами выступают «парует», «довлатавор») ⁵⁸ преобладали над остальными семьями, пользовались большим влиянием над прочими в деревне ⁵⁹. С изменением их имущественного состояния менялась и социальная роль «амповых семей». Один из очевидцев так характеризовал сложившееся положение: «Прежде состояние в ампе было результатом экономической мощности, теперь—общей зажиточности и влияния на сходах» ⁶⁰.

Своеобразный способ переделов земли существовал в Зангезурском и Шушинском уездах Елисаветпольской губернии. Здесь основной единицей распределения земли служил женатый мужчина, считавшийся «целой головой» (глах, баш) и получавший полный надел, если даже ему было не более 12 лет ⁶¹, а неженатый мужчина, способный к работе, умеющий управлять плугом или сохой, признавался «полуголовой» (кес клех); дети, которые могли быть погонщиками во время пахания (потах), считались четвертью «головы». Остальные лица мужского пола— не способные к работе старики, женщины—совсем не принимались в расчет. Исключение составляли лишь вдовы, оставшиеся с малолетними детьми, которые по усмотрению общества крестьян получали надел наравне с мужчинами ⁶².

Таким образом, у армян Зангезура порядок наследования движимого и недвижимого имущества шел только по мужской линии. В этом отношении Зангезур отличался от Ереванской губернии, в частности Араратской долины, где была распространена другая система—«ампа-чарек», куда входили и мужчины и женщины.

Раздел надельной земли между «головами» производился следующим образом: вначале исчислялся об-

щий земельный фонд общины и число «голов» (клёхов), входящих в данную общину⁶³. Затем общий фонд делился на количество «голов» и определялась площадь пахотной земли и сенокоса, приходившаяся на один «клех». После чего составлялись десятки—«таснаки», так, чтобы в каждый десяток входило равное число голов. Далее земельный фонд по жребию распределялся между *таснаками*. В каждом таснаке выбирался глава партии, десятник, в функцию которого входило внутреннее распределение земли между членами таснака.

В Загезуре таснаки образовывались лишь на время земельных переделов и сенокоса⁶⁴.

За пределами Загезура в Армении таснаки составлялись как во время земельных переделов, так и в период ирригационного сезона для распределения воды и несения общественных повинностей⁶⁵.

По составу своих членов таснак мог совпадать с патронимическим (азговым) кварталом, но мог также состоять из соседей, не связанных узами родства, или же образовываться в смешанном виде⁶⁶.

Если в середине XIX в. еще существовали различные формы переделов, то в 80-х гг. XIX в. по распоряжению губернского начальства в большинстве районов Восточной Армении была введена простая подушная система переделов земли, при которой каждая семья получала долю, соответствовавшую числу душ (*шунч*) обоюбого пола в данном хозяйственном дворе⁶⁷.

При подушном пользовании каждое изменение числа членов семьи влекло за собой уменьшение или увеличение площади наделной земли при периодических общинных раскладках. Например, в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии, если в семье рождался ребенок, отец обращался к обществу, требуя прибавления земли. Если же кто-то умирал или девушка выходила замуж, жители требовали урезать часть земли для передачи другим. Подобные случаи служили причиной частых конфликтов между односельчанами.⁶⁸

Если в семье ожидалось прибавление потомства,

беременная женщина считалась за две души и получала надел на двоих.

В Гехаркунике (Варденисский, Мартунинский районы) семья, состоявшая из трех человек—отца, матери, взрослого сына, получала надел на 4 души, так как предполагалось, что до следующего передела (через 7 лет) сын может жениться⁶⁹. Если же в семье имелся отходник, продолжавший числиться членом данной общины, то надел оставался в пользовании его семьи, и подати за него вносила вся семья⁷⁰.

В других селах Армении при недостаточности подушного участка, каждому члену сельской общины предоставлялось право распахивать общественную целину или отрезать участок леса (*խիւիւշխիւիւ*—хаманат), превратить его в пашню и единолично пользоваться землей до следующего уравнения подушных наделов, когда поднятый на целине участок включался в общий переделный фонд⁷¹.

По этому поводу иногда составлялись мирские приговоры, посредством которых члены общины давали свое согласие для выделения на пустующих землях участка малоземельному односельчанину, в частности, если у него в семье было много душ⁷². Хотя община не препятствовала распахиванию целины и превращению ее в пашню отдельными малоземельными крестьянами, однако очень часто представители местной власти, злоупотребляя своими правами, отбирали уже расчищенный участок у его пользователя. Это случилось с безземельным крестьянином Тевосом—героем рассказа Вр. Папазяна «Труженник земли». Тевос по примеру своего односельчанина Мелика очистил и обработал часть каменной пустоши, принадлежащей государству, но никогда прежде не использовавшейся. Все лето он трудился, выгреб целую гору камней, выкорчевал кустарник и чертополох, вспахал маленькое поле. Но когда он сделал каменное поле пахотным, представитель местной власти—лесничий пришел и отнял у него участок, а его самого побил и вышвырнул с участка, так как взял взятку от соседа Мелика. И хотя по представлению крестьян земля принадлежала тому, кто на ней трудится, «проливает кровь и пот», однако, по спра-

ведливому замечанию Вр. Папазяна, — «...такие дни еще не пришли, и хозяином земли является тот, кто обладает силой, способен лгать и давать взятки, а главное, владеет кулаком — грубым, страшным, звериным кулаком...»⁷³.

Каждый член общины нес повинности за подушный надел. В случае неуплаты податей земля отбиралась обществом и передавалась другому хозяину, желавшему пользоваться ею и нести причитающиеся повинности⁷⁴. Если же общинник не мог обрабатывать свой участок из-за неимения рабочего скота и земледельческих орудий, то он был вправе сдавать его в аренду своему односельчанину⁷⁵.

Поземельные переделы в армянской деревне были важным общественным делом, обставленным многими строгими правилами. Для начала, когда большинство домохозяев приходило к согласному убеждению в необходимости нового раздела земли, сельский сход выбирал наиболее уважаемых доверенных лиц, составлявших своего рода «межевую комиссию», медиаторов-танафчи⁷⁶, которая должна была точно знать, сколько экономических единиц «душ» в данной общине имеет право на земельный надел, как велика по общей площади подлежащая переделу земля и каково качество почвы отдельных участков. Поэтому пашня (а также сенокосные угодья) предварительно измерялись под наблюдением выборных. В разных местах по-разному измеряли площадь земли. Например, в с. Вааги (Лори) измеряли длинной цепью (*էրպար ճիշդում*). В окрестностях Еревана надел, сад, участок измеряли веревкой (чван), длина которой равнялась 40 газам. Веревка делилась на четыре чарека, каждый чарек приравнивался 10 газам. Один газ был равен 1 аршину⁷⁷. В повседневном быту крестьяне говорили: «У меня столько-то чванов земли», что указывает на значение чвана в качестве единицы измерения земли. Единицами измерения также служили: кот, литр (батман), халвар, оравар⁷⁸.

И. Шопен, С. Егназаров и другие исследователи XIX в. отмечали, что в разных местах Восточной Армении эти единицы имели разную величину. Так, кот — мера сыпучих тел, в одних районах приравнивался 25

фунтам, в других—12 фунтам; литр (батман)—также мера сыпучих тел, в Эриванском уезде весил 12 фунтов; халвар соответствовала 30 пудам. Сомар равнялся 1/10 халвара, следовательно, сомар являлся пространством земли, на котором можно посеять 3 пуда пшеницы⁷⁷. Кот, литр, сомар, халвар служили не только мерой сыпучих тел, но и являлись единицами измерения площади пахотной земли. В с. Гюзалдара Новобаязетского уезда в 1883 г. при распределении пахотных и сенокосных земель за единицу площади был принят квадрат со стороной в 25 саженой веревки, т. е. площадью 625 кв саженой, что и составляло в данном случае «кот».⁸⁰

Оравар служил единицей измерения площади одневноной пахоты. Эта величина так же колебалась в зависимости от характера почвы (рыхлая, глинистая, каменная) и сельскохозяйственного инвентаря (плуг, соха)⁸¹.

Важным моментом межевой работы было определение советом («комиссией») выборных всей общины размеров надела на одну экономическую единицу—«душу». Затем, перемножив размер подушного надела на число единиц в дыме, получали подъемный надел.

После жеребьевки каждая семья получала свой надел, который складывался из определенной суммы пахотных и сенокосных полос по числу «душ» (шунч—нафаров) в каждой семье⁸².

Ходатайствуя о новой разверстке земель, крестьяне просили провести ее в зависимости от числа душ, т. е. внедрить подушную систему переделов, с надеждой, что многолюдные, но бедные семьи получат больше земли⁸³. Показательна жалоба крестьян с. Бджни, в которой говорится о неправильном распределении земель, вследствие чего «... есть семьи, состоящие из двух нафаров (т. е. душ—М. А.), но располагающие 10—12 халварами земли, в то время как рядом живут многолюдные семьи (10 нафаров), но имеющие 2 халвара. И потому общество с. Бджни ходатайствует о новом переделе земель между общинниками»⁸⁴.

Эта новая система, казалось, была более справедливой. Однако по сути дела в основе ее лежало меха-

ническое деление площади земли на число фактических душ, что способствовало дроблению и чересполосице наделных участков в большей мере, чем в условиях ампа-чаречной системы⁸⁵. Вследствие именно этой чрезмерной дробности наделных участков последние теряли свое экономическое значение. Разрушению хозяйства беднейших и маломощных семей способствовала также и разбросанность наделов, дальность их от деревни, существование разных величин измерения наделов. В связи с малоземельем наблюдались случаи вероотступничества. Губернатор Ереванской губернии отмечал переход малоземельных крестьян в православие, с последующим возвращением к своей, т. е. григорианской, вере после получения земельных наделов. Далее он приводит следующий факт: в дер. Ахин из десяти семей, которые перешли в православную веру и получили наделы, семь семей вновь вернулись к своей вере⁸⁶.

Весьма существенный следующий вопрос: все ли крестьяне, жившие в данном селении, считались членами данной общины и соответственно полноправными совладельцами земли и получали наделы? Анализируемые материалы, так же как и логика фактов, указывают на такое формальное равенство среди крестьян, являвшихся потомственными жителями данного селения. Однако наделение землей переселенцев, которых было много на рубеже XIX—XX вв., зависело от размеров общего земельного фонда данной общины. При наличии значительного земельного фонда и удовлетворенности потребностей старожилов переселенцы, как правило, получали земельные участки после очередного передела земель старожилов⁸⁷.

Разумеется, до получения первого общинного надела переселенцы должны были чем-то существовать. Поэтому те из них, кто имел рабочий скот и орудия труда, обращались к общинникам, имевшим надел, и трудились вместе с ними на основании издольного соглашения («кисрар»—кес), т. е. безземельные новопришельцы пахали, сеяли своими средствами, а урожай делили с владельцем надела поровну⁸⁸. Если же новопришелец не имел никаких средств производства,

то он занимался в работники (мшак, ноляр) к зажиточному крестьянину.

В изучаемый период в армянской деревне временно или постоянно проживали и такие лица, которые занимались исключительно мелким ремеслом на заказ, чем и кормились. Они не включались в число податных лиц данного селения, поскольку не состояли членами местной общины и не владели здесь наделом. По давней традиции они считались членами той общины, откуда пришли и где сохранялось их право на земельный надел.

В с. Курдуклю (Армавир) проживали кузнец—уста Макар с семьей—выходцы из Александрополя, плотник Вардан, также с семьей—из с. Кулаб Сурмалинского уезда и т. д. Однако они не считались членами данной общины и соответственно не получали наделы⁸⁹.

Вместе с тем, и сами местные общины порождали в своей среде некоторое число местных ремесленников и мелких торговцев-скупщиков, которые, занимаясь специализированным промыслом, не оставляли также и сельского хозяйства. Поэтому в качестве сообщинников они имели полное право на земельный надел и после за него все податные платежи и мирские повинности, как и остальные крестьяне данного селения. Так, с. Аруч имело своего кузнеца, коваля, цирюльника, Гончара, каменщика. Все они были членами общины, имевшими наделы, и в то же время занимались ремесленным делом, оставаясь, однако, скорее любителями, нежели профессионалами⁹⁰. Во время работы ремесленников на своих односельчан заранее обуславливалась форма оплаты труда—денежная или натуральная (в частности, оплата зерном).

Очень часто во время размежевания земель возникали споры из-за того или иного земельного участка. Земельные споры возникали в основном между казенными крестьянами и частными владельцами, крестьянами и казною и между крестьянами соседних сельских обществ, не говоря уже с повседневных земельных конфликтах между крестьянами одной общины⁹¹.

В последнем случае они возникали из-за того, что наделы не имели четких границ. Последние можно бы-

ло передвигать: земельные наделы крестьян отделялись друг от друга необработанными полосами, куда с обеих сторон сбрасывали камни, убранные с полей. Эти полосы назывались по-разному в разных местах: «сннор», а камни — «спракар» (мичак в Лори — в сел. Дсех), в других селах Лори — «еранд», в Араратской долине — «копар», в Аштаракском районе (сел. Аруч) — «грич»⁹².

Ниже остановимся на наиболее интересном, на наш взгляд, письменном свидетельстве, которое приведем полностью: «Тридцать лет тому назад возник спор между селениями Лалигюх и Узунтала (Елисаветпольская губерния) о пахотной и пастбищной земле в 35 десятин. С тех пор спор этот тянулся непрерывно до лета 1885 г. и пережил целых два поколения. В тридцатилетний период на спорном участке не раз происходили побоища, в которых принимали участие даже женщины и дети. При малейшем поползновении одной стороны распахать хотя бы клочок спорного участка другая сторона, немедленно вооружившись холодным и огнестрельным оружием, выступала в поход и забирала в плен плуги, скот и даже погоны...

Во все течение тридцатилетней вражды указанных двух обществ, одинаково сильно нуждавшихся в земле, стороны взаимно не допускались к пользованию спорным участком и таким образом 35-десятинное пространство пропало бесполезно в течение столь продолжительного периода времени»⁹³.

Подобные земельные споры существовали и между селениями Дадалу (Айренашен) и Крмзлу (Кармрашен) нынешнего Талинского района из-за земельного участка «Курударан»⁹⁴. До сих пор крестьяне д. Шнох (Лори) помнят земельный спор с крестьянами Ахпата (Лори). Спорный участок принадлежал Шноху, но ахпатцы также пользовались им. Наконец решили пригласить почтенного и уважаемого старика «айналу» родом из Ахпата, которому тогда было 98 лет. Поклявшись на Евангелии, он должен был сказать, кому принадлежит спорный участок. Утром, перед тем как отправиться для принесения клятвы, айналу насыпал в свои трех ахпатской земли и затем, поклявшись, произнес: «Пусть бог меня накажет, если земля, на кото-

рой я стою, не ахпатская». Вследствие этой процедуры спорная земля переходит в руки ахпатцев⁹⁵.

Надо отметить, что из этих случаев наиболее трудными являлись споры между казенными крестьянами и частными лицами, когда эти вопросы разрешались в судебном порядке. В документе, относящемся к 1857 г., идет речь о земельной тяжбе между сел. Алапарс (Новобаязетский уезд) и ереванским жителем Барсегом Кегамяном, который незаконно завладел в 1828 и 1829 гг. этой спорной землей. Позднее он возвратил ее алапарсцам, а после 1830 и 1831 гг. вновь захватил. По делу о 39 халнарах этой земли в качестве свидетелей были допрошены под присягой поверенные алапарсцев, которые засвидетельствовали, что Кегамян был тнулистом сел. Бджни, а спорный участок находился на границе деревень Бджни и Алапарс. Воспользовавшись этим обстоятельством, он завладел участком, в связи с чем алапарсцы просят суд изъять спорный участок у Кегамяна. Суд, рассмотрев дело, решил удовлетворить требования алапарсцев. Таким образом, алапарсцы смогли на время отстоять свои права на спорный участок⁹⁶.

Следует отметить, что община в целом следила за хозяйственной дееспособностью своих членов. Если кто-либо из общинников, не имея всего необходимого для пахоты (посевное зерно, инвентарь, скот), не обрабатывал свой наделный участок в течение ряда лет, то старшина имел право требовать передачи этой «неработающей» земли другому, и общинник вынужден был передавать свой надел соседу-общиннику в аренду, а сам уходил на заработки в другие села, чтобы каким-либо образом содержать свою семью, платить подымные налоги⁹⁷.

Информатор Б. Г. Налбандян вспоминает, что многие крестьяне дер. Покр Кети (Покрашен) принимали участие в строительстве железной дороги Тифлис-Александрополь. За 10—12 часов трудной физической работы они получали 20 коп. в день⁹⁸.

Провинившийся же перед обществом крестьянин по решению сельского схода мог быть исключен из об-

щины, и тогда его надел сразу же поступал в раздел между нуждающимися соседями. При семейных разделах отец не мог отказать сыну в полагавшейся ему доле общинного надела⁹⁹.

В случае полного вымирания «дыма» и при отсутствии прямых наследников по мужской или женской линии «выморочные» пашни и сенокосы переходили к обществу, которое передавало их во временное пользование до следующего передела наиболее нуждавшимся в земле крестьянам или сельской школе¹⁰⁰. Остальная же недвижимость (сады, мельница) и движимость (домашняя утварь, скот) наследовалась родственниками¹⁰¹.

В селах, где переделы не происходили или происходили очень давно, бывали случаи «аренды» земельных наделов: крестьянин, не имея возможности обрабатывать свой надел, сдавал его в аренду своему общиннику, а тот взамен платил натурой или деньгами. Со временем крестьянин терял свое земельное право на свой сданный в аренду надел, и так как полученные деньги тоже кончались, ему оставалось только идти и наняться на работу к своему соседу-общиннику и стать мшаком. О таких обезземеленных общинниках крестьяне-односельчане говорили: «Он съел свою землю» (*иш йр зпшшшпшрр цьршц*)¹⁰².

Ежегодным общинным разделам подвергались и сенокосные площади (хотатех-чайир). Во время сенокоса образовывались *дасты*—группы до 100 душ, независимо от пола и возраста. Обычно в одну дасту входили члены многолюдной патронимии. При нехватке работников к дасте присоединялись также члены другой патронимии, обычно жившие по соседству¹⁰³. Однако на сенокос выходили не все члены дасты, а только ее рабочая группа—*таснак*, состоящая из 10 человек, совместно косивших сено, которое затем распределялось по числу душ всей дасты. Руководил работой *таснака* и разделом сена между членами дасты в целом специально избранный *дастабаши* (*дастапет*)¹⁰⁴.

По данным В. Бдояна, некоторые сельские общества в дореволюционное время подразделялись на несколько *амл*, каждая из которых при общинном сено-

кошени складывалась из равного числа участников, чаще всего родственников. До сих пор сохранились патронимические (фамильные) наименования таких амн: «Авагенц амна» (т. е. амна, принадлежащая Аваганам), «Погосенц ампа» и т. д. Так как в каждую ампу должно было включаться равное число общинников, то иногда ампа пополнялась за счет неродственных семей. Впрочем, последний принцип соблюдался только при эксплуатации сенокосных угодий¹⁰⁵.

Важным экономическим вопросом для общинников ряда местностей Армении было равномерное распределение поливных средств, так как здешняя агрокультура нуждается в хорошо увлажненных поливных почвах¹⁰⁶.

Великая забота об орошении земли проходит через всю аграрную историю армянского крестьянства.

Обращая внимание на разницу естественного и искусственного орошения и подчеркивая значение последнего для хозяйства Армянской области, И. Шопен писал: «При поливании прозябание развертывается с изумительною силою и пышностью: богатые урожаи чалтика, хлопчатой бумаги, вин, шелка, кунжута и т. п. обильно награждают земледельца. Без поливания же эта самая плодоносная земля сохнет, каменист и не в состоянии произвести даже стебелька самой скудной зелени: здесь как и во всем Закавказье земля на этой террасе—труп, а вода—душа, придающая ей жизнь и производительную силу»¹⁰⁷.

Полученную от общины воду для полива полей и садов в засушливых местах крестьяне трогательно называли мор артасук—слеза матери¹⁰⁸.

Для регулирования отношений между общинниками во время распределения поливных средств были изданы постановления от 22 апреля 1847 г., согласно которым выборы и содержание в Эриванском и Нахичеванском уездах Тифлиской губернии мирабов, обязанных заниматься распределением воды из каналов для орошения полей, предоставлялись собственному распоряжению жителей без всякого вмешательства в это дело со стороны местного начальства...»¹⁰⁹ и от 20 октября 1859 г. «О содержании и употреблении поливных

канал в Закавказском крае на основе действующих там местных обычаев впредь об издания особых по сему предмету постановлений»¹¹⁰ (подчеркнуто нами.—М. А.).

Таким образом, царская администрация юридически узаконила своеобразные правовые нормы и известный порядок пользования оросительной водой, традиционно бытовавшие в среде сельского населения. Однако, как замечает исследователь водовладения в Закавказском крае С. А. Егiazаров «...мирабы... в сфере их компетенции изъяты были от надзора местных властей, и тем самым они вообразили себя самовластными хозяевами водных округов—магалов. Пушены были в ход и продажность и открытый торг водою. Население брошено было на произвол мирабов»¹¹¹. Подобные злоупотребления побудили Эриванского губернатора в 1873 г. своею властью подчинить их надзору местной администрации.

В соответствии с нормами обычного права все воды делились на две категории: воды, находящиеся в естественном состоянии—озера, речки, ручьи, родники и т. д., и «выведенные»—воды, извлеченные на поверхность земли или вообще изъятые из естественных водоемов с помощью труда и на частные средства¹¹².

Согласно постановлениям, вода для полива полей и садов находилась под непосредственным наблюдением общины, которые специально для этой цели выбирали из своей среды надсмотрщиков—мирабов (персидское слово—глава, начальник воды) и их помощников—джриетов, джуваров (армянск. происхождения—«джур»—вода, «вер»—верх) и мткананов, выполнявших распоряжения мирабов¹¹³. В их обязанности входило наблюдение за исправным содержанием общественных оросительных каналов, охрана воды от возможных хищений и обеспечения наделения водой хозяйств своего сельского общества¹¹⁴.

Расходы по содержанию мирабов и джуваров распределялись между членами сельской общины. В весенний период распределение воды не практиковалось, поскольку земля была достаточно увлажнена. Но летом, когда сельскохозяйственные культуры шли в рост и требовали много влаги, поливные средства маловод-

ных районов были до того ограничены, что одновременное и непрерывное снабжение всех общин водою было крайне трудным и даже фактически невозможным. По свидетельству С. Егназарова¹¹⁵ и исследователей экономического быта государственных крестьян в Закавказье¹¹⁶, обычное право таких районов выработало другую систему пользования водою, а именно—чередование по суткам или часам. По этой системе вся наличная масса воды в известной канаве или ирригационном сооружении отводилась на одни или двое суток одной какой-нибудь общине. Последняя была обязана в назначенный срок оросить все нуждавшиеся в воде посевы. Если часть их оставалась неполивной, то вода по истечении назначенного срока все же отводилась следующей по порядку общине. При суточном или часовом чередовании время рассчитывалось так, чтобы каждая община, по крайней мере раз в две недели, получала воду¹¹⁷. Для удобства распределения воды внутри каждой общины были организованы ирригационные группы (таснак, болук, даста, даг, ампа и т. д.)¹¹⁸, в каждой из них было равное число единиц наделения. Порядок пользования водою и чередование ирригационных групп происходило посуточно: в первые сутки недели всю принадлежащую данной общине воду получала одна из ирригационных групп, во вторые сутки—другая, в третьи сутки—третья и т. д. Затем к пользованию вновь допускалась первая группа и т. д.¹¹⁹

Существовала специальная мера отпускаемой воды, так называемая «лопата» (бах), равная четверти того количества воды, которая была необходима для приведения в действие одного постава крестьянской мельницы. Вместе с тем «лопата» соответствовала расходу воды в 30 литров в секунду¹²⁰.

При распределении воды, особенно в летнее время, происходили столкновения не только между общинниками, но и между соседствующими деревнями, если вода, которой орошалась земля, была общей¹²¹.

Очень красочно и образно рассказывает об одном из таких столкновений А. Адила. Он являлся очевидцем тех событий, о которых пишет: «Идет драка между крестьянами из-за воды. Дерутся двое, но вот пос-

пели с двух сторон родственники, и драка ожесточилась. Они разбились на два лагеря, а та в свою очередь на группы, и драка продолжалась между группами. Теперь они дрались не потому, что были на стороне того или другого, а потому что сводили свои, частные счёты. Гзир, находясь в центре «боя», хотел утихомирить обе стороны, когда подоспел танутэр Саак со своей дубиной и вмешался в драку»¹²². Часто во время драк между односельчанами трудно было установить кто бил первым, почему и как. Не всегда пострадавшие обращались к государственным административным органам, чаще все вопросы решались местным обычаем (гехакан каргов)¹²³.

Бывали случаи с более тяжёлыми последствиями. В дер. Камарлю крестьянин Хечоев отвёл воду у своего соседа и сам стал поливать свой участок вне очереди. Тогда подоспел сосед Бабо Вартанов, и во время драки Хечоев был печально убит¹²⁴.

Изучение поземельных отношений в армянской деревне было бы неполным без рассмотрения вопроса об арендных отношениях. Недостаток наделённой земли, низкий уровень организации производства и производительных сил, концентрация земельных угодий у одних и малоземелье у других—вот основные причины, приведшие к усилению роли аренды в конце XIX—начале XX вв. В сельской Армении существовали две формы арендных отношений: коллективная аренда—общинной или несколькими домохозяевами, и индивидуальная аренда. При первом случае общины часто обращались к аренде земель казенного ведомства. Отдача в аренду казенных «оброчных статей» производилась без торгов и с торгов. При этом согласно Уставу 1906 г.,¹²⁵ «оброчные статьи» без торгов отдавались в аренду лишь целым обществам, а не отдельным лицам или группам крестьян, хотя бы и принадлежавших к одному обществу¹²⁶.

Обычно селения брали «оброчные статьи» непосредственно с казенных торгов, производимых фискальной администрацией на месте.

Господствующей формой аренды в Армении, как и во всем Закавказье, являлась недолговременная арен-

да: земля сдавалась на один год, точнее, на один урожай¹²⁷. Для наглядности приведем один пример.

Обществом Кирх-Булаг (Новобаязетский уезд) была арендована оброчная статья «Қырма», лежащая вблизи селения. Площадь статьи 712 десятины 1000 кв сажен, из которых удобной 621 десятина 1900 кв сажен и неудобной 90 десятин 1500 кв сажен. «Статья» была взята с торгов на один год с платою 350 рублей, которые общество распределяло между собою по числу выпасываемого скота и соразмерно пахотным участкам на съемной земле¹²⁸.

Таблица¹²⁹ дает нам возможность проследить возрастание цен десятины-рубл. на «оброчные статьи» в Ереванской губернии только за одно десятилетие:

Таблица

Годы	Озимые		Яровые	
	орошаемые	неорошаемые	орошаемые	неорошаемые
1902	22.4	9.0	23.7	9.2
1912	37.9	16.1	42.5	16.3

В той же Ереванской губернии средняя стоимость десятины равнялась:

1889 г.	249 руб.
1899 г.	314 руб.
1902 г.	407 руб.
1911 г.	537 руб.
1912 г.	669 руб. ¹³⁰

Часто государственные земли «с торгов» находились в держании у отдельных частных лиц, которые сами не могли использовать всю эту землю и значительную ее часть на очень выгодных для себя условиях сдавали мелкими участками общинам, нуждающимся в приращении пашни.

В таких случаях общества фактически получали эти земли из вторых рук в виде субаренды¹³¹. Так, оброчная статья пастбищной земли «Гезальдара» в количестве 83,14 десятин, сданная некоему Каракову за 80 руб., была передана им же жителям сел. Гезальдара за 150 руб. Ясно, что в этих «операциях» выигра-

вали частные лица, так называемые «посредники» — ростовщики. Причиной тому явилось то обстоятельство, что, как утверждали сами крестьяне-общинники, им не было известно время назначения торгов или же они не были в состоянии конкурировать с ними¹³².

В процессе посредничества злоупотребления делались не только частными лицами, но и в среде самих общинников. Последние можно усмотреть в деятельности поверенных. Так, в 1880 г. общество Бугдашен решило взять в аренду у казны оброчные статьи «Кырма» и «Геарчин». С этой целью был избран односельчанин Григоров, уполномоченный участвовать в торгах, представляя интересы своего общества. Через год поверенный общества Бугдашен Григоров сообщил, что эти статьи взяты им в годовое содержание за 718 руб. 30 коп., хотя в действительности они были сданы Александропольскому жителю Карапету Акулову за 250 руб. Жители с. Бугдашен вынуждены были согласиться заплатить полностью 718 руб. 30 коп. Григорову, не подозревая, что в действительности оброчные статьи остались за Акуловым за 250 руб.

В 1881 г. жители заплатили 900 руб., а в 1882 г. — 500 руб., хотя этой землей, кроме них, пользовались Акулов и его поверенный Григоров¹³³.

В официальных документах конца XIX в. зафиксировано довольно много случаев злоупотреблений, совершенных поверенными, которые нашли отражение даже на страницах периодических журналов и газет¹³⁴. Коллективная аренда распространялась также на казенные летние (сары) и зимние (гомаанд) пастбища. Плата за эти участки пропорционально распределялась между общинниками (так называемые «сабалашные деньги»)¹³⁵.

Часто община арендовала государственные пастбища со вторых, третьих рук, частные лица выступали в качестве посредников между общинами и государством, что давало возможность перепродавать сельским общинам по высокой цене приобретенные им по дешевой цене пастбища. Чтобы как-то урегулировать арендные отношения и установить порядок в пользовании казенными пастбищами, 29 июня 1884 года был издан за-

кон об упорядочении и перераспределении казенных пастбищ. Однако, как явствует из донесения начальника земледельческого управления Эриванской губернии, казенные пастбища продолжают служить не столько нуждам сельского населения, сколько обогащению отдельных частных лиц¹³⁵.

Ни одно из обществ, пользовавшихся казенными пастбищами, не допускало к выпасу на них стад, принадлежавших частным лицам или другим общинам. Пастухи на эйлагах занимались на все лето в основном из курдов. Оплата труда пастухов в основном определялась не деньгами, а натурой (зерном, пшеницей, ячменем). Там, где благодаря местным природно-хозяйственным условиям производился значительный излишек продуктов зернового хозяйства (Ширак, Джавахк, Араратская долина), вознаграждение телятников производилось зерном. В других районах, где этот излишек был невелик, вознаграждение производилось молоком (Тавуш, Лори, Вайоц-дзор, Гехаркуник)¹³⁷.

Кроме пастбищ, общины часто арендовали рыболовные участки. В некоторых селах Новобаязетского уезда община сама пользовалась этими угодьями полностью, в других же — пересдавала эти участки долями в субаренду частным лицам за часть улова.

В последнем случае община в лице избранных ею надзирателей осуществляла контроль за правильностью лова рыбы субарендаторами и соблюдением ими условий договора по передаче общине причитающейся ей доли промысла¹³⁸.

В сфере арендных отношений посредниками могли выступать не только частные лица, но даже целые общины.

Обществом предоставлялось право арендовать землю у частновладельцев. Так, общество с. Канакер, узнав, что их частновладелец Агамал Мелик-Агамалян свои права на данное общество отдаст в арендное содержание частному лицу, некоему Мамеду Ибрагимоглы, обратилось к Мелик-Агамаляну с предложением получить от общества деньги — ту сумму, за которую он отдаст свою деревню.

Частновладелец Мелик-Агамалов, получив арендную плату в размере одной тысячи ста рублей, тайком от-

дал деревню в арендное содержание Мамеду Ибрагим-оглы, чем вызвал протест со стороны общества. Дело было передано мировому посреднику¹³⁹.

Наряду с коллективной арендой, существовала и индивидуальная аренда—отдельными домохозяевами.

В Ереванском уезде господствовала денежная форма аренды, хотя встречалась, как и в остальных уездах, натуральная форма: крестьянин должен был половину своего урожая отдать «хозяину» земли¹⁴⁰.

В 40—50-х гг. XIX в. главным контингентом арендаторов в индивидуальной аренде выступали малоземельные крестьяне¹⁴¹. Однако в силу социально-имущественного расслоения внутри армянской сельской общины, результатом которого явилась социально-экономическая трансформация общины, в качестве главных арендаторов к началу XX в. выступают зажиточные слои деревни, составлявшие меньшую часть сельского населения. Располагая необходимыми земледельческими орудиями (в том числе тяжелым плугом и т. д.) и рабочим скотом в достаточном количестве, и будучи членами общины в условиях уравнительного земледользования, зажиточные крестьяне—«ампа»—при периодических переделах получали столько же земли, сколько и другие их односельчане. Однако производственные возможности зажиточных семей оказывались значительно большими, чем требовалось для обработки имевшихся в их распоряжении земельных наделов. В погоне за наживой, столь характерной для психологии мелкобуржуазной массы дореволюционного крестьянства, это явление вызвало «земельный голод»¹⁴² у зажиточной прослойки внутри сельской общины. Легче всего этот «голод», естественно, было утолить, прибегнув к аренде земель у «своих» беднейших соседей-общинников. Последние получали наделы, но не располагали необходимой производительной силой для их обработки (тягловым скотом и земледельческими орудиями труда).

С другой стороны, малоземельные крестьяне должны были нести все государственные и общественные повинности за свои наделные участки. Внутри общины к концу XIX в. таких крестьян оказалось большинство

Земельный надел становился своего рода бременем для беднейших слоев крестьянства.

В то же самое время надел казался единственной существенной ценностью, находящейся в юрисдикции массы несостоятельного крестьянства. Необходимость поддержания физического существования и исполнения казенных и общественных повинностей бедняками, с одной стороны, и «земельный голод» зажиточной прослойки деревни, с другой, явились объективной основой для возникновения и активного развития арендных отношений между зажиточными и бедными крестьянами. Зажиточные крестьяне арендовали земельные наделы у бедняков¹⁴³. Последние сдавали весь свой участок внаем, иначе говоря, уступали свои права пользования им до следующего передела.

Экономически маломощный общинник, выступавший в арендных сделках в роли владельца надела, попадал в зависимость от арендатора. Именно в руках этих состоятельных крестьян постепенно сосредоточивалась часть наделных земель.

Есть одно зло, писал С. Егназаров, против которого община со всеми своими уравнительными средствами оказывается бессильной—свобода купли и продажи огороженных мест. Согласно обычному праву, можно было свободно предавать и покупать сады, огороженные места, благодаря чему земля начинала сосредотачиваться в руках имущего класса крестьян¹⁴⁴.

В конце XIX в., наряду с распространением арендных отношений, определенное развитие получили кредитно-ссудные отношения, которые по своей экономической и социальной сущности во многом были обусловлены теми же причинами, что и арендные отношения (в частности, индивидуальная аренда).

Для поддержания своего существования и одновременной уплаты налогов несостоятельный крестьянин-общинник имел два выхода: или сдать в аренду свой надел, пополнив тем самым ряды безземельных крестьян и превратившись в сельского полупролетария, или обратиться за ссудой к зажиточным односельчанам, попадая в зависимость от последних. Таким образом, зачастую внутри общины зажиточный крестья-

ини-арендатор выступал и кредитором. Связь кредита с отношениями индивидуальной аренды особенно наглядно проявлялась в том, что в случае просрочки долга общинник часто вынужден был выставить в виде залога свой наделный участок.

Вот как описывает один из исследователей экономического быта государственных крестьян Закавказья А. В. Парвицкий захват угодий: «Доходность ценных земельных угодий побуждает зажиточный сельский класс употреблять все меры, чтобы обессилить, привести в упадок хозяйство бедных односельцев, для захвата в свои руки их наделов. Средством к этому служит ростовщичество и закабаление труда... Многие домохозяева, раз попавши в руки кулакам, в силу необходимости уплаты долга, вынуждены или распродавать свой хозяйственный инвентарь или уступать своим кредиторам право пользования наделами до уплаты долга или до погашения его доходами с земли. Первого рода домохозяева волей-неволей должны или сдать свои наделы в аренду, или наняться к своим зажиточным односельцам в работники, выговорив себе право обрабатывать свои наделы хозяйским скотом и орудиями: домохозяева второго рода вынуждены бросить земледелие и обратиться к другим промыслам, образуя особый разряд дымов бесхозяйственных»¹⁴⁵.

Следует заметить, что распространение кредитно-ссудных отношений в армянской сельской жизни конца XIX в. пошло по тому пути, при котором в залог под кредит преимущественно оставалась наделная земля, чему способствовало почти полное отсутствие капиталистического кредита в Армении и осуществление выкупа земли, производившегося, в отличие от России и Грузии, без предоставления правительственного кредита¹⁴⁶. Если по истечении срока кредита крестьянин был не в состоянии уплатить долг, то заложенная им земля фактически отбиралась кредитором¹⁴⁷. Однако в условиях чисто формального общинного равноправия и уравнительного землепользования это присвоение юридически оформлялось таким образом, будто бы крестьянин (фактически должник) уступал право пользования своим участком на 20—25 лет данному лицу (кредито-

ру)¹⁴⁸. В данном случае налицо существенное различие между *фактическим* захватом земли и его *юридическим* оформлением.

Таким образом, к концу XIX в. внутри каждой общины выделились группы крестьян: зажиточные крестьяне, середняки и бедняки-общинники. По данным 1884 г., в Эриванской губернии зажиточные крестьяне составляли 13,2% всего крестьянского населения, середняки—60,6%, бедняки—26,2%.¹⁴⁹

Социальное расслоение крестьянства, как классословия феодальной эпохи, существенно нарушило целостность сельской общины как традиционного земельного союза, представлявшего интересы всех крестьян.

«Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве,—пишет В. И. Ленин,—составляет то, что мы называем разложением крестьянства (раскрестьянивание): этот процесс означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание *новых типов* сельского населения: сельская буржуазия или зажиточное крестьянство и сельский пролетариат...»¹⁵⁰

Обращая внимание на то, что внутриобщинные отношения далеки от социальных идилий и что среди крестьян-общинников наблюдался процесс углубления классовых противоречий в период проникновения развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, В. И. Ленин выяснил историческую судьбу общины при капитализме¹⁵¹.

В конце XIX в. царская администрация все еще относилась к сельской общине Закавказья как к низшей административной единице, звеном между государством и крестьянами, и не препятствовала ее сохранению на местах (Высочайший указ от 1 мая 1900 г.). Однако уже в начале XX в. социально-экономическая политика царизма изменилась: она была направлена на подрыв основы общинного землевладения и землепользования и предоставила возможность крестьянам выйти за пределы своей общины, стать собственниками своих земельных наделов, тем самым стимулировала и развивала проникновение товарно-денежных отношений в деревню (указ от 9 ноября 1906 г., 1912)¹⁵².

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Армянская сельская община представляла собой не только поземельно-хозяйственный союз, но и традиционно-крестьянский «мир», обладавший, хотя и не сложной, но устойчивой структурой. Внутреннее управление общины было организовано на традиционных началах и вполне соответствовало патриархальному быту местного населения¹.

Положениями 1866 и 1867 гг. о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях царская администрация юридически узаконила существовавшие нормы и порядки общинного управления в Закавказье². Ниже будут подробно рассмотрены отдельные пункты этих положений, поскольку в них хорошо освещены вопросы внутренней жизни и традиционные формы общинного управления.

Сельская община имела постоянные органы самоуправления, которые именно в силу организующей и координирующей внутренней жизни общины деятельности носили институциональный характер. Этими органами являлись: общинный сход, сельские должностные лица во главе со старостой, совет старейшин и сельский суд.

Наиболее представительным в глазах армянских крестьян был общий сельский сход, который в случае особой мирской необходимости собирался в свободное от полевых работ время, обычно по воскресеньям. Тем не менее, в рассматриваемый период такой общий сход сообщников не мог собираться стихийно, ибо прерога-

тива на его созыв принадлежала сельскому старшине и уездному начальнику. Архивные и полевые материалы свидетельствуют о том, что в некоторых районах Армении общинный сход созывался в особых помещениях, специально отведенных для таких целей. Они строились на общественных началах за счет данной общины. Так, в с. Норадуз (район Камо) такое помещение носило специальное название «амбар» или «большой дом»³. При отсутствии специального помещения крестьяне чаще всего предпочитали собираться, особенно зимой, в «ода» того или иного наиболее уважаемого общинника или в соломнике (һарданоц—мараг)⁴. Отсюда и интересное выражение, встречающееся в лорийском диалекте: «марага аяел»—т. е. «собирать людей на сход в соломнике»⁵.

До сих пор крестьяне с. Гедакбулах (ныне с. Карчахпюр) в Гехаркунике помнят, что местом для общинных сходов и выборов служил большой дом—«тун», принадлежавший Тато Апрканц. Причем, крестьяне подчеркивают, что этот дом «держался на 12 столбах»⁶.

В иных же районах участники схода располагались под открытым небом, в частности, летом для этой цели служила небольшая площадь в центре села («гехамеч»). В Аштараке площадь в центре села, где собирались крестьяне, называлась *уруц*, где росло множество их (урени) и большое дерево чинары⁷.

В горных районах, где дома располагались террасообразно, крыша нижнего дома служила двором для верхнего дома, а также местом общинного схода. В с. Кюткюм (Гехануш, Кафанский район) крестьяне чаще всего собирались на сход к Гукасянам, Костандам (*Գուկասիանց Կոստանց, Կոստանդիանց Կոտորք*)⁸.

Обычно колокольный звон оповещал о начале общинного схода. В тех общинах, где не было церкви, сельский рассыльный (глашатай—гзир) поднимался на крышу высокого дома и возглашал о начале схода⁹.

Согласно положениям 1866 и 1867 гг., право на участие в общинном сходе принадлежало крестьянам-домохозяевам, общинникам, которые входили в состав данной сельской общины и каждый из них представлял

отдельный «дым»¹⁰. Если отец и женатые сыновья жили вместе, т. е. отец представлял данный дым, то на сельском сходе отец располагал только одним голосом. Если же женатые сыновья жили отдельно от родного дома, то они также получали право на голос, так как представляли отдельный дым¹¹. Самый старший в доме (тан мец, тан тэр) представлял интересы остальных членов своей семьи, имел право голосовать при решении каких-либо общественных дел, молодые домохозяева в основном прислушивались к тем решениям, которые выносили старшие члены общины.

Каждый домохозяин, участвовавший в сходе, располагал одним голосом. В случае болезни, отлучки и т. д. главы домохозяйства интересы последнего представляли взрослые мужчины данного дыма¹².

В начале XX в. в некоторых районах Армении вследствие падения авторитарной роли главы гердастана к участию в общинном сходе допускались и остальные члены гердастана мужского пола не моложе 20 лет. Мужчины старше 25 лет имели право быть избранными¹³.

К участию в сходах не допускались крестьяне, состоявшие под следствием или судом по обвинению в преступлениях или проступках, влекущих за собою потерю всех социально-личностных прав¹⁴.

Женщины вообще не имели права участия в сельском сходе.

В каждом селе были семьи, занимавшие доминирующее положение в сельской жизни. Выделение этих семей из среды крестьян-общинников было обусловлено несколькими факторами: первичностью происхождения семьи в местах поселения, состоятельностью, зажиточностью выделявшейся семьи и численностью состава семьи. В последнем случае значение придавалось количеству мужских рабочих рук. Остановимся подробнее на положении этих групп семей и их влиянии на общинное управление. Принцип первородства конкретной семьи и рода определял ее преобладание среди остальных семей данной общины. В этом отношении интересен следующий факт. Село Лазарапат Александропольского уезда было основано в 30-х гг. XIX в. неким переселенцем из Западной Армении—Ла-

заром. В начале XX в. оно насчитывало 70 домохозяйств, 13 из которых являлись прямыми потомками основателя—Лазара. По свидетельству документа, эти 13 домов, начиная с прадедов, всегда брали верх над остальными крестьянами села, во всем подавляли их¹⁵.

Принцип первородства имел большое значение при определении взаимоотношений между общинниками также и в с. Гютгюм. Основателем деревни считался Костанд со своими шестью сыновьями. Все они жили в одном большом доме (глахатун) и располагали плодородными землями деревни. При решении важных вопросов в жизни села его жители всегда считались с мнением этой семьи, в частности с «наказанием» дома. В с. Гютгюм местом для общественных собраний служила именно плоская крыша дома Костанда. Должностные лица деревни зачастую выбирались из этой семьи¹⁶.

Наряду с принципом первородства, вследствие социально-имущественной дифференциации внутри общины, на первый план выдвигается экономический фактор—зажиточность и состоятельность семьи или, пользуясь крестьянской терминологией,—«довлатаворутюн» семьи. Часто в сельской жизни семьи «довлатавор» назывались также *амла*. Под «ампой»—зажиточностью подразумевалось в первую очередь наличие плуга (*гутан*), количество рогатого скота (волов или буйволов) и т. д. Один из исследователей экономического быта государственных крестьян А. Д. Ерицев пишет по этому поводу: «Мерилом богатства семьи в земледельческой полосе служил плуг. Достойной величия и почета считалась семья, которая во всяком случае и без постороннего содействия могла выставить плуг с 10—12 парами быков и буйволов, пахаря и до десяти погонщиков»¹⁷.

В Армении скот также являлся мерилем богатства крестьянской семьи, причем волы и буйволы использовались в качестве тягловой силы, а прочий скот—в качестве молочного и мясного. Наряду с плугом и рогатым скотом, мерилем богатства в крестьянском быту выступали размеры дома—большого топратуна. Не все крестьянские семьи могли позволить себе построить большие помещения. Только экономически мощные

семьи, в которых было много мужских рабочих рук, могли осуществить сооружение такого дома.

До сих пор в с. Гехновит крестьяне помнят гердастан Налбандянов. Гердастан, образованный четырьмя братьями и их семьями, жил нераздельно в 40-х годах прошлого столетия. Общая численность его составляла 40—50 душ, проживавших совместно. По воспоминаниям информаторов, эта семья могла выставить 2 плуга со всеми необходимыми принадлежностями. Данный факт свидетельствовал об экономической состоятельности названного гердастана. Часто именно из этого гердастана выбирались староста и другие должностные лица села. Крестьяне вспоминают, что перекрытие главного помещения в доме опиралось на 8 столбах, что дает нам возможность представить размеры этой постройки. Кроме того, по воспоминаниям потомков, в 1868 г. в этом доме одновременно висело несколько колыбелей, поворожденных, что прямо указывает на празднование более одной свадьбы за один год. Все эти факты еще раз свидетельствуют об экономической мощи и многочисленности данного гердастана¹⁸.

Следует отметить, что на первых порах зажиточные семьи «амна» были вместе с тем и многочисленными, то есть зажиточность этих семей и их влияние обуславливались наличием большого количества мужских рабочих рук. Семьи, в которых насчитывалось до 50 и более человек, представляли собой производственные ячейки во главе с папапетом¹⁹. В этом отношении очень интересен пример гердастана Мелик-Галуста из с. Неркин Каранлук (ныне—Мартуни). По воспоминаниям информаторов, этот гердастан в 1828 г. переселился из с. Мангасар Алашкертской области (Западная Армения). Самым старшим в нем был Мелик-Галуст, которому подчинялись все остальные члены гердастана. Крестьяне вспоминали, что весь гердастан после переселения жил в одном большом архитектурном комплексе с 4 очагами²⁰.

В с. Давалу (Эриванский уезд) в 80-х гг. XIX в. существовала фамилия Огановых, общей численностью 135 душ (мужчины и женщины), которые жили вместе. Позднее она распалась на 13—14 малых семейств²¹.

Приводя материалы о многочисленности больших зажиточных семей,²² следует заметить, что, на первых порах, зажиточность крестьянской семьи отождествлялась с большим числом мужских рук, выставившихся конкретной семьей, тогда как в начале XX в. положение существенно меняется: многолюдные семьи далеко не всегда зажиточны, а зажиточные и влиятельные—не всегда многолюдны. На передний план выдвигается материальная обеспеченность семей. В новых условиях зажиточные амповые семьи вступают в соперничество со старыми многочисленными, но не столь состоятельными семьями за влияние в деревне.

Так, основное население с. Курдуклю (Армавир) состояло из представителей двух больших родов—Садоянов и Назарянов, причем, первые экономически были сильнее вторых. Несмотря на это, большая численность рода Назарянов позволяла ему конкурировать с Садоянами. Вражда между этими родами, начавшаяся еще со второй половины XVIII в., часто выливалась в открытые столкновения и стихала лишь при вмешательстве административных органов²³.

Бывали случаи, когда вся деревня по причине противоборства двух зажиточных семейств распадалась на две партии и находилась в повседневных столкновениях²⁴.

Многолюдные гердастаны, со множеством мужских рук, так же господствовали над многочисленными малыми семьями крестьян-общинников, как и состоятельные семьи. В селах Араратской равнины, а также в отдельных местностях Лори, Зангезура, Ширака численность больших семей составляла в среднем 20—25 человек, в то время как в других горных и предгорных районах остальной части Восточной Армении большие семьи насчитывали в среднем 40—50 человек²⁵.

В сельской жизни многочисленные семьи именовались «зорба». При этом имелось в виду наличие большого количества мужчин в данном гердастане, что придавало силу и обеспечивало поддержку (*ընտանիքի անդամները*—служили опорой)²⁶ каждому члену данной большой семьи. В таких случаях крестьяне говорили: богатство семьи определяется количеством душ в семье

(*մարդուն հարստացանք համարն ա*)²⁷. При решении важных вопросов на сельском сходе, в повседневной жизни, многолюдные семьи—«зорба» стремились, чтобы их мнение было определяющим и чтобы с ними всегда считались (*իրանց խորն էին անդհացնում*). Так, в с. Парпи крестьяне до сих пор помнят гердастан Шатворянцев (от слова шат—много), которые получили такое прозвище по причине многочисленности данного азга. Впоследствии прозвище превратилось в фамилию. Во главе Шатворянцев стоял наһапет Церун, у которого было 7 женатых сыновей, проживавших совместно. Вся большая семья насчитывала приблизительно 36 душ, и все жили в одном жилом комплексе, где, по рассказам информаторов, висело 12 колыбелей. Хотя в том же селе жили более зажиточные семьи «ампа» (например, Мкртчяны), которые были состоятельнее их, однако «зорба» Шатворянцы всегда добивались признания своего мнения. В том же селении проживали и другие многолюдные семьи—«зорба» (семья Диланец), в результате чего между этими семьями часто возникали конфликты за приоритет и превосходство в деревне. Так, во время распределения воды Диланецк незаконно хотели отобрать воду у своих бедных соседей Мленцев. Те обратились за помощью к Шатворянцам и последние взяли их под свое покровительство. Поскольку Шатворянцы были многочисленнее и сильнее Диланенцев, то последние в конце концов уступили²⁸.

Повседневная жизнь крестьян была богата подобными столкновениями между семьями «зорба» за приоритет над остальными²⁹.

Термин «зорба» в негативном значении (буйный, необузданный, непокорный, разбойный—*չաշտու*) также зафиксирован в полевых материалах: о таких людях крестьяне говорили—«он плохой человек, притесняет бедных, он—«зорба»»³⁰.

Несмотря на общественную роль, которую играли многолюдные семьи в сельских общинах, прослеживается постепенное уменьшение численности этих семей. Распад больших гердастанов особенно усилился в связи с введением 12 июня 1900 г. нового налогообложения: заменой подымных податей поземельным оброком,

что сократило количество многолюдных семей и увеличило численность отдельных малых семей внутри деревни.

В начале XX в. в результате роста имущественного неравенства внутри общины роль зажиточных крестьян в общинном сходе значительно возросла: состоятельные домохозяева, захватывая земли своих односельчан, всячески сопротивлялись новым переделам наделной земли.

Рассмотрев принципы участия в общественном сходе, обратимся к его функциям, т. е. к тому, какого рода вопросы разбирались на общинном сходе.

Общинный сход созывался для решения наиболее важных вопросов, таких, как вопросы хозяйства и общинного управления³¹. Причем, вопросы, связанные с экономической жизнью общины, занимали главное место. Сюда можно отнести, в первую очередь, распоряжение общественными земельными угодьями, принадлежавшими целому сельскому обществу и находившимся в общем владении общины, а также вопрос о новых переделах общинных пахотных земель: разумеется, это требовало общего согласия общинников, которых нелегко было примирить вследствие разделявших их интересов.

На сходах составлялись мирские приговоры и выбирались крестьянские поверенные³², уполномоченные ходатайствовать перед начальством в лице губернского присутствия о новом разделе земли.

Вот один из таких мирских приговоров (1900 г.):
«...Мы, жители с. Койласар (Эриванского уезда), собравшись на частую сельскую сходку, постановили выбрать из среды два поверенных... уполномочив их ходатайствовать перед высшим начальством о новом *разделе наделной земли*... ввиду того, что земля нашего селения большею частью находится у нескольких личностей, ...а остальная меньшая часть распределена между другими жителями и на каждое семейство приходится меньше полдесятины и даже у некоторых нет вовсе земли, вследствие чего большинство жителей с. Койласар не в состоянии платить государственные подати...»³³

Во втором документе также говорится о разрешении нового передела: «...Наше селение Башкенд состоит из 85 дымов в лице стольких же домохозяев, но из числа 85 домохозяев 64 домохозяина, имеющих право голоса на сходе, единогласно составили представляемый при сем мирской приговор... которые требуют нового передела наделных общественных пахотных земель между крестьянами нашего села подушно и равномерно.

Разрешить обществу нашего селения учинить *новый передел*... между всеми крестьянами нашего села»³⁴.

Таких примеров очень много, поэтому мы будем довольствоваться вышесказанными документами, основная мысль которых — ходатайство о *новом переделе* земли между общинниками. Однако лишь с разрешения царских административных органов община приступала к новым переделам. Следовательно, можно заключить, что кроме составления «мирских приговоров» о *переделах*, требовалось еще и юридическое разрешение от царских административных органов, что прямо свидетельствовало о несамостоятельном, зависимом положении общины.

В компетенцию общинного «жохова» (сход) также входило наделение малоземельных крестьян своей общины земельными участками, при этом учитывалось число душ в семействе малоземельного крестьянина и наличие свободных, пустующих земель. В этой связи составлялись *специальные* мирские приговоры³⁵.

Далее, на общинном сходе разбирались вопросы, касающиеся, в частности, хозяйственно-полевых работ. А именно: определение сроков пахоты и подготовки почвы к пахоте, начало вспашки и посева, уборки урожая, окончания полевых работ и т. д.

В административно-регулирующие функции общинного схода входило право временного изъятия (не больше чем на три года) наделной земли у односельчанина в случае, если тот неаккуратно уплачивал как казенные, так и прочие подати за свой надел, и передачи ее другому односельчанину, обязавшемуся регулярно платить все подати, причитавшиеся с этого участка за все время пользования им³⁶. Следовательно, общинный

сход имел право наказания несправных плательщиков податей.

Немаловажное место в функциях общинного схода занимали и дела организационного характера, в частности, выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из сельской общины порочащих ее членов, о временном отстранении крестьян от участия в сходах, но не более чем на три года, прием в общину новых членов. Общинный сход, удаляя из своей среды «порочных» членов, оставлял за собой право пользования их земельными наделами. Сход только в самых крайних случаях выносил решение об удалении односельчанина из своей среды. Для решения именно этого вопроса требовалось согласие не менее 2/3 всех крестьян, имевших право голоса на общинном сходе. Имеющиеся по этому вопросу полевые материалы полностью подтверждаются архивными данными³⁷.

Для ясности приведем следующий характерный пример.

В одном из документов 1882 г. эчмиадзинского уездного полицейского управления говорится: «Прошение доверенных жителей деревни Армутлу... о выселении из среды своей односельцев... как лиц беспокойного характера.

Жители с. Армутлу Антон Петросов и Петрос Егоев как люди беспокойного характера возбуждают раздор, постоянные жалобы между нашим обществом...

В прошлом году жители д. Армутлу окончательно разделились на две враждебные партии по милости тех же... Вражда эта все более и более усиливалась и с того времени выразилась целым рядом уголовных преступлений, совершенных при участии и подстрекательстве их, так что и при дознаниях и следствии выставляют свидетелями членов своей партии, чем и оправдываются. Так, 19 января прошлого года совершен поджог сена у Хуршуда Кеворкова, 23 апреля порублены фруктовые деревья другого селянина, 2 октября смертельно ранен третий крестьянин. В октябре сего года между сторонниками партий произошли из-за погромов сильные драки, где убит Сако Арутюнов, а 9 чис-

ла сего же месяца совершен поджог 2000 пучков сѣд-
жи Вартана Аванесова.

Вследствие этого мы пришли к выводу об удале-
нии из нашей среды их»³⁸.

Следующий документ хранится в архиве сектора
этнографии Института археологии и этнографии АН
Армянской ССР³⁹. Он представляет большой интерес и
ценность своею уникальностью. Речь идет об удалении
целого «рода» (род Еганянов) их односельчанами.

Крестьяне решили так сурово наказать их из-за
подложного документа, «свидетельствовавшего» о дво-
рянском происхождении данного «рода» и представ-
ленного общинному сходу с целью захвата наиболее
плодородных общинных земель. Это и вызвало силь-
ное сопротивление односельчан.

Но, приняв во внимание прошение одного из пред-
ставителей рода Еганянов, сельский сход пересмотрел
свое первое решение и разрешил остаться им в общест-
ве и пользоваться прежними земельными наделами, но
с условием, чтобы весь род Еганянов не пользовался
единственным сельским родником в течение трех лет
(они могли пользоваться всяким другим источником,
находившимся вне деревни). Любой крестьянин из этого
общества имел право разбить их кувшин, увидев, что
кувшин наполняют водой из недозволенного для них
сельского родника⁴⁰.

Такого рода ограничения общинным сходом явля-
лись одной из мер наказания. Мы привели этот доку-
мент только потому, что хотели показать характер
юрисдикции и решений, которые иногда мог принимать
сельский сход в отношении своих односельчан⁴¹.

Община следила и за духовной жизнью своих чле-
нов. Небезынтересно отметить, что в случае, если в се-
лении имелись крестьяне, желавшие присоединиться к
другой вере, вся община на сельском сходе принимала
решение об удалении их как людей, нетерпимых одно-
сельчанами армяно-григорянами⁴².

Вот «мирской приговор» с. Самагар (Керпалли-
ское общество, Эчмиадзинский уезд) об удалении из
среды своей Киракоса Казарова, Кочара Вартамова,

Мкртича Саакова, Ехо Мирзоева, Вартаана Степанова и Акона Саркисова.

«...Был представлен старшиною Керпалинского сельского общества мирской приговор о выселении из среды одного шести семейств... желающих совратиться из Армяно-григорианской в Евангелическо-Лютеранскую веру... как людей вредных и нетерпимых односельцами Армяно-григорианцами»⁴³.

Таким образом, решения общинного схода были направлены на обеспечение религиозного единства общины.

Сельский сход решал и вопросы добровольного выхода из общины. Если крестьяне сами хотели выйти из данной общины, то по закону для этого требовалось, чтобы на уходившем семействе не было никаких казенных, земских и мирских недоимок. Тогда составлялся мирской приговор на общинном сходе и уходивший получал письменное свидетельство от старшины. Это давало возможность перейти в другую общину и стать членом новой общины⁴⁴.

Выход крестьянина из общины означал, что он уже не принадлежит к *их общине, он им чужой*. Случаи выхода из общины были редкими. Это объясняется тем, что, с одной стороны, при выходе из общины крестьянин со своей семьей должен был подвергнуться отречению и был вынужден преодолеть свой психологический барьер, связывавший его со старой общиной, а, с другой стороны, при вступлении в новую общину должен был преодолеть психологический барьер неприятия чужака со стороны этой последней⁴⁵.

На сельском сходе также могли разбираться спорные вопросы, возникающие между соседними общинами,⁴⁶ которые в конце концов разрешались в административном порядке.

Раскладка государственных и общественных податей также являлась важной функцией схода. Здесь рассматриваются только общественные подати и повинности, которые прямо переплетаются с предметом нашей темы.

Подати взимались осенью или весной. Раскладка производилась на общем сходе или же старшина с

главами ирригационных групп раскладывали подати и представляли на утверждение схода. Подати разверстывались между всеми домохозяевами сообразно количеству наличной у них наделной земли⁴⁷. В зависимости от системы разверстки земли, которая была принята в данной общине, районе, объектами обложения могли служить: дым, ампа, душа чарек, соха и другие единицы наделения⁴⁸. За счет общественных податей осуществлялось и содержание общественного управления, для чего в некоторых уездах Эриванской губернии (Эчмиадзинской, Сурмалинской) каждый дым данной общины вносил сумму, которая определялась выборными от всей общины, в размере 50—80 копеек с хозяйства в год⁴⁹.

Для пострадавших от стихийных бедствий и крайне нуждающихся в помощи продовольствием и посевным зерном в некоторых селениях Эриванской губернии администрацией устраивались запасные продовольственные магазины. Причем, эти селения были распределены на три категории: к первой категории отнесены были поселения, где жители исключительно занимались хлебопашеством и где по климатическим условиям хлеб сохранялся долгое время в запасных магазинах.

В этих селениях крестьяне должны были исполнять общественные натуральные повинности и вносить в продовольственные запасные магазины определенное количество пшеницы. Смотрителям и сторожам этих магазинов было назначено вознаграждение из общественных средств.

Ко второй и третьей категории были отнесены поселения, где поселяне не занимались исключительно хлебопашеством, или хлеб подвергался скорой порче, поэтому в тех селениях был учрежден денежный сбор для образования продовольственного капитала вместо запасных продовольственных магазинов. Размер, вносимый поселянами в этот капитал, равнялся 51 коп. с дыма в год. Деньги, взысканные с поселян, «отсылались ежегодно в сберегательную кассу Тифлисского отделения Государственного банка для приращения процентами впредь до востребования»⁵⁰.

В обязанности общинников также входило содержание в исправности проселочных дорог, проточных вод и канав на землях, принадлежавших сельской общине или состоявших в ее постоянном пользовании. Причем каждый квартал обязан был приводить в порядок отведенный ему участок⁵¹. По свидетельству полевых материалов, во время общественных работ, выражавшихся в проведении дорог, канав, строительстве и ремонте мостов, от каждого дыма в обязательном порядке должен был участвовать один работник. В с. Геховит Мартунинского района крестьяне своими средствами и силами восстановили сельскую церковь св. Геворка. В этих строительных работах принимали участие и женщины. В случае, когда среди крестьян не было мастеров («уста») по строительным работам, их приглашали со стороны, оплачивая им их труд. Плата за наем мастеров также входила в число общинных повинностей⁵².

Иногда зажиточные крестьяне вместо себя посылали наемного работника с поденной оплатой 30—40 копеек за работу⁵³.

Для обеспечения безопасности территории и жителей общины почти во всех селениях нанимались почные караульные, полевые сторожа, для вознаграждения которых также отводилась определенная часть с общественной суммы. Число караульных колебалось от двух до четырех. Обычно караульные нанимались с начала весны до прекращения полевых работ, а зимой по очереди караулили домохозяева⁵⁴.

В некоторых уездах Эриванской губернии общиной нанимались цирюльники, которые, не живя в селениях, являлись туда, согласно договору, каждое воскресенье или раз в две недели. Вознаграждение цирюльника производилось натурою и входило в общую сумму общественных повинностей-расходов.

Интересно заметить, что цирюльники являлись также чем-то вроде деревенских врачей, практиковавших кровопускание путем прижигания пиявок, удаление зубов и т. д.⁵⁵

В других же уездах Эриванской губернии цирюльники не нанимались общиной, и расход на них зависел от личного усмотрения каждого домохозяина⁵⁶.

В селах Лори, Гехаркуника цирюльник брил только женатых мужчин. Плата за стрижку волос неженатых входила в общую сумму вознаграждения цирюльника за бритье и стрижку «тан наһапета» (главы семейства)⁵⁷.

В список общественных повинностей также входила плата—жалованье мирабам, джуварам, пастухам, церковным служителям и т. д. (как их называют иначе,—«һамайнки царайохнер»—служители общины)⁵⁸.

В компетенцию сельского схода также входило назначение опекунов, попечителей над круглыми сиротами своей общины. В связи с этим на общинный сход возлагалась проверка действий и отчетов опекунов в присутствии старост и сельских судей обязательно два раза в году. В случае злоупотребления опекуном своими обязанностями сход имел право передачи опекунства другому лицу⁵⁹.

Так, «...над имуществом и сиротами умершего Джаткранца Симона Оганесова,... мирским приговором... избран опекуном Петрос Оганесов, причем от бывшего опекуна отобрано сиротское имущество и деньги переданы новому опекуну...»⁶⁰

Интересно отметить, что официальные документы свидетельствуют о большой заботе армян в распространении грамотности, просвещения среди молодого поколения. «Что же касается до школ, то они в последнее время сделались почти насущною потребностью армян, которые на каждом шагу чувствуют благотворные последствия школы, хотя это чувство подчас у них является следствием материальных расчетов»⁶¹. Мы остановимся лишь на состоянии обучения в селах, исключив города.

Если деревня не имела специальной школы и учителя, то чаще всего в роли учителя выступал священник данной церкви, который обучал детей грамоте. Однако в большинстве случаев сами священники были полуграмотными, и обучение в основном заключалось в исполнении всяких хозяйственно-полевых работ детьми—«учениками». В этих случаях плата за обучение взималась деньгами или, чаще всего, натурой—продуктами⁶².

Несколько иначе обстояло дело в тех сельских общинах, где были для этой цели отведены специальные помещения и приглашались учителя из других деревень. Для него крестьяне строили отдельный дом⁶³.

Содержание общественных школ целиком лежало на обществе⁶⁴. Общество составляло мирские приговоры относительно открытия двухклассного училища для детей обоего пола, в связи с чем часть общественных расходов приходилась на организацию школ⁶⁵. В таких случаях крестьяне брали на себя все расходы, связанные с его содержанием. С каждого дыма взималась плата—годовой налог за обучение—в размере 3 руб. (манет). Естественно, что не все крестьяне соглашались и были в состоянии платить такие налоги, и потому часто в деревнях на этой почве возникали разные группировки: одна—сторонники школы, другая—всячески сопротивляющиеся и требующие, чтобы платили те крестьяне, чьи дети посещали школу⁶⁶.

У армянских писателей-очевидцев конца XIX—начала XX вв. (Прошян, Мурацян, Г. Тер-Оганисян и др.) очень живописно и красочно дано описание процесса обучения: школа обычно размещалась на краю деревни и представляла собой одну большую комнату с земляным полом и тростниковым потолком. Детей было много: от 20 до 60. Все сидели по порядку на полу, на маленьких ковриках (карпет) или на овечьих шкурах. Не было общей программы, общих учебников для детей: у кого какая книга имелась дома, тот по той книге и занимался⁶⁷.

Согласно положениям 1866 и 1867 гг. (п. 13, 14), решения сельского схода признавались законными в том случае, если на сходе присутствовали сельский староста и не менее половины домохозяев, имевших право голоса на сходе. Дела на сельском сходе считались решенными, если решение принималось единогласно или большинством голосов.

Согласно не менее 2/3 всех крестьян, имевших право голоса на сходе, требовалось для решения следующих дел: удаление из общества «порочных» членов, распределение общественной земли, состоящей в общем владении или пользовании сельской общины, создание общественного фонда денежных средств⁶⁸.

В остальных случаях дела считались решенными по приговору тех крестьян, на стороне которых оказалось хотя бы одним голосом более половины всех участвующих в сходе. Если же сход разделялся на две половины, равные по числу голосов, то большинство считалось на той стороне, с которою соглашался сельский староста⁶⁹. В случае недовольства решением сельского схода, крестьяне могли обратиться со своей жалобой к местному уездному начальнику для представления губернатору⁷⁰.

После вынесения сельским сходом любых решений они представлялись на рассмотрение государственно-административным органам, которые за собой оставляли право одобрить, утвердить или пересмотреть решения сельского схода. Это прямо говорит о том, что, хотя общинный сход исполнял административно-регулирующие, организационно-хозяйственные функции, в сущности дело не обходилось без вмешательства государства, и при вынесении окончательных решений сельская община зависела от государства.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о выборе сельских должностных лиц во главе с «танутэром» (старостой—старшиной).

Этот термин употреблялся в течение всего периода феодализма в различных значениях⁷¹. Однако в значении старосты села он появляется лишь в XIII—XIV вв. В более ранних источниках, в частности у Павстоса Бюзанда (IV в.)⁷², в «Книге армянских канонов»⁷³, в «Судебнике» Мхитара Гоша (XII в.)⁷⁴, мы находим термины «депкан», «гехджаваг», «аваг шэши», «глхавор гехджи» в значении старосты, главы села, что даст нам возможность предполагать, что в данный период староста представлял уже конкретно одно село.

Начиная с XIV—XV вв. в рукописных источниках, наряду с термином «танутэр» (в значении старосты села), употреблялись и «рэс», «раис» (арабск.)⁷⁵, а в XVII—XIX вв. термин—«кехва» (тюрк.)⁷⁶.

В полевых условиях работы мы зафиксировали факты бывшего употребления всех этих терминов (танутэр, рэс, кехва) в значении старосты села.

После присоединения Армении к России, обществам Армянской области было предоставлено право избирать

старост и кедхуд⁷⁷. Однако, по свидетельству А. Гакстгаузена, в некоторых армянских общинах (Капакир), наряду с избранными старостою и двумя или тремя заседателями, имелся также наследственный старшина в лице старшего из фамилии Абовянов⁷⁸. Этот факт представляет значительный интерес. К сожалению, свидетельства А. Гакстгаузена на этом и кончаются. Аналогичное явление наследования должности старосты зафиксировано в Зангезуре С. Д. Лисицкиным⁷⁹.

Согласно положениям 1866 и 1867 гг., каждая деревня, составлявшая отдельную сельскую общину, выбирала себе на общинном сходе старосту сроком на три года, а иногда—на 6—7 лет⁸⁰. После чего эти лица утверждались в своих должностях губернским по поселенским делам присутствием по представлению местного уездного и окружного начальника.⁸¹

На первых порах на должность старосты выбирались люди великовозрастные, осведомленные, которые пользовались уважением и почетом в селении, независимо от того, богаты или нет. Позднее этот принцип нарушился, и уже в 80—90-х гг. XIX в. критерием избрания на должность сельского старосты считалась принадлежность к влиятельным и зажиточным семействам. Причем, под влиятельными и зажиточными понимались не только богатые, но и многочисленные по составу семьи, в которых преобладала мужская половина⁸².

Такие семьи играли преобладающую роль в селении и имели определяющий голос при решении самых разных вопросов. По их указке часто происходили выборы на должность старосты того или иного лица. В случае отказа старосты от исполнения их требований они угрожали, что лишат его занимаемой должности в следующий раз⁸³.

В с. Геховит самой влиятельной фамилией считалась фамилия Налбандянов, предки которых в 30-х годах прошлого столетия переселились из Западной Армении (Алашкерт). Кроме земледелия, они занимались также и кузнечеством. Традиция этого промысла передавалась из поколения в поколение. Так как в этой деревне больше никто не занимался этим делом, то их род называли «Налбанднери азг» (род Налбандов,

т. е. род ковалей). Это прозвище стало официальной фамилией, и теперь они пишутся «Налбандян»-ы (Ковалевы). Именно из этого влиятельного семейства чаще всего выбиралась старость.⁸⁴

Иногда на должность сельского старосты в соответствии с законодательством избирались двое из крестьян-домохозяев: один из них назначался для отправления должности, на которую избран, а другой— для временного исполнения обязанностей первого в случае его отсутствия, смерти, болезни и т. д. Староста имел «гзира»—исполнителя, которого назначал сам⁸⁵.

Деревни, которые были небольшими по количеству домов и находились на близком расстоянии друг от друга, могли иметь одного старосту. Так, семь деревень—Каварт, Барабатум, Бех, Вачаган, Бахабурдж, Гютгюм, Чакатэн (Кафанский район)—имели одного «кехву» (старосту). Эти деревни были сравнительно небольшими и были расположены недалеко друг от друга. Наряду с единственным «танутэром», каждая деревня имела своего исполнителя—«гзир»-а (гзир-а) *(гзир-а)*⁸⁶.

Избрание старосты являлось довольно длительной процедурой. В некоторых районах Армении обычно выставлялись шапки кандидатов, которые претендовали на должность старосты, или же ящики, ведра, куда крестьяне-избиратели бросали свои орехи, фасоль или шары (каменки—*ршрһр*), если хотели иметь кандидата своим старостой. Кандидат, получивший большее количество голосов, считался избранным⁸⁷. После чего новоизбранный староста приносил присягу. В ЦГИА Армянской ССР сохранился текст этой присяги на армянском и русском языках⁸⁸. После присяги губернское по крестьянским делам присутствие утверждало претендента на должность старосты, и затем последний приступал к исполнению своих обязанностей.

Следует отметить, что процесс этих выборов проходил в напряженной обстановке, часто разгорались страсти и вся деревня разделялась на 2—3 враждебные друг другу партии. Принимая это во внимание, эриванским губернатором был издан приказ о обязательном присутствии во время этих выборов мирового посредника и участкового полицейского пристава⁸⁹.

Как видно из некоторых архивных документов, даже присутствие этих официальных лиц не предотвращало вспышки страстей, возникновения беспорядков, имевших весьма печальные последствия для всей общины. В некоторых селах общинный сход созывался для выборов по нескольку раз, и каждый раз разделялся на 2—3 враждебные одна другой партии, и к окончательному решению так и не приходили.

Эти распри между общинниками очень живописно описаны П. Прошяном: с. Парпи разделилось на три группировки. Каждая группировка выступала за своего претендента. Не найдя общего языка и общей кандидатуры, крестьяне обратились к «мовров»-у (вероятно—мировому посреднику). Последний взял взятки по 300 рублей от каждой группировки и в конце концов всех троих назначил «танутэрэм». После неоднократных жалоб крестьян он снял всех троих и назначил нового старосту, предварительно взяв у него 400 рублей⁹⁰.

Для ликвидации образовавшихся враждебных партий и прекращения беспорядков некоторые сельские общины временно лишались права выбора старосты. В таких случаях административные органы оставляли за собой право назначения своих кандидатов на должность старосты⁹¹.

Рассмотрим функции и обязанности сельского старосты, которые подробно определены положениями 1866 и 1867 гг. (п. 22—31).

В социально-экономической и административной жизни деревни сельский староста занимал большое место и был важной фигурой. Он отвечал за сохранение общего порядка и спокойствия в пределах своей общины. Сфера его действий охватывала различные стороны социально-экономической и бытовой жизни общины. Староста был обязан представлять на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд сельской общины, наблюдать за исправным содержанием дорог, мостов и т. д., за распределением и исправным несением крестьянами-общинниками всякого рода казенных, земских, общественных повинностей⁹². Если в деревню временно приезжало должностное лицо, то в обязанности старосты входило отведение ему места для временного проживания.

В компетенцию сельского старосты входило право созывать или распускать общинный сход. Таким же правом был наделен и уездный начальник⁹³.

В случае, если на общинном сходе во время разбора дел общинники разделялись на две равные группы, то сход принимал решение в пользу той группы, на стороне которой оказывался староста⁹⁴. Решения общинного схода признавались законными, если на сходе присутствовал староста и не менее половины домохозяев, имеющих право участвовать на сходе⁹⁵, после чего староста приводил в исполнение решения и приговоры схода.

Как низшее полицейское лицо, он мог подвергать наказаниям крестьян за мелкие проступки⁹⁶. Сельский староста имел право приказать провинившемуся работать 2 дня для общины, или взыскать с него до 1 рубля, или же арестовать, но не более чем на 2 дня.

Таким образом, с одной стороны—в лице старосты мы видим официального представителя общины, звено между государством и общиной, с другой—фактически низшего чиновника, осуществляющего полицейскую власть в деревне.

За свою службу сельские старосты не всегда получали денежное жалованье. Правда, они со своим семейством освобождались от всех натуральных повинностей в течение своей службы, что приблизительно оценивалось крестьянами в 20 рублей в год⁹⁷. В некоторых уездах Эриванской губернии в виде вознаграждения старостам отводилась часть суммы из общественных расходов⁹⁸.

Кроме того, для каждой области устанавливалась форма оплаты его труда работой на него: каждый дым давал старосте одного рабочего на один день во время пахоты и уборки урожая и одну женщину на день для домашних работ⁹⁹. Поденная работа на «танутэра» называлась «файла» (сел. Агарак Талинского р-на)¹⁰⁰.

В праздничные дни односельчане являлись к сельскому старосте с особыми подношениями. В связи с этим интересный обычай существовал в Заигезуре и Новый год (Навасард): каждый крестьянин должен был поздравить старосту с Новым годом и преподнести ему бутылку водки и несколько серебряных монет, во

кнутых в яблоко. По свидетельству Н. Ширакуни, староста с. Хндзореск по случаю Нового года получил от своих односельчан 10 пудов яблок и гранат, 123 рубля серебром, 7 ведер вина и водки¹⁰¹.

Таким образом, подношения являлись одним из источников доходов старосты, средством подкупить его, склонить на свою сторону.

Сельский староста фигурирует как важное лицо и в брачных церемониях: при брачном сговоре, определении приданного невесты, оплате свадебных расходов, а также на похоронах, семейных разделах, сходах между односельчанами и т. д.

На общинном сходе, кроме сельских старост, выбирались также и другие должностные лица, помощники старосты, которые подчинялись ему и исполняли все его требования. Как староста, так и помощники его приводились к присяге, а затем приступали к исполнению своих обязанностей.

На общинном сходе также избирались сборщики податей сроком на год. На них возлагалось ведение финансовых дел: взимание податей и денежных сборов, хранение этой собранной суммы, представление сельскому сходу отчета о поступивших от крестьян суммах и т. д.¹⁰²

Для ведения всяких канцелярских, письменных дел и отчетности в сельском управлении община имела своего писаря (нотар). Ереванским губернатором был издан приказ «О выборах или назначении в писари лиц благонадежных и знающих основательно армянский и русский языки». Потребность в таком документе вероятно возникла вследствие фальсификаций со стороны сельских старост, которые, зная только армянский язык, по своему усмотрению выдавали разные документы и свидетельства¹⁰³.

Прочие должностные лица (рассыльные, полевые сторожа, смотрители канав и т. д.) назначались по усмотрению общины либо по выбору, либо по найму на 3 года. Эти должностные лица также были освобождены от государственных податей¹⁰⁴. В документах и периодических изданиях изучаемого периода имеется множество интересных примеров, свидетельствующих о зло-

употреблениях и ухищрениях, с помощью которых старосты и другие должностные лица добивались избрания на эти должности и затем, пользуясь своим положением, эксплуатировали односельчан¹⁰⁵.

Как следует из архивных документов, судьба некоторых деревень фактически находилась в руках старосты и его единомышленников¹⁰⁶. В случае, если крестьяне сопротивлялись произволу сельских танутэров, последние устраивали расправы, побои. Так, один из жителей с. Басаргечар подал жалобу на старосту своего села, который подвергал его жестоким побоям, требуя от жалобщика денег неизвестно за что. Дело было передано в суд, и последний признал старосту невиновным, так как на суде староста выставил подкупленных лжесвидетелей, которые защитили его¹⁰⁷. Следующий документ: сельский староста с. Шарабат (Эриванский уезд) причинял страшные притеснения, затеяв драку, избивал и угрожал односельчанам только потому, что те осмелились написать жалобу на него¹⁰⁸.

Среди архивных материалов очень часты жалобы, касающиеся неправильного взыскания податей с крестьян-общинников. Так, ниже мы приведем документ, написанный поверенными с. Аштарак (Эчмиадзинский уезд) и адресованный начальнику.

«... с. Аштарак состоит из 320 семейств, которые обязаны вносить в казну казенных подымных податей, земский сбор и поземельных денег, всего 3308 рублей 45 копеек в году.

В 1879 г. всего было собрано от нашего общества—4962 рубля, из каковой суммы внесено в казну всего 3308 руб. 46 коп., а у старшины остается 1653 руб. 54 коп.

Обо всем изложенном покорнейше просим Вас ... Усторонив его (старшину.—М. А.) от должности, приказать одному из подведомственных Вам чиновников потребовать от него при бытности нашей и при тех лицах, кого еще общество наше назначит, подробный отчет и об оказавшемся донести Вам для поступления со старшиною по закону»¹⁰⁹.

В некоторых случаях одно и то же лицо могло сконцентрировать в своих руках как функции помощ-

ника старосты, так и функции самого старосты и даже сборщика податей.

Так, староста с. Курдуклю составил от имени общины своей, хотя и без ее ведома, мирский приговор о том, что община желала бы иметь его одновременно и помощником старосты¹¹⁰.

Согласно российскому законодательству, общинный сход не имел права отстранять лиц от должности старосты. Однако общины Ереванской губернии выносили мирские приговоры или обращались с жалобами, адресованными уездным начальникам, содержащими просьбу об отстранении своих старост от должностей¹¹¹.

Причинами таких жалоб обычно служили: взыскание лишних повинностей в свою пользу, насильственный захват чужих земель, вмешательство в сельское судопроизводство, отказ от представления обществу отчета о взысканных или штрафных деньгах и т. д.

Ввиду многократности случаев растраты сельскими старостами и сборщиками податей общественной суммы в 90-х гг. XIX в. были установлены отчетные книги, в которых записывались приговоры сельских сходов о распределении казенных податей и сумм на общественные надобности, равно как приход и расход этих денег¹¹².

В случае уклонения от ведения отчетных книг сельские старосты подвергались вначале предупреждению, а затем отстранению от должности в административном порядке, так как сельский сход не имел права отстранять старосту от занимаемой им должности. Право отстранения старосты от должности принадлежало канцелярии губернатора. Даже уездный начальник не имел на это права: он мог лишь временно отстранить его¹¹³.

За маловажные проступки по должности, допущенные сельскими должностными лицами, уездный начальник и мировой посредник были уполномочены подвергать вышеупомянутых лиц денежному штрафу до 5 рублей или аресту сроком до 7 дней¹¹⁴.

В целом же за должностные преступления все должностные лица сельского управления судились в местном уездном суде.

Такой порядок в общественном управлении, удаление сельских старост лишь административным по-

рядком—сверху, намного ограничивал не только ту роль общинного схода, которую тот играл в жизни общины, но и роль, значение таутэра, как представителя своей общины. Скорее всего, таутэр становился низшим представителем, ставленником царской администрации и во многом зависел от усмотрения уездного и губернского начальства¹¹⁵.

В сельской среде, кроме старосты и вышеуказанных должностных лиц, важную роль играли духовные лица—священники, с мнением которых крестьяне и староста всегда считались. Если в деревне не было священника, то зачастую крестьяне сами приглашали его к себе на постоянное жительство. Так, в деревне Верин Каранлук, как рассказывают информаторы, не было священника, и потому крестьяне решили пригласить к себе Тер-Минаса со своими сыновьями. На свои средства крестьяне построили большой дом для них, и Тер-Минас переселился со своей семьей в Верин Каранлук. Он имел свой земельный надел, но, как духовное лицо, был освобожден от земельных налогов. Его надел обрабатывался силами самих крестьян-общинников¹¹⁶.

Следует отметить, что в отличие от выборов старосты и других мирских должностных лиц результаты выборов духовных лиц должны были утверждаться Эчмиадзинским духовным синодом. Бывали случаи, когда деревня, под воздействием противоборствующих сил, не могла прийти к единому окончательному решению, и потому выбирала двух кандидатов—по одному от каждой группировки. Так случилось в деревне Парпи (Аштаракский район), где служили сразу два священника—Тер-Геворг и Тер-Акоп. Причем, один происходил из зажиточной семьи, а другой—Тер-Геворг—из многочисленной. Крестьяне ходили то к одному, то к другому¹¹⁷.

Отношения между священником как духовным предводителем и старостой—мирским административным лицом, как правило, развивались без противоречий, не считая отдельных единичных случаев, основанных на личных антипатиях между обеими сторонами¹¹⁸. Общность их интересов и деятельность была обусловлена единством сословно-классовой позиции.

В целом, священник, староста и другие должностные лица представляли сельское общинно-административное управление: Однако его исследование было бы неполным без рассмотрения роли и места в сельской повседневной и общественной жизни таких традиционных институтов, как совет старейшин и сельский суд.

Внутри сельских общин между односельчанами часто возникали споры, конфликты из-за нарушения межей земельных наделов, порчи канав, потравы посевов, безобидных шуток во время повседневных бесед-разговоров, перераставших в оскорбления и т. д.

При сглаживании разногласий между общинниками выступали авторитетные, уважаемые старейшины общины, которые были известны как честные люди и доскональные знатоки местных традиций и обычного права. Они составляли своего рода институт старейшин¹¹⁹. Членами этого института могли стать наиболее уважаемые и почетные старцы селения. На общинном сходе преобладал приоритет старейшин, к мнениям которых (старейшины часто являлись и главами больших амповых семей) прислушивались не только в повседневной бытовой жизни, но и при решении наиболее важных общественных вопросов.

В некоторых селах Зангезура, Нагорного Карабаха в народной речи крестьян XIX—XX вв. старейшин села называли «ахсакал»—ами, (от тюркск.—aksakal), что означало старец, старшина. Этот термин эквивалентен армянскому «аливор», «снитакаморук» (дословно—белобородый)¹²⁰ и применялся армянами по отношению к мужчинам старшего поколения. В каждой деревне было несколько таких «ахсакалов», к советам которых крестьяне прибегали. Так, в с. Гютгюм старики-информаторы до сих пор помнят своих семь «ахсакалов» старше 80—90 лет, которых почитали и к благословению которых прибегали¹²¹.

Иногда в народе старейшин-ахсакалов сравнивали с опорой (*սյունի*—дословно—столп) общины, и если умирал один из них, крестьяне говорили: «Ушел от нас один из тех, на кого деревня опиралась» (дословно—пал один из столпов деревни—*զեղի սննրի մինն էլ զիր ընկաւ, գաւ զեղի օրին...*)¹²²

Позднее, в конце XIX—начале XX вв., хотя и продолжает сохраняться приоритет старейшин, но свои общественные права регулирующего и распределяющего органа совет старейшин постепенно теряет, сохраняя за собой некоторые функции управления бытовой жизнью и довольствуясь лишь повседневными бытовыми вопросами (решение конфликтных вопросов между крестьянами и т. д.). Зачастую старцы села собирались для обсуждения обыденных дел, проведения просто досуга. Местом для таких встреч и бесед, и вообще времяпровождения, служили летом «гехамеч», а зимой— «ода» (комната при хлеве) какого-нибудь наиболее уважаемого старца, куда собирались старейшины общины, мужчины: вход туда молодым и, в частности, женщинам был настрого воспрещен¹²³.

Таким образом, старейшины общины, являясь хранителями всего наследия ее материальной и духовной культуры, стойкими приверженцами ее традиций и выполняя функцию «социальной памяти коллектива», представляли в системе общественного управления тот совещательный орган, на авторитет и опыт которого опирались не только односельчане, но и местные органы власти в лице сельского старшины и сельского суда¹²⁴. Согласно положениям 1866 и 1867 гг. (п. 32—45), последний был учрежден для решения повседневных мелких «гражданских» дел¹²⁵.

Сельский суд, в отличие от традиционного совета старейшин, являвшегося целиком и полностью органом самоуправления, уже выполнял административные функции, занимая, таким образом, определенное место в бюрократической системе царской России.

Члены сельского суда выбирались на общинном сходе в таком числе, какое считалось необходимым с общего согласия. Обычно «присутствие» сельского суда состояло из нечетного числа судей и не менее чем из трех¹²⁶. Сельский суд собирался по мере возможности, удобства, в свободные от сельских работ дни, в частности, по воскресеньям; в случае нужды его мог созвать и сельский староста в другие дни. Сельскому старосте и помощникам воспрещалось вмешиваться в обсуждение дел сельского суда, если они не состояли в

соответствии с законным избранием в звании осельских судей¹²⁷.

Как и другие должностные лица, сельские судьи со всем своим семейством были освобождены на время службы от несения всех натуральных повинностей¹²⁸.

После избрания сельские судьи утверждались (как и сельские старосты и их помощники) в должности только по представлении местного уездного или окружного начальника губернатору.

Сельский суд имел право разбирать и приговаривать к наказаниям крестьян, принадлежавших к той же общине. Если же крестьяне принадлежали к другой общине, то виновных наказывал суд той сельской общины, в пределах которой был совершен проступок.

В ведении суда находилось разбирательство споров, тяжб и маловажных проступков, совершенных крестьянами.

Царский закон дозволял суду в виде наказания за маловажные проступки приговаривать виновных к общественным работам до 6 дней или к денежному взысканию до 3 рублей и даже к аресту до 7 дней¹²⁹. Местом тюрьмы служил хлев, откуда при желании можно было легко убежать, но никто из подвергнутых «заключению» не осмеливался на это. В случае, если сельский суд приговаривал виновного к денежному штрафу, а тот не имел денег, то кто-либо из его родственников вносил сумму, и суд определял, сколько дней виновный должен был за это отработать у своего заимодавца¹³⁰.

В сельском суде разбирались только легкие «гражданские дела». Более серьезные, а тем более тяжкие преступления передавались в ведомство участкового, уездного и губернского—царских судов.

Судебный процесс в сельском суде начинался с оповещения местных жителей волостным рассыльным.

Во время заседания суда, кроме обвиняемых и свидетелей, могли присутствовать и посторонние лица, которые получали право голоса с разрешения судей.

Большое значение на суде придавалось объяснениям свидетелей, которых перед тем как выступить приводили к присяге. Допрос свидетелей проходил отдельно. Дело считалось решенным, если все судьи при-

ходили к единогласному мнению. После чего сельский староста приводил в исполнение решение судей.

Сельский суд во время разбирательства дела усматривал разницу между преступлением и проступком. Суд также обращал внимание на всякого рода «смягчающие обстоятельства», например, виновный сознательно пошел на преступление или неосознанно, в нетрезвом виде. Или же, виновный, совершивший преступление, полноценный, нормальный человек или имеет физические недостатки (умалишенный, глухонемой, хромой и т. д.). При вынесении приговора также имел значение возраст обвиняемого: юноша, взрослый, старик.

За кражу, совершенную в доме, где двери были закрыты, наказывали более сурово¹³¹.

Если виновного задерживали во время проступка, когда он еще не успел его совершить, или он чистосердечно признавался и раскаивался в своем проступке, то дело кончалось лишь общественным порицанием, позором. Если же виновный провинился вторично, то наказание на этот раз было суровым вдвойне.

За однотипные проступки мера наказания была неодинаковой: одного били, потом освобождали, другого запирали в хлеве, третьего—штрафовали или привязывали на час-два к дереву.

В случае, если обвиняемый был всеми уважаем в деревне и провинился в первый раз, то его поддерживали и помогали чем могли все общинники деревни.

В компетенцию сельского суда входило также разбирательство случаев воровства. Надо заметить, что вообще случаи воровства встречались не так часто.

Житель сел. Рандамгал Новобаязетского уезда Мкртич Акопов уведомил помощника Новобаязетского Уездного начальника о том, что 15 дней назад у него был украден небольшой сундук с 300 руб. серебром и разнос домашнее имущество (на сумму 8 руб. серебром). Он сразу не дал знать, чтобы самому разобраться в этом деле и найти виновных, дабы «не оклеветаться в этом деле и найти невиновного». В последующие дни, когда напрасно в том деревне о воровстве и стали раз- стало известно по всей деревне о воровстве и стали раз- Узнавать, кем оно учинено, воры, по-видимому, испуга-

лись, раскаялись и решили просить прощения у общества, извиняться. Ими оказались односельчане Сагател Оганов и Оганес Асатуров. Так как дело уже получило огласку, то было передано суду, где за них выступили старшина и 11 человек жителей с. Рандамал. Они дали показания, что до учинения воровства виновные в каких-либо других дурных поступках замечены не были и что воровство было ими учинено от «бедности и глупости, от молодости (22 и 23)» и просили суд не очень сурово их наказывать¹³².

В некоторых селах Армении для выявления и признания виновным своей вины прибегали к своеобразному обычаю, который на первый взгляд кажется нелепым.

Если в селе на кого-то падало подозрение, то его отводили в церковь, зажигали свечу и требовали, чтобы подозреваемый подул и погасил ее. В таких случаях подозреваемый всегда признавал свою вину, не осмеливаясь погасить свечу. Существовало поверье, что того, кто погасит свечу, бог накажет, и он погаснет так же, как свеча¹³³. Здесь мы, очевидно, сталкиваемся с особой традиционной формой признания индивидом обычного права. В данном случае элемент обычного права был освящен, санкционирован ритуалом, нарушать который традиционно мыслящий индивид не мог решиться. Сюда можно отнести и тот факт, что крестьяне всегда с особой боязнью относились к принесению клятвы над Евангелием. Провинившийся крестьянин скорее вообще отказывался поклясться, нежели давал ложную клятву¹³⁴.

В случае обнаружения вора по решению суда его заставляли вернуть украденную сумму или предмет, а затем подвергали аресту в зависимости от степени проступка

Бывали случаи, когда дело вообще не доходило до решения сельского суда. Вора привязывали к дереву, и все крестьяне по очереди оплевывали его и давали пощечины. Обычно после такого общественного порицания провинившийся оставлял село и перебирался в другую общину или в город¹³⁵.

Если вор не обнаруживался, то сумма—стоимость украденного взыскивалась с ночных сельских карауль-

ных. Так, у жителя с. Алапарс (Дарачичагский участок) со двора украли трех быков. Вследствие того, что воры не нашлись, было подано заявление пострадавшим в виде иска почным караульным, чтобы означенная сумма была взыскана с последних¹³⁶.

Воровством не считалось, если крестьянин доил чужих коров, овец. Это свидетельствовало о его бедственном положении¹³⁷.

В ведение сельского суда входило также разбирательство семейных разделов, регулирование земельных отношений между общинниками.

При семейных разделах, при конфликтах между односельчанами в первую очередь вмешивались старейшины села, всеми уважаемые люди общины. Выбирались посредники между спорящимися сторонами.

Обычно же крестьяне-односельчане старались сглаживать все конфликты мирным путем, и редко дело доходило до сельского суда. В таких случаях крестьяне говорили: «Стыдно, мы же соседи-друзья, зачем нам ссориться»¹³⁸.

Сельский суд также регулировал земельные отношения, ссоры, возникавшие между общинниками. Если сельский сход решал вопросы такого рода на коллегиально-демократических началах, а сельский староста — непосредственно исполнительно-административным путем, то сельский суд был призван рассматривать спорные вопросы с правовой точки зрения, придавая им юридическое оформление.

Сельский суд вмешивался даже во внутрисемейные отношения. В с. Тазаилу житель Назар Бадалов удалил из своего дома сына с его семейством, не выделив ему земельного надела. Сын обратился к сельскому суду, и суд потребовал от Назара Бадалова удовлетворить законную просьбу своего сына¹³⁹.

Такие явления, как нищенство, бродяжничество, воспрещались. Если кто и занимался нищенством, то общественное мнение осуждало не нищего, а его зажиточных родственников, которые не оказывали никакой помощи своему сородичу. В таких случаях, скорее всего, нищий крестьянин занимался к своим родственникам.

Общественное мнение осуждало пьянство: пьяницам крестьяне-односельчане не давали девушек в жены¹⁴⁰.

Самым тяжким преступлением считалось убийство, разбирательство которого являлось наиболее трудным делом для сельского уездного полицейского управления.

В сельском быту крестьяне считали убийцу «кровопийцей». Чаще всего причинами убийства служили ссоры из-за раздела имущества, кровная месть.

Ниже приведем два документа. В обоих случаях причиной убийства послужил захват имущества. Так, житель с. Дсех (Лори) убил жену своего умершего брата с целью овладеть его имуществом и спрятал труп. Подозрение односельчан сразу пало на него. Крестьяне начали требовать, чтобы тот признался и показал, где спрятан труп. После признания односельчане учинили самосуд над убийцей: забили до смерти камнями¹⁴¹.

Дела об убийствах были весьма объемными, как, например, дело об убийстве жителя с. Казыкишляг (Сурмалинский уезд) Локара Варданова и его семьи двоюродными братьями убитого с целью захвата сада¹⁴².

Как отмечалось выше, одной из причин убийств являлась кровная месть, которая редко, но все же встречалась среди армян в интересующий нас период. Об этом свидетельствуют литературные источники и полевые материалы.¹⁴³

Следует заметить, что в некоторых районах Армении этот обычай был заменен денежным выкупом. Обычно сельский суд назначал «цену крови» (арян гин) и срок уплаты. Убийца имел право просить о денежной помощи у всех односельчан. Ему помогали также родственники¹⁴⁴. После расплаты вражда между двумя семьями прекращалась, и если кто из примирившихся сторон продолжал вражду, то его осуждало общественное мнение.

Примирение двух кровных врагов происходило при содействии почетных, всеми уважаемых членов села во время трапез (кеф).

В других районах одним из средств примирения служило сватовство членов враждующих сторон¹⁴⁵.

После примирения ни одна сторона не имела права нарушать его. В противном случае сельская община выгоняла из своей среды нарушителя, особенно если это продолжалось из года в год и передавалось из поколения в поколение¹⁴⁶.

Общественное мнение оправдывало убийцу, невзирая на то, что суд выносил приговор о его наказании в том случае, если преступление было совершено во имя сохранения чести своей семьи. В таком случае крестьяне называли убийцу «настоящим мужчиной»¹⁴⁷.

Надо отметить, что, в целом, крестьяне старались разрешать все разногласия, возникшие между ними, по сельским обычаям (гехакан каргов) и лишь в самых острых ситуациях обращались в сельский суд.

Это объяснялось, с одной стороны, тем, что в ходе разбирательства судебных дел большое значение имели поднесение взятки и мнение влиятельных зажиточных крестьян-односельчан, в результате чего сельский суд не всегда выносил объективные решения. С другой стороны, крестьяне старались сохранить честь (тасиб) своей общины-села и не опозориться перед другими, соседними общинами¹⁴⁸.

В таких случаях, как выше отмечалось, крестьяне иногда сами чинили расправу (самосуд) над виновными. Наиболее распространенной формой расправы было закалывание или забивание тяглового скота (буйвол, вол) своего противника. Мститель не притрагивался ни к шкуре, ни к мясу зарезанного им животного. Этим он давал понять, что мстит¹⁴⁹.

Другой распространенной формой мщения был поджог снопов сена¹⁵⁰.

В функции сельского суда входило наблюдение за нравственностью общинников. Можно сказать, что «ни у какого народа так свято не соблюдалась целомудренность, как у армян. Проституция считалась величайшим грехом в сельском быту»¹⁵¹. Редко можно было видеть мужчину, и тем более женщину, легкого поведения.

Если же замечались отклонения от традиционных установившихся и получивших силу закона норм, то обычно дело не доходило до разбирательства сельского суда. Крестьяне-односельчане тут же чинили расправу. В с. Одзун двоих мужчин повесили вверх нога-

ми на дереве, и вся община оплевывала их. Иногда таких женщины односельчане сажали на осла лицом к хвосту, давая им в руки хвост осла, замарывали лицо и возили через всю деревню, чтоб все могли видеть и встречающиеся оплевывали их¹⁵².

Ниже мы остановимся на документе¹⁵³, где наиболее полно раскрывается суровый консерватизм общинников к людям, нарушившим традиционно установленные нормы и нежелающим подчиняться им. В документе (1857 г.) говорится, что девушка Тамара в 14 лет была выдана замуж за 9-летнего мальчика Александра Гевондова из с. Амамлу. По свидетельству односельчан, она оставалась некоторое время в доме законного мужа, после чего стала скитаться по деревням. Несмотря на то, что все ее односельчане и родственники находили и возвращали в дом мужа, она опять бежала и в конце концов потерялась. Крестьяне выяснили скоро, что она вышла замуж за одного вдовца, имеет двух дочерей и живет в деревне Караклис Памбакского участка. В 1866-67 гг. законный муж Александр Гевондов просит суд, чтобы его развели с Тамарой и дали ему возможность жениться. На суде выступили односельчане законного мужа и все в один голос охарактеризовали Тамару как «распутницу, плохую жену и непокорную, из-за своих инстинктов шлявшуюся по деревням». По их мнению, следуя традиционно установленным нормам, жена должна была покорно оставаться и жить в доме законного мужа до тех пор, пока он не станет совершеннолетним, чтобы выполнять свои супружеские обязанности.

Сельчане срывали всякую попытку двоеженства со стороны своих односельчан; если, конечно, таковые имели место¹⁵⁴.

Другое дело, если первая жена не имела детей или была больна, прикована к постели и не могла следить за мужем, детьми, вести домашнее хозяйство. Тогда крестьянин, решивший взять вторую жену (в Лори вторую, третью... жену называли йэтнакин), давал клятвенное обещание обществу и священнику, что будет содержать первую жену до конца ее дней¹⁵⁵.

Такое явление, как незаконное (внебрачное) сожителство, всюду подвергалось общественному порица-

нию, которое выражалось в общественном отчуждении провинившегося общинника: его не приглашали никуда, всячески сторонились, не делили с ним ни горе, ни радость, даже иногда не хоронили на общественном кладбище. Могли также выгнать из своей среды, из деревни. Засвидетельствован случай, когда при похоронах тело «грешника» было вынесено сквозь проломленную стену дома, а не из дверей¹⁵⁶.

Все это свидетельствует о том, что люди аморального поведения, живя среди общинников-односельчан, становились как бы «чужими», «отчужденными», оказывались во «внеобщинном положении».

Таким образом, сфера деятельности сельского суда охватывала различные стороны общинной жизни.

Следует отметить, что не только особый судебный орган—сельский суд, но и в целом армянская сельская община выступала в качестве регулирующего органа обычно-правовых отношений между общинниками.

Однако при всей кажущейся автономности в общественной жизни и решении чисто местных «нашенских» общественных дел, армянская сельская община конца XIX—начала XX вв., являясь низшей административной единицей государственного устройства, выполняла роль связующего звена между государством и крестьянами. Подчиняясь государству и представляя частные интересы своих общинников, она, в конечном итоге, функционировала как мельчайшая клеточка социально-административной системы Российской Империи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩИННОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Исследование армянской сельской общины второй половины XIX и начала XX вв. будет неполным без рассмотрения специфически общинных обычаев, обеспечивавших общинное единство в сфере хозяйства, быта и духовной жизни.

Если процесс утраты автономности армянской сельской общины начался с социально-административных изменений в общинном землевладении и общинном управлении, поскольку именно они первыми попали под воздействие бюрократическо-фискальной системы царской России, то сфера духовной жизни крестьян и их быт были затронуты этим воздействием в меньшей степени. Именно в этой области община продолжала сохранять свою относительную автономность и жизнеспособность, что нашло проявление, в частности, в устойчивости и сохранности общинных обычаев.

В основе общинных обычаев лежали прочные представления о естественности общинного единства, идея общинной солидарности, которые пронизывали все стороны духовной жизни армянского крестьянства. Своё конкретное выражение они нашли в традиционных формах соседской взаимопомощи. В изучаемый период в армянской сельской общине наряду с элементарными формами взаимопомощи, которые, как правило, носили внепроизводственный характер, существовала и более сложная форма кооперации — хозяйственные товарищества.

Следует подчеркнуть повсеместную распространенность двух разновидностей помощи: как добровольной, так и нормированной обычным правом.

Добровольная взаимопомощь была характерным явлением повседневной жизни армянского сельского населения.

Между жителями одной сельской общины обычно существовали соседские (драцнакан) взаимоотношения. В связи с этим в крестьянском быту большое значение имело поддержание дружеских отношений с соседом, с которым делили и радость и горе. По этой причине крестьяне всячески избегали «неуживчивых» соседей¹. Значение соседской дружбы и взаимопомощи нашло широкое отражение в армянских народных пословицах и поговорках XIX—XX вв. В крестьянском быту была распространена следующая поговорка: «Не купи дома, а купи соседа». Или же пословицы, выражающие позитивный характер соседских взаимоотношений: «Вкусен соседский хлеб», «пожелай соседу одну корову, что господь дал тебе двух», «сердечный сосед лучше дальнего родственника», «сердечный сосед лучше бессердечного брата», «не дом покупай, а соседа выбирай».

Среди соседей широко был распространен обычай взаимных одолжений. Во временном пользовании соседа могли находиться различные предметы хозяйства, инвентарь, скот и т. д. Неудобно было отказывать соседу, так как назавтра отказавший мог попасть в положение просящего. Надо было поддерживать соседские отношения² (или, как сами крестьяне говорили, — *հինը և խորինը բարեկամություն*). Сельчанин, который пренебрегал этим неписанным, но прочно установившимся обычаем, жил среди своих сообщников как чужой. Среди крестьян был распространен обычай взаимных одолжений без какого бы то ни было вознаграждения. В ряде деревень существовала практика одолжения выходной праздничной одежды своим односельчанам. Эта одежда называлась *պահունի*, т. е. запасная. Так, по свидетельству информаторов и литературных источников, крестьяне Аштарака часто обращались к своим односельчанам Миграну Галстяну и Самсону Вардапяну

с просьбой одолжить обувь, верхнюю одежду (чуха и архалух) на время свадеб⁴.

Крестьяне с. Гёзлу нынешнего Талинского района во время свадеб, крестин и других торжеств одалживали выходные штаны, хранившиеся у односельчанина Хзро⁵.

Старейшины общины часто собирались в «ода» для обсуждения вопросов о предоставлении помощи своим общинникам—соседям, нуждавшимся в материальной и духовной поддержке⁶. Простая взаимопомощь близких родственников и соседей носила добровольный характер. В соответствии с давним обычаем, помощь соседу оказывалась без просьбы нуждавшегося в ней.⁷ Последняя являлась традиционной обязанностью каждого и была закреплена неписаными, но прочно установленными нормами.

Если общинник попадал в беду (теряя все свое имущество в результате пожара или несчастного случая), не только родственники, но и соседи старались хотя бы наполовину возместить утраченное, чтобы пострадавшему было легче восстановить свое хозяйство⁸. В с. Цахкунк (Чичаклу, ныне Варденисский район) проживала бедная семья Аво сына Вардана, состоявшая из 10 душ. Дом их сгорел и они остались без крова. Общими добровольными усилиями односельчан был построен новый дом, и семья погорельца была обеспечена одеждой, хлебом⁹.

Помощь вдовам была неотъемлемой частью деятельности соседей-односельчан. Эта помощь выражалась в обработке земельного надела вдовы, посевных работах, сборе урожая и т. д.¹⁰.

Богоугодным делом считался допуск бедных соседей к сбору опавших колосьев на убранных нивах. С этой целью община воспрещала пасти скот на бывших под хлебом участках в продолжение двух месяцев, считая от начала жатвы, чтобы дать возможность своим бедным односельчанам собрать опавшие колосья (или как говорили—разрешать «делать башаг»)¹¹.

Крестьяне различали помощь, которая не вызывала взаимных обязательств и называлась *зубара*¹², и взаимопомощь—*похара*,¹³ предусматривавшую обяза-

тельное оказание помощи в ответ на полученную прежде.

В литературных источниках упоминаются факты обращения крестьян близкорасположенных деревень за помощью к соседним общинам¹⁴ (Гарнибасар).

Наряду с добровольной формой взаимопомощи, в крестьянском быту существовала и помощь по просьбе соседа. Такая помощь была особенно необходима при осуществлении таких работ, которые требовали соединения коллективных усилий: например, при строительных работах (сооружении дома, арбы), при перевозке мельничного жернова и т. д.¹⁵ Особенно трудоемким было строительство домов, когда крестьяне часто прибегали к помощи своих соседей-односельчан. Большое значение имел выбор места для сооружения нового дома при отсутствии свободного участка рядом с дедовским или отцовским.

По завершении работ хозяин, просивший о помощи, при наличии материальных возможностей, устраивал угощение¹⁶.

При перевозке мельничных жерновов соседи бесплатно оказывали помощь своему односельчанину, который за свой счет поил и кормил их в течение всего трудового дня¹⁷.

Общинник редко бывал в состоянии построить арбу (повозку) собственными силами. Он просил о помощи своих близких и опытных соседей, которые за день кончали эту работу. Она также была бесплатной, но, в зависимости от материального положения, хозяин иногда устраивал угощение¹⁸.

Взаимопомощь выражалась наиболее ярко при проведении хозяйственно-полевых работ, во время подрезания виноградных лоз, при сборе урожая винограда и при приготовлении вина. Работа начиналась с того, что близкие соседи, родственники и все те, кто приходил на помощь, рано утром являлись к хозяину-односельчанину, владельцу сада, завтракали с вином и отправлялись на виноградник. Пока пришедшие работали, данное хозяйство, для которого осуществлялась помощь, было занято приготовлением обеда.

После работы все участники собирались на обед, в течение которого шла оживленная беседа, а затем все

расходились по домам. На утро помогавшие вновь собирались, засыпали виноград в особый чан (havdi), и несколько мужчин, заранее по нескольку раз вымыв ноги, начинали давить его¹⁹.

Особое место в повседневной хозяйственной жизни армянского сельского населения ряда областей занимал сбор коконов шелкопряда. Принцип организации работы был тот же, что и на сборе винограда. К крестьянам, на участке которых раньше созревали коконы, приходили соседи и близкие для совместного сбора, после чего устраивался обед²⁰.

В конце осени, с наступлением холодов, собирались женщины-соседки и занимались сбором нераскрывшихся коробочек хлопка. Такая коллективная работа непременно сопровождалась песнями, присказками, сказками и т. д.

В некоторых местах коллективная работа исполнялась под аккомпанемент зурны, что способствовало созданию единого ритма трудового процесса и приподнятому настроению работающих. В конце работы также устраивалось угощение²¹.

В крестьянском хозяйстве многие хозяева занимались производством войлока при помощи доброхотов. Процесс изготовления войлока описывает С. Д. Лисицян:

«Несколько мужчин, лежа на спине, под музыку ритмично мяти войлок, а потом катали по войлоку бревно, пока он не спрессуется окончательно. Бревно катали все вместе, подпрыгивая на одной ноге, а другой подталкивали общим единым ударом бревно. Когда уставали, меняли ногу. Вся эта работа производилась в ритме своеобразного танцевального производственного движения»²².

Не только мужчины, но и женщины-соседки во время выпекания хлеба, чесания шерсти и т. д. прибегали к односторонней бескорыстной помощи²³—зубара.

В описанных случаях взаимопомощь группы соседей своему односельчанину носила добровольный и поощряемый обычаям характер, однако в ней участвовали далеко не все члены общины. В армянской сельской общине рассматриваемого периода все более очевид-

тым становится возрастающая роль социально-имущественной дифференциации: помощь, оказываемая однопосельчанам тому или иному лицу или семейству, приобретает прямую зависимость от состоятельности последнего и его общественного положения, что указывает на нарушение основ и искажение представлений о естественности общинного единства и идеи соседско-общинной солидарности.

В общественных строительных работах (при сооружении мостов, проселочных дорог, проведении и чистке канав и т. д.) в обязательном порядке должно было участвовать по одному человеку от каждого дыма, поскольку участие в них считалось общественной обязанностью каждого общинника как члена данной общины. Так, церковь в с. Карчахпюр (Варденисский район) была восстановлена общими усилиями всех однопосельчан. Крестьяне, которые не хотели участвовать в этих общественных работах, посылали вместо себя своего покаяра или освобождались, уплатив соответствующую сумму²⁴.

Наряду с элементарными формами взаимопомощи, в армянской сельской общине существовала и более сложная форма кооперации—хозяйственные товарищества, т. е. организации общинников для осуществления хозяйственных целей²⁵.

Создание хозяйственных товариществ, или система «складывания и супряги» нескольких домохозяйств, было обусловлено слабым развитием производительных сил.

Хозяйственные товарищества, которые коллективно производили ту или иную работу, в большинстве случаев известны под названием «һаракаш», «һамкял», «һахкиц», «гутани энкер» (товарищ по гутану—плугу). Наиболее древними из этих терминов являются, по видимому, һаракаш и һахкиц, так как еще в рукописных источниках XIV—XV вв. отмечается, что маломощные семьи не могли обрабатывать в отдельности свой надел, не имея достаточных материальных средств, и объединялись в супряги, создавая «һаракашутюн», или «союз һахкиц»²⁶.

Р. Ачарян считает термин «һаракаш» пехлевийским, означающим «вместе сеять»²⁷. «һахк»—дословно

означает надел земли, причитающийся каждому из соучастников пахоты²⁸. В районах Иджевана, Шамшадина, Дилижана чаще употреблялся термин «намкял» в значении соучастника пахоты. При сборе полевых материалов нами были зафиксированы все вышеуказанные термины.

Эти хозяйственные товарищества—супряги были вольными и составлялись не на период от передела к переделу, а ежегодно—осенью и весной, т. е. были сезонными. Однако такие объединения могли существовать долгие годы, если члены арагашества были связаны крепкими узами дружбы²⁹.

В арагашество входили 2—3, редко 4—5 бекаров, а также маломощные дымы, которые отдельно не могли обрабатывать свои наделы и были малосостоятельными в экономическом отношении. Часто они объединялись вокруг соли (арор), так как только более состоятельные крестьяне имели плуг³⁰.

Для применения тяжелого плуга-гутана (средний вес 6—7 пудов) требовалось большое количество рабочей и тягловой силы. И. Шопен приводит описание пахоты таким плугом. «К огромному плугу запрягаются иногда до 14 пар сыков и буйволов, четыре человека беспощадно понуждают этих животных, а пятый управляет плугом. Открываемые борозды широки и глубоки, и подпочва, несколько рыхлее самой почвы, совершенно переворачивается наверх. Таким плугом в день распахивается около десятины земли: четыре, а иногда пять дней пахоты составляют один халвар земли»³¹.

Большинство крестьянских семей не могло своими силами обеспечить работу такого плуга, что приводило к супряжеству.

В конце XIX и начале XX вв. земельные товарищества составлялись главным образом по имущественно-территориальному принципу, т. е. в состав товарищества входили соседи³². На более ранних этапах прошлого столетия эти товарищества организовывались по родственному принципу, т. е. в арагашества вступали большей частью родственные семьи, что придавало товариществу родовой характер³³.

Члены товарищества объединялись вокруг того семейства, которое предоставляло плуг.

При совместной пахоте члены арагашества пользовались равными правами независимо от степени и средств их участия. По очереди обрабатывались земельные наделы всех членов арагашества: в первую очередь обрабатывалась земля владельца плуга, потом владельца тяглового скота и так до последнего члена. Причем, в большинстве районов Армении рабочее время эксплуатации плуга в течение недели распределялось следующим образом: хозяину гутана и пахарю—1,5 дня, хозяину каждых двух пар быков (с погонщиками)—1/2 дня, почному и дневному пастуху—1/2 дня³⁴. Члены арагашества были взаимно связаны только на время пахоты, сева, тогда как в процессе уборки урожая они были независимы.

Во время пахоты члены арагашества придерживались принципа, по которому крестьянин, чей надел вспахивался в этот день, являлся кормильцем, т. е. он должен был три раза в день кормить остальных участников пахоты³⁵. В случае, если один из членов арагашества попадал в беду, остальные члены приходили ему на выручку. Обязанностью члена арагашества считалась помощь вдовам при обработке их земельных наделов, которая проводилась без какого-либо возмещения.

Позднее, в начале XX в., принцип равенства нарушается и распорядителем работы арагашества фактически становится владелец плуга, который постепенно занимает привилегированное положение среди остальных членов арагашества. Он не только мог участвовать в качестве члена арагашества, но и сдавать свой плуг в аренду своим односельчанам.

В результате этих изменений наблюдается процесс замаскированной эксплуатации владельцем плуга бедных членов арагашества.

Таким образом, в создании товариществ—«наракашутюн», прослеживается двойкий процесс: переплетение традиционной формы хозяйства с противоречащей ей новой социальной сущностью, т. е. сохранение формального принципа равенства и очередности в об-

работке земельных наделов всех членов арагашества, с одной стороны, и распад этого принципа по существу,—с другой.

Во время косовицы также образовывались хозяйственные товарищества³⁶.

Хозяйственные товарищества организовывались не только для производства полевых работ, но и во время выпаса скота в весенне-летний период («сари һамгял» — сообщества по выпасу крупного рогатого скота, и «чобани энкер» — мелкого скота)³⁷. Эти скотоводческие сообщества уже в конце XIX и начале XX вв. составлялись по соседско-территориальному принципу. Наряду с этим в интересующий нас период в некоторых горных и предгорных районах Армении еще встречались скотоводческие сообщества, организованные на родственной основе³⁸.

В различных районах Армении второй половины XIX—начала XX вв. существовали разные формы скотоводческих сообществ, подробно рассмотренные в исследовании Ю. И. Мкртумяна³⁹. Для нашей темы особый интерес представляет так называемая «полная форма» сообщества, когда его члены объединяли весь скот (как крупный, так и мелкий), находившийся в их распоряжении, и сообща содержали его. Часто обходились без найма пастухов на стороне: от каждой семьи выделялось по одному человеку, которые и вели уход за разными стадами скота. У членов сообщества могло быть различное количество крупного и мелкого скота⁴⁰. «Неполная форма» складывалась в тех условиях, когда члены сообщества объединяли только мелкий рогатый скот, нанимали пастухов на стороне. Причем, обязательным условием членства являлось обладание примерно равным количеством скота⁴¹.

Существовали скотоводческие сообщества соседей, равных по состоянию, а также соседей и родственников, различных по состоянию. В первом случае имело место приблизительно равная затрата труда членами сообщества и, соответственно, равное распределение скотоводческого продукта.

Во втором случае зажиточный скотовладелец сам создавал сообщество, при этом нанимая пастухов для содержания своего стада, присоединяя к нему скот

бедных односельчан и взимая с них плату, не зависевшую от количества и характера оплаты труда пастухов. Бедным крестьянам было выгоднее оставаться дома для занятия земледелием, садоводством и отдавать свой скот на содержание богатому скотовладельцу за определенную плату⁴².

В повседневном крестьянском быту веками складывался обычай объединения крестьянских хозяйств, которые располагали определенным количеством молока для заготовки сыра и топленого масла на зиму.

В народной речи армян сохранился термин *хаб*, означавший обмен молоком в определенном количестве⁴³. Членов этих хозяйственных сообществ называли *хабкци*. Данное хозяйство в течение нескольких дней получало определенное количество молока и изготовляло сыр, топленое масло. С завершением заготовки, данное хозяйство уже само отдавало молоко другим своим соседям-членам союза, чтобы последние также могли бы запастись продуктами на зиму. Хаб организовывался с наступлением весны и завершался осенью. В организации хаба участвовали только женщины.⁴⁴ Создание хаба преследовало цель—рационального использования получаемого молока для нужд каждого хозяйства.

Товарищества составлялись также во время охоты⁴⁵. Если на охоту ходило вместе несколько (2—3—4) охотников, то и добытую дичь делили поровну между всеми участниками охоты. Только подстрелившему отдавалась в виде лишней доли голова и шкура. Возвращались обычно вечером с наступлением темноты или ночью, чтобы встречному на дороге не выделять доли, что требовалось по обычаю для того, чтобы «злые деревенские старухи», узнав от встречных об охоте, не «сглазили» будущую удачу.

После возвращения домой охотник отдавал долю из своей добычи и самым близким соседям⁴⁶. В некоторых горных местах Армении занятие охотой считалось грешным делом, так как существовало поверье, что тот, кто убивает животных, может убить и человека. В с. Дсех крестьяне даже не отдавали своих дочерей охотнику в жены. Обычно охотой занимались бедняки⁴⁷.

В свадебных и похоронных обычаях, в народных праздниках сохранялся ряд элементов, в которых наиболее полно проявлялось участие и единство общины, фиксируемые как в сфере материальной взаимопомощи, так и в создании определенной моральной атмосферы.

В ряде случаев в сельских общинах наблюдалось стремление к замкнутости, особенно выразившееся в регулировании брачно-семейных отношений. В некоторых деревнях при выборе невест предпочтение отдавалось девушкам из своих деревень⁴⁸. В связи с этим интересна армянская поговорка: «Лучше выдать замуж дочку за местного пастуха, нежели за чужого царя». Это явление, по справедливому утверждению Д. С. Вардумяна и Э. Т. Карапетян, объясняется не только историко-этнографической спецификой каждого отдельного региона, иногда даже села Армении, но и обусловлено социально-экономическими отношениями⁴⁹. Особенно отчетливо это проявилось с 80-х годов XIX в. в связи с внедрением подушной системы наделения землей: при такой системе выбор невесты из чужих сел приводил к дроблению надельной земли своей общины. Увеличение числа душ в своей общине за счет включения новых членов (невест из чужих сел) вело к сокращению подушного земельного участка при условии сохранения общей площади надельной земли данной сельской общины.

Полевые материалы, собранные нами, свидетельствуют о том, что брачные отношения могли складываться и между крестьянами разных деревень, находившихся на близком расстоянии друг от друга и принадлежавших к одному историко-этнографическому региону. Такие кумовские отношения были установлены между селами Чакатен, Гютгюм, Багабудж, Вачаган—нынешнего Кафанского района, между деревнями Гезлу и Дадалу Таллинского района⁵⁰.

Если брачный выбор падал на девушку из чужого села, община принимала активное участие в создании

новых брачных отношений. Это можно объяснить тем, что община как бы принимала в свои ряды нового члена, до этого им «чужого». Может быть, именно поэтому в некоторых районах Армении (например, в Зангезуре) сохранялся обычай, по которому во время выбора невест из других, соседних, деревень отец жениха вместе со своими родственниками должен был взять разрешение—согласие танутэра—старосты той деревни, откуда была родом невеста. Отец жениха иногда платил танутэру сумму в размере от 40 коп. до 1 руб., и в знак согласия последний давал ему свои четки для представления венчающему священнику⁵¹. При поездке в село невесты отец жениха приглашал своих родных, кавора, соседей, священника, танутэра села. Это прямо указывает на заинтересованность некоторых общин в принятии новых членов⁵². Со своей стороны, молодежь села невесты не отпускала ее до тех пор, пока кавор (посаженый отец) не платил им определенную сумму в размере 5 или 10 руб⁵³.

Определяющую роль при установлении брачных связей играл наличный уровень экономической обеспеченности и общественного престижа отдельных семей, а также кварталов одной деревни-общины и целых сел.

По воспоминаниям информаторов, в Мегри существовал очень доходный участок «Нватех» и при установлении брачных отношений всегда учитывалось наличие у родителей жениха земельного участка в Нватехе⁵⁴.

В с. Варденис (бывший Басаргечар) Варденисского района наиболее зажиточными, состоятельными семьями считались роды Карапетянов, Арзоянов, Саакянов, Ераносянов, между которыми существовали устойчивые кумовские отношения⁵⁵. В этом случае наблюдается установление кумовских связей внутри зажиточной прослойки селения Варденис, с одной стороны, и наличие аналогичных замкнутых связей среди бедняков того же селения—с другой.

Приведем другой факт, касающийся жителей двух сел—Цатер (Туманянский, бывший Алавердский район) и Саригех (Иджеванский район). В XIX в. эти деревни отличались от окружающих сел своей крайней бедностью. Именно поэтому крестьяне из соседних де-

ревень отказывались выдавать им своих дочерей, вследствие чего Цатер и Саригех были эндогамной общностью по отношению к окружающим селам и экзогамной между собой⁵⁶.

При регулировании брачных отношений вопрос о национальности брачующихся пар также находился в центре внимания сельской общины. Армяне избегали брать в жены не армянок, а также выдавать своих дочерей замуж за не армянина. Так, в Вайоц-дзоре один из местных полицейских (по национальности русский) прибегнул ко всяческим ухищрениям, дабы жениться на дочери местного армянского священника. Однако его стремления оказались тщетными, так как против него выступили не только отец девушки, но и вся община⁵⁷.

Община проявляла наибольшую замкнутость и консерватизм в вопросе религиозной принадлежности брачующихся.

В таких случаях община не только возражала, но могла и принудить того или иного односельчанина жениться на девушке, собиравшейся выйти замуж за иноверца⁵⁸. В с. Хачик одна девушка из-за легкого поведения своей матери не могла выйти замуж. Она влюбляется в случайного поселенца — турка-мусульманина. Узнав об этом, односельчане собрали деньги и, передав их одному молодому легкомысленному армянину, заставили его жениться на ней, чтобы она забыла своего возлюбленного. Но через некоторое время девушка сбежала с возлюбленным. Тогда крестьяне вынесли приговор об удалении матери из своей деревни, а отца били до тех пор, пока тот с помощью полицейских не нашел и не отнял свою дочь у похитителя⁵⁹. Община относилась снисходительно к тем лицам иной национальности, которые принимали григорианство и только затем женились на армянках⁶⁰. Одним словом, при установлении брачных отношений между молодыми людьми община играла важную регулятивную роль и применяла решительные санкции в случаях отклонения от традиционно-установившихся норм.

Ниже мы не будем рассматривать все действия, сопровождавшие свадебные и похоронные обычаи, а проследим лишь проявления общинного единства в этих событиях.

Сам свадебный цикл условно можно разделить на два этапа: первый—приготовление к свадьбе, второй—само празднество, т. е. свадьба, которая обычно справлялась широко и торжественно. По свидетельству С. Д. Лисициана, во время помолвки, при установлении кумовских отношений между обеими сторонами присутствие священника и старосты села—танутэра было обязательным. Этим подчеркивалось как согласие общины, так и общественное значение данного союза⁶¹.

Приглашение на свадьбу в разных районах Армении осуществлялось по-разному. Например, в Сисиане отец жениха приглашал музыкантов, которые поднимались на самую высокую крышу в деревне и играли особую мелодию, созывавшую всех на свадьбу⁶². Отец жениха вместе с родственниками и соседями отправлялся на кладбище и совершал там панихиду на могилах «предков и всех покойников».

Интересно, что до празднования свадьбы жених, священник, кавор отправлялись не только к родственникам жениха, но и к соседям-односельчанам, у которых незадолго до того скончался кто-либо. Такой визит рассматривался как прошение о разрешении сыграть свадьбу⁶³. По свидетельству С. Д. Лисициана, в некоторых местах жених обходил со священником все дома на селе, в которых кто-либо скончался в том году⁶⁴.

Совершив краткую панихиду, все выпивали принесенную водку за упокой души покойника, тем самым «как бы приглашали его на свадьбу, так как, по народному верованию, души умерших скитались еще в течение года неподалеку от дома, не находя покоя в могиле»⁶⁵. Совершая этот обряд, они как бы просили согласия, разрешения мертвых односельчан на свадьбу.

В других случаях, приглашая на свадьбу, кавор и жених с музыкантами обходили все дома своей деревни, давая по стакану водки домохозяевам и приглашая их принять участие в свадьбе. Выражая согласие, хозяин выпивал вместе с гостями стакан водки. В противном случае, он не брал поднесенного стакана, давая тем самым понять, что не будет присутствовать на свадьбе⁶⁶.

В Даралагязе при приглашении старейшин деревни своеобразный обряд исполняли жених, кавор и азапы

(неженатые дружки жениха). Жених целовал им руки и одаривал букетами цветов в знак приглашения. Такой вид приглашения назывался *харнэса хабар*—извещение о свадьбе⁶⁷. Кроме всего этого, отец жениха посылал детей оповестить о свадьбе всех, кого встречали на селе.

Во время выпечки свадебного хлеба, раскроя платья невесты и т. д. почти все жители данной общины принимали активное участие и помогали чем могли.

Выпечка хлеба производилась в доме жениха, куда являлись близкие, знакомые женщины с продуктами (масло, яйца, сыр) или же 20 копейками и отдавали принесенное ими матери жениха, которая благодарила их за помощь. Затем самая старшая в гердастане просеивала немного муки для хлеба, после чего это действие продолжала жена кавора и остальные собравшиеся женщины⁶⁸.

Во время «раскроя платья» в доме жениха собирались родня и соседские женщины числом 10—20 человек. Мать жениха выносила «бохчу»—узел с отрезами для одеяний невесты и жениха. Одна из собравшихся женщин, которая славилась добрым именем, имела много сыновей и живого мужа, открывала бохчу и кроила ткань. После кройки каждая из собравшихся женщины брала с собой на дом что-либо из раскроенного отреза для шитья без какого-либо вознаграждения⁶⁹.

Второй этап в процессе свадьбы—само празднование. Во время проводов невесты из родительского дома в дом жениха праздничная процессия во главе с музыкантами проходила мимо домов соседей-односельчан, которые специально по этому случаю выносили подносы с вином и сладостями⁷⁰.

Во время всех свадебных трапез провозглашалась здравица невесте, жениху, тамаде, старосте и непременно—всем сельчанам общины⁷¹.

С точки зрения рассматриваемого вопроса самым показательным явлением в свадебных празднествах представляется обычай «канча» (зова), который являлся традиционным способом организации компенсации расходов семьи жениха и оказания помощи новой

семье. В разных местах этот обычай имел разные названия (халат, цах, сачу), однако наиболее распространенным был термин *канч*⁷².

Канч производился при завершении свадебных празднеств. При этом выставлялся поднос и кто-нибудь из публики, обладавший даром красноречия, громогласно заявлял: «Общество, слушай! Уже несколько дней мы разносим казну жениха, уничтожаем, грабим; ведь надо же пополнить ее»⁷³. После чего каждый участник, по мере своих возможностей, вносил ту или иную сумму. Прежде всех давал деньги кавор, близкие, а затем и остальные—от 50 копеек до 3—10 рублей. По окончании канча подсчитывалась и объявлялась собранная сумма⁷⁴. Таким образом, расход, произведенный на свадьбу, частично возмещался подобными денежными взносами односельчан.

В конце XIX—начале XX вв. в связи с нараставшей социально-имущественной дифференциацией между крестьянами наблюдается процесс искажения этого обычая. на свадьбу стали в основном приглашать состоятельных крестьян, которые давали большую сумму во время канча.

Общинное единство проявлялось и в участии общинников в торжественных процедурах, связанных с рождением ребенка, поскольку это событие означало пополнение общины. Все близкие, родные, соседи (в основном женщины) сразу же после родов приходили к роженице, поздравляя и неся с собой *цнндагават*, состоявший из яичницы, масла, меда. Через три дня давали хавиц, приготовляемый из муки и масла⁷⁵.

Надо отметить, что при первых родах непременно приглашалась мать роженицы. Приходила также повивальная бабка; в тяжелых случаях приглашали «знающих» пастухов⁷⁶.

Рождение мальчика являлось наиболее радостным событием, поскольку, с точки зрения семьи, оно обеспечивало продолжение данного рода, а с точки зрения всей общины—создавало потенциальную возможность дальнейшего увеличения числа односельчан и пополнения активной мужской силы деревни.

Если на протяжении длительного времени рождавшиеся в семье дети погибали при родах или в после-

родовой период, то после рождения очередного ребенка мать не готовила для него одежду, а обходила соседей, прося у них лоскуты для новорожденного. Таким образом, семь лет ребенка одевали соседи. По поверью, для отвода дурного глаза, должно было сложиться впечатление, что оставшийся в живых не является ребенком неудачливой роженицы. Тем самым ребенка как бы скрывали от злых сил, преследовавших мать во время родов⁷⁷.

В с. Ваагни (бывш. Шахали Гугаркского района) нами был зафиксирован интересный рассказ о случае, когда рождавшиеся дети не оставались в живых. Во время очередных родов беременную женщину, у которой прежде гибли дети, клали на землю, забивая вокруг нее 7 бывших в употреблении гвоздей (причем по три гвоздя с обеих сторон и один у головы), и обвивали цепью от плуга. После рождения ребенка роженица отдавала новорожденного другой женщине, у которой было много детей и они не умирали. Женщина просовывала ребенка через надетую на себя рубаху (как будто она сама рожала) и отдавала опять роженице, которая в свою очередь давала ей несколько копеек, делая вид, что покупает ребенка. В течение семи лет роженица не шила сама одежду для ребенка: она обходила соседские дома, собирая лоскуты, чем и одевала своего ребенка. Женщина, собирающая лоскуты, называлась «дилакчи» — кормилица, дающая грудь⁷⁸.

Отсутствие ребенка рассматривалось как большое несчастье. В таких случаях, и особенно когда не было сыновей, прибегали к усыновлению, причем усыновляли следующим образом: усыновлявшая женщина проносила под надетой на себя рубахой ребенка, тем самым как бы воспроизводя роды. Причем, усыновление считалось законным при согласии общины⁷⁹.

Чаще усыновляли детей своей родни. Усыновляемый пользовался всеми теми правами, что и родной ребенок, независимо от того, был ли усыновленный из числа членов общины или нет. Усыновленный становился не только членом семьи, но и сельской общины и соответственно получал право пользоваться наделом после смерти владельца⁸⁰.

Если свадьба и рождение ребенка затрагивали интересы общины с точки зрения увеличения ее численности, то смерть сокращала число общинников, ослабляя тем самым привычные связи внутри общины.

С момента смерти до похорон соблюдался общий траур. В этом можно видеть проявление общей солидарности и одной из форм моральной взаимопомощи внутри общины⁸¹.

Когда умирающий «отдавал богу душу», собирались соседи, близкие, принося доску (иногда гарман — «*համ*») для купания покойника. Покойника клали на эту доску лицом к востоку и мыли, начиная с головы, грудь, ноги. Оставшейся водой омывали ноги и руки домашних с тем, чтобы у них прошел страх, а также больных в деревне, чтобы они «*ստանան ինչ կյանք*» (получали солнце жизни покойника). На протяжении всей этой процедуры женщины во главе с «матерью-плакальщицей», которая была известна своими причитаниями во всей деревне, непрерывно плакали, восхваляя умершего. Покойника пеленали и клали на *наш, наж* (посылки, сделанные на общинные деньги и хранившиеся в церкви). После похорон *наш* опять возвращали в церковь, поскольку в деревне был только один общий *наш, наж, джназ*⁸².

В Араратской долине, вблизи от губернского центра обычай использования *нажа* претерпевал существенные изменения. Несмотря на наличие в каждой деревне одного общего *нажа*, последний использовался лишь на похоронах бедных крестьян, в то же самое время состоятельные, зажиточные семьи той же деревни хоронили своих умерших в отдельных гробах⁸³, которые оставались в могильной яме. Это обстоятельство свидетельствует не только о значительной социальной, но и ритуально-бытовой дифференциации внутри соседских общин городской округи. Данное явление указывает, что означенная дифференциация нашла свое отражение даже в обычаях, носивших максимально уравнилельный характер. Ведь согласно христианской доктрине, которой свято придерживалось армянское крестьянство, имущественное неравенство после смерти исчезало, однако привычки повседневной жизни, осознание собст-

венного превосходства, основанного на владении материальными ценностями, довлело даже над «заупокойной» идеологией богатых семей, предпочитавших хоронить своих покойников способом, в отличие от бедняков⁸⁴.

Все крестьяне принимали участие в похоронах. Когда выносили наш, одиессельчане выбегали из своих домов, чтобы «*մեկը մտնի ու լիշտը իր հետ տանի*» (покойник унес с собой горести и болезни). До погребения умершего в селе прекращались все полевые работы. В этом можно видеть, с одной стороны, выражение связи между общиной и личностью, которая покинула свою общину, и связь между общиной и родней умершего—с другой⁸⁵.

На кладбищах не было специальных землекопов, и представители родни и соседи (особенно бедные) совместно выкапывали могильную яму.

В топографии могил на кладбище преобладал родственный принцип захоронения, так что умершего старались хоронить вблизи своих сородичей, однако существовал и территориально-соседский принцип.

В течение всего года близкие, родные и соседи следили за тем, чтобы все празднества в доме умершего не были омрачены грустью. Родные, соседи всегда приходили в такой дом и шли за упокой души умершего.

В сельской жизни армян проведение народных праздников выходило за рамки одной семьи и носило массовый характер.

Почти все народные праздники у армян (аманор—новый год, барекендан—масленица, затик—пасха, амбарцум—вознесение, вардавар и т. д.) несмотря на позднейшую христианскую форму, по своему происхождению, содержанию и роли в народной жизни были обусловлены потребностями хозяйственного и общественного быта⁸⁶.

По поверью крестьян, эти праздники были направлены на умилоствивление предполагаемых сверхъестественных сил, от которых якобы зависел урожай и, следовательно, материальное благополучие общины. Таким образом, эти праздники отражали экономические интересы и единство не только семьи или рода, но также и всей сельской общины.

Кроме того, они выполняли и другую функцию — противопоставления «жизни будничной и жизни праздничной»⁶⁷. Крестьяне нуждались в эмоциональной разрядке напряжения и отдыхе от повседневных забот, отходе от тяжелых мыслей. Эта цель достигалась ими благодаря участию в праздничном церемониале.

Остановимся на некоторых народных праздниках, в которых наиболее наглядно проявлялось участие общины и находила воплощение идея ее единства. Ведь, как говорит пословица: «Праздники памяты, а будни забывчивы»⁸⁸.

Новогодний праздник — *аманор* — служил поводом для улучшения обостренных взаимоотношений между отдельными людьми, семьями и общиной. Этим можно объяснить тот факт, что в дни аманора односельчане, бывшие ранее в ссоре и не разговаривавшие друг с другом, по настоянию своих доброжелательных соседей мирились и забывали старые обиды и ссоры. Сообщники придавали большое значение этим примирениям, так как последние способствовали поднятию общего настроения и праздничному увеселению⁸⁹. Во всех семьях накрывались столы, и крестьяне ходили поздравлять друг друга с новым годом. В первую очередь, односельчане являлись с подношениями (водкой, фруктами) к старосте и священнику села, с пожеланиями материального благосостояния не только их семьям, но и всей общине. Встречая Новый год, крестьяне пели хвалебные гимны, посвященные самому празднику, всем христианам и росту материального благосостояния данной общины⁹⁰.

Следующий праздник, который праздновался в феврале, назывался *тиарн энд арадж*.⁹¹ В основе этого праздника, несмотря на более позднюю христианскую окраску, лежали архаические формы представлений, связанных с культом огня. В каждом квартале разводились костры, вокруг которых молодежь устраивали пляски, а молодежь прыгала через костер: по поверью крестьян, этот обряд очищения обеспечивал плодотворность молодых, и в первую очередь, — молодой супружеской чете, содействовал приросту потомства, а следовательно, функционированию общины. Как полагает В. Бдоян, в более отдаленные времена этот обряд со-

вершался вокруг одного, большого костра, чем подчеркивался его коллективный характер⁹². Во всяком случае, до начала XX в. в Балу (Западная Армения) во время этого праздника каждый из новобрачных мужчины со своим кавором ходил в лес за дровами (црди), и разводил костер во дворе церкви или на крыше старосты-рэса, как бы подчеркивая общественный характер данного праздника. Кроме того, крестьяне следили за направлением дыма и пламени костра, и, если они отклонялись в сторону пашни, то год предполагался удачным и урожайным, а если в обратную сторону — неблагоприятным. По завершении праздника крестьяне брали пепел из священного костра и рассыпали по пашням и садам как средство от вредителей и насекомых, обеспечивая этим урожайность полей⁹³. Зажигание большого костра во дворе церкви бытовало и в с. Дадалу (нынешний Талинский район)⁹⁴.

Таким образом, этот праздник был посвящен плодородию почвы, самих крестьян и их семей и соответственно — жизнеобеспечению и благосостоянию своей общины.

Материальному изобилию, пробуждению, доброму воскресению природы, обеспечению богатого урожая, благосостоянию общины были посвящены праздники *барекендан* и *затик*.

Наиболее любимым народным праздником у армян считался *барекендан* (масленица). Этот праздник был посвящен пробуждению природы (дословно означает — доброе пробуждение), доброму воскресению природы⁹⁵ и праздновался в конце февраля.

Праздник длился две недели, в течение которых продолжалось массовое асселье, как бы способствовавшее радостному пробуждению природы. Почти каждый день крестьяне собирались в доме одного из своих почетных односельчан, где устраивалось угощение: крестьяне пили, ели, веселились. Вот как описывает это празднество в с. Канакер в первой четверти XIX в. очевидец, армянский писатель-просветитель Хачатур Абовян: «Кто бы в эту пору ни вошел в Канакер, всякий подумал бы, что с неба слетела некая благая весть, что мир стал раем и глаз человеческий не должен больше видеть горя и скорби.

Развалины Канакера, и те открылись и хлопали в ладоши, что не останутся впредь в таком виде, что и они обновятся, застроятся и заселятся.

А сколько мужчин, молодых парней, ребятишек повысыпало из домов и веселилось на улице и на крышах! Посторонний человек мог бы подумать, что эти сельчане—первые в мире люди, ни горя-то у них, ни забот, у каждого по тысяче туманов. Народ веселился, плясали рука об руку, другне, усевшись кружком, пировали,—кто пел, кто вторил.

Тут дудела зурна, там играли в жгут, в другом месте боролись борцы. Мальчишки играли в снежки, в жмурки, сражались, как гостящие солдаты. Звуки барабана и зурны, шум и гомон, казалось, заполнили весь мир»⁹⁶.

В празднестве барскендан принимали участие люди всех возрастов: младшие приравнивались к старшим, иногда подшучивали над ними, при этом никто не имел права обижаться.

Иногда устраивались массовые «кефы» (трапезы), в которых принимали участие односельчане, причем, каждый, придя к «месту трапезы», приносил с собой определенное количество еды—яйца, лаваш, вино, плов из риса и т. д., так что складывался общий котел для совместного стола. Таким местом для крестьян с. Гют-гюм (Кафанский р-он) служили окрестности кармир екехеци (красной церкви)⁹⁷.

Женщины собирались и веселились отдельно. Веселье продолжалось изю дня в день и достигало своего кульминационного момента к завершению праздника, когда устраивались разные игры или театрализованные представления. Особой популярностью пользовалась игра в «Шах-нашу», или «Хан»-а. Игра начиналась с того, что молодежь из своей среды выбирала в «ханы» человека, отличавшегося остроумием, красноречием, храбростью. Ему предоставлялось неограниченное право судить, наказывать, налагать взыскания на «провинившихся» в деревне. Цествие во главе с «ханом» обходило все дома и, не стесняясь, останавливало по дороге даже самых почтенных людей, взыскивая с них «неуплаченные налоги», штрафы за небывалые преступ-

ления и т. д. Штраф выплачивался продуктами, а также деньгами. По завершении обхода на собранные во время игры деньги и продукты устраивалось массовое угощение⁹⁸. Были случаи, когда часть собранных денег предназначалась на содержание сельской школы, если таковая имелась, или же бедным домохозяйствам своей общины⁹⁹.

В литературных источниках упоминается, что в игре «Хан-паша» могли принимать участие и две деревни. Так, «хан-паша» из деревни Парпи во время барендана часто навещал Аытарак. После этих представлений крестьяне двух деревень устраивали общие трапезы, веселье, во время которых всегда провозглашался тост за добрососедские отношения между обеими общинами¹⁰⁰.

С началом весны во второй половине марта устраивался выгон рогатого скота на придомные пастбища. Это мероприятие (специальное название—дори) носило в некоторых местах общественный характер и осуществлялось во главе со старостой-рэсом. Вместе со старейшинами общины он назначал день, когда надо было выгонять рогатый скот, и определял последовательность выгона между его владельцами. В этот день первым произносил тост староста, который поздравлял всех крестьян с наступлением весны и желал им всем общего благополучия. После этого право выгона рогатого скота принадлежало старейшинам общины¹⁰¹.

Рассказывая об отношении крестьян к своим наделам, пашням, информаторы вспоминали, что с наступлением весны ахсакалы села требовали от молодых хозяев частого посещения ими своих пашен, с тем, чтобы, как они говорили, «земля знала своего хозяина (антэр чи)» и дала бы хороший урожай¹⁰².

В предпоследнее воскресенье великого поста праздновался цахказард. Он соответствовал пробуждению природы и, в частности, цветению ивы. После благословения священником веточек ивы, крестьяне расхватывали эти веточки и брали к себе домой¹⁰³, как бы оповещая о вступлении весны в свои права.

В Старший четверг все крестьяне несли масло в церковь, священник благословлял это масло и потом

раздавал всем членам общины, которые, унося домой, бросали в хиочи (маслобойку), чтобы масло было обильным¹⁰⁴.

Следующий любимый праздник—затик (пасха—март-апрель), который посвящался обеспечению богатого урожая, от чего зависело материальное благосостояние не только каждой семьи, но и всей общины. В связи с этим община устраивала матах—жертвоприношение, что являлось характерным для всех армянских общин. Сложность этого вопроса заставляет подробнее остановиться на нем.

Цель матаха—умилостивление и задабривание сверхъестественных сил, от которых, по поверью крестьян, непосредственно зависела жизнь и благосостояние человека и всей общины.

Генетические корни матаха уходят в глубь веков. Говоря о пережиточной обрядности, Э. Тэйлор справедливо замечая, что «...некоторые религиозные обряды отличаются удивительным постоянством, сохраняя, в сущности, ту же форму и значение в течение длинных периодов времени, заходящих далеко за пределы истории»¹⁰⁵.

У армян матах существовал в различных формах: индивидуальной, семейной и общинной. Кратко остановимся на первых двух формах и подробнее рассмотрим третью.

Во время тяжелой болезни или другого несчастья армянин прибегал к индивидуальному матаху, к примеру—брал петуха или ягненка и нес в церковь или на место паломничества (ухтатех), где забивал животное так, чтобы кровь растекалась по порогу церкви. Как правило, резали только самца и резал непременно мужчина.

Перед закланием животное трижды обводили во круг церкви или святого места справа налево.

Матах запрещалось приносить обратно в дом. За резанное животное съедалось на месте близкими и родными жертвователя.

В наиболее ранней форме индивидуального матах личность, осуществлявшая его, не имела права вкушать жертвенного мяса и была обязана раздать ее другим людям или же семи домохозяевам¹⁰⁶.

Иногда, когда в новоостроенном доме случалось несчастье (смерть, болезнь), прибегали к семейному матаху, чтобы умилостивить сверхъестественные силы этой новой местности¹⁰⁷.

В некоторых селах Армении был распространен обычай *чалачи* (кялачи), по которому отдельные домохозяева пекли лаваш (лош—национальный листовидный хлеб) и раздавали односельчанам. Они также могли тайком, ночью, бросать свеженспекенный хлеб своим односельчанам. Никто не имел права отказаться от него: принявший долю матаха, произносил: «...да будет принят (приятен), да свершится ваш матах...»

Обычно чалачи делали осенью, во время нового урожая пшеницы¹⁰⁸.

Кроме индивидуального матаха, широко был распространен общественный—общинный матах с участием в нем всех членов общины. В некоторых районах Армении общинный матах назывался специальным термином *ахар*¹⁰⁹. Общинный матах—ахар, обычно осуществлялся в воскресный день пасхи. При этом избиралось несколько односельчан, которые обходили все дома деревни и просили деньги для матаха. Все заранее знали об этом, так что сразу давали столько, сколько могли. Иногда даже по одной копейке, тем самым как бы формально констатируя свое участие в ритуале. С бедных могли не брать денег, тем не менее и им выделялась доля из матаха. На собранные деньги покупали 1—2 головы рогатого крупного скота и обходили с ними три раза вокруг церкви. Затем животных забивали во дворе церкви, причем голова животного должна была быть обращена на восток. Мясо варили в котле, взятом из церкви, и раздавали всем односельчанам, независимо от того, давали ли они деньги на матах или нет. Каждый, кто брал кусочек мяса, произносил: «Да будет приемлем матах»¹¹⁰.

Особой популярностью пользовался желудок жертвенного животного, именовавшийся *тапан*. По поверью крестьян, дом, получивший жертвенный *тапан*, становился счастливым, так как после изготовления из тапана пленки (серек), которой затягивались отверстия маслоек и молочной посуды, в данном хозяйстве уве-

личивалось количество масла, а в других—уменьшалось. Из-за этого поверья при каждом матахе между сельчанами возникали конфликты за обладание тапаном. Впоследствии «глубокомыслящие и многознающие люди селения» установили обычай, согласно которому весь тапан варился и распределялся между всеми в общине и съедался на месте¹¹¹.

Своеобразный обычай существовал среди крестьян Запгезура. В этот день каждый крестьянин срезал раздвоенную веточку дерева каркас (на местном диалекте—пршин, бршин, птави, дагдаган), соединял раздвоенные концы так, чтобы получилось кольцо. Затем во дворе церкви (с. Гютгюм, Кафанский р-он) складывали друг на друга все эти веточки в виде вязанки. После чего жертвенное животное (ахар) резали таким образом, чтобы кровь стекала по всем этим кольцам. В других районах Запгезура эти веточки макали в крови жертвенного животного, а затем каждый брал свою веточку и втыкал в свою пашню: по поверью крестьян, она обеспечивала плодородие почвы, земли и богатый урожай¹¹².

Таким образом, обрядный матах устраивался с целью умилостивления сверхъестественных сил природы, обеспечения хорошего урожая, от которого зависело экономическое и материальное благосостояние каждой семьи и общины в целом.

Плодородию, созреванию богатого урожая и завершению хозяйственного года были посвящены праздники *амбарцум*, *вардавар*, *навасард*. В мае праздновался один из наиболее любимых праздников молодежи—*амбарцум* (вознесение). Устраивались массовые гуляния, игры, состязания, хороводы, в которых принимали участие все крестьяне, в частности, молодежь. Кульминационным моментом праздника являлось гадание, предсказание будущего молодым девушкам и парням с помощью кувшинчика, наполняемого священной водой, взятой из семи родников семью девицами, и разукрашенного букетами майских ароматных цветов. В этот день молодежь пела специальные ритуальные песни «джан гюлум»¹¹³. Очень красочно и живо

описал этот праздник армянский поэт Ов. Туманян в поэме «Ануш». Амбарцум праздновался на лоне природы у священных родников, деревьев и т. д. В этот день надо было обязательно приготовить молочную кашу и раздать ее всем соседям. Кроме того, во время *затика, амбарцума, вардавари* заквашивали также мацуи, чтобы раздать всем соседям, особенно тем, у кого не было дойной коровы¹¹⁴.

Особый интерес представляет также следующий обычай, бытовавший во многих районах Армении: накануне амбарцума (вознесения) девушки и молодые невестки отправлялись в поле, где варили для всего села рисовую молочную кашу (катнов) в огромных общих котлах и потчевали всех односельчан. Остаток этой каши разбрасывали по нивам с целью защиты от полевых мышей, грызунов, градобития, с тем, чтобы посева росли без повреждений, а урожай был богатым¹¹⁵.

Вардавар праздновался в июле. Этот древнейший праздник был посвящен благодетельной силе воды и солнца. В этот день все обливали друг друга водой, устраивались также паломничества в священные места, в частности, в Зангезуре для этой цели служила вершина горы Хуступ. Сюда приходили со всех окрестностей крестьяне-паломники. Они веселились вокруг родников, организовывали трапезы, причем каждая деревня—в отдельности. Иногда, если между селами существовали близкие отношения, накрывался общий стол¹¹⁶.

В августе праздновался навасард, который бытовал в народе как праздник осеннего урожая и был посвящен завершению земледельческого сезона¹¹⁷. В сентябре—в день св. Богородицы освящался виноград, после чего только дозволялось употребление его в пищу. Интересные сведения имеются в полевых материалах А. Одабашян. В с. Верин Каранлук (Гехаркуник) до 30-х гг. XX в. бытовал особый обычай. Поверенные люди от общины собирали деньги и ехали в Араратскую долину, которая славилась виноградарством. Поверенные покупали виноград, а на обратном пути домой заезжали в Севанский монастырь, где освящали его, после чего раздавали всем односельчанам общины. Крестьяне с. Верин Каранлук сохранили этот обычай,

поскольку они являлись выходцами из Алашкерта, где было развито виноградарство¹¹⁸.

Все эти праздники носили общественный массовый характер. Они имели одну цель: будучи посвящены пробуждению природы после долгого зимнего периода, плодородию почвы, умилостивлению сверхъестественных сил природы, обеспечению богатого урожая. Они должны были способствовать росту экономического и материального благосостояния каждой крестьянской семьи и общины в целом.

Наряду с вышеупомянутыми праздниками, в духовной жизни крестьян большое место занимал и заупокойный культ умерших данной общины, находивший концентрированное выражение в день поминания (мерлоц—день предков). Дни поминания следовали за такими праздниками, как затик, амбарцум, вардавар, а также отмечались во время великого поста и святого креста (сурб хач). В эти дни односельчане собирались на кладбище, которое освящал священник. Во время совершения поминального обряда собравшиеся съедали принесенную с собой пищу. Все принесенное должно было либо быть съеденным, либо оставленным на месте. Пили за упокой души давних и новых покойников, а также за всех покойников данной общины¹¹⁹.

В культе предков можно выявить утверждение существования связи между душами покойников и их семьями, а также всей общиной. Именно за упокой души всех умерших устраивались общие, общинные поминки, причем часто эти поминки совпадали с последними днями «смерти» и началом весеннего возрождения природы¹²⁰.

Таким образом, традиционные армянские праздники, в основе которых лежали мотивы, направленные в первую очередь на обеспечение материального благосостояния общины, занимали большое место в духовной жизни крестьян и служили важным средством социальной интеграции индивида в общинном коллективе. Экономическое благосостояние общины во многом зависело от собранного урожая, влияния стихии и т. д. Для армянского крестьянства засуха всегда была тем злом, с которым трудно было бороться. Ее считали не-

бесной карой (*цасман жам*) за содеянные грехи. Для умилоствления сверхъестественных сил община устраивала мероприятия, проводившиеся под руководством старосты и священника, в организации и успехе которых были заинтересованы и принимали участие все крестьяне, поскольку от этого зависело материальное благосостояние всей общины¹²¹. Мы не будем останавливаться на разных ритуалах вызывания дождя, бытовавших среди крестьян в XIX—начале XX вв. (приготовление хучкурурика, распашка высохшего русла реки женщинами, запряженными в соху, купание осла в реке и т. д.)¹²².

Во время длительной засухи община могла также устраивать общие матах для умилоствления враждебных сил природы. В этом случае выбиралось несколько лиц, которые обходили все дома и собирали деньги. На собранные деньги покупали несколько голов крупного рогатого скота и свечи. Затем все это доставлялось в церковь, где священник благословлял жертву, после чего резали животное, раздавали всем, а шкуру и заднюю ногу отдавали, как правило, священнику¹²³.

Иногда на собранные всей общиной деньги с этой же целью рядом со своим селением воздвигали хачкары (*цасман хачэр*)¹²⁴, которые должны были оберегать крестьян от небесной кары (*цасман жам*).

Сельский образ жизни армян в рассматриваемый период нес на себе явный отпечаток многих общинных установок—поведенческих, обрядовых и ритуальных, которые стадильно восходят к глубокой древности. Идея общинного единства отчетливо проявлялась в формах взаимопомощи, участия общины в традиционных праздниках, свадьбах, похоронах. Определенные комплексы действий, направленные на интеграцию индивидов и отдельных семейств в целостную общину, осуществлялись на протяжении большей части года и были включены в основные сферы деятельности армянского крестьянства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя армянскую сельскую общину пореформенного периода следует выделить два существенных момента:

1. Сельская община в Восточной Армении не выходила за типичные рамки социально-экономического бытия сельской общины земледельцев, являясь союзом мелких производителей крестьян, и представляла в изучаемый период низшую административную единицу в системе поселкового устройства губерний и уездов царской России. Подобно многим, сходным с нею крестьянским социальным организациям у народов России, сельская община переживала равнонаправленный процесс трансформации и разложения под воздействием капиталистической экономики. Старые традиционные институты быстро утрачивали свое прежнее значение или же, перерождаясь, превращались по существу в административные органы в старой оболочке. Развитие частной собственности, основанной на индивидуальном владении средствами производства, индивидуализации труда внутри сельских общин, вело к углублению материального и социального расслоения, а следовательно, и социально-экономической трансформации общины. В частности, это отразилось на социально-экономических отношениях, хотя внешние, традиционные нормы внутриобщинного статуса и равноправия все еще не были дискредитированы в глазах основной массы крестьянства и община еще сохраняла за собой традиционные уравнилельно-передельные права и стремилась всеми средствами отстоять этот устоявшийся веками порядок равного обеспечения своих сочленов средствами производства.

Сельская община являлась относительно стабильным, замкнутым микромиром, который в исторических

условиях Восточной Армении второй половины XIX в. существовал в системе огромного Российского государства, крестьяне же выступали маленькими частичками этого микромира. Трудно представить армянского крестьянина XIX—начала XX вв. оторванным от своего коллектива, деревни, вне тех общинных отношений, которыми было обусловлено существование каждой сельской общины. Вследствие проживания на одной территории, соседствования в границах одной деревни-общины, «совместного труда, общих забот, взаимной помощи, порождающих общность интересов и взглядов»¹, между крестьянами возникали определенные, повторяющиеся взаимоотношения, в процессе которых вырабатывался комплекс взаимных обязанностей крестьян, который составлял суть общинных отношений и проявлялся в производстве, социально-экономической организации, общественном устройстве и в быту. Вся совокупность общинных отношений имела целью поддержание и воспроизводство тех способов деятельности, которые обеспечивали существование сельско-общинного способа производства. Ведь главное для крестьян в общинной организации заключалось в обеспечении их существования как мелких производителей, в защите их интересов, в поддержании традиционного хозяйственного и бытового уклада жизни².

Сельско-общинный способ производства, создавший комплекс средств воспроизводства крестьянской жизни (уравнительное землепользование, особое теоретически демократическое административное управление, институт взаимопомощи, участие общины в праздниках, свадьбах, похоронах, матах и т. п.), нашел свое идеологическое воплощение и обоснование в идеях уравнительности, единства, взаимопомощи и солидарности между крестьянами одной сельской общины.

Однако законы экономического развития Российского государства в конце XIX—начале XX вв. были неумолимы. Под влиянием внутренних и внешних факторов община еще не разрушается окончательно в силу ее живучести и приспособляемости, но в ней усиливаются экономические противоречия. Уже в начале XX в. российский капитализм, достигший весьма зрелых

форм развития, довольно свободно вторгся в экономику крестьянской Армении и начал властно преобразовывать традиционные формы общинного хозяйства, имущественных и социальных отношений, попутно разрушая сложившиеся поведенческо-бытовые нормы патриархально-сельской жизни. Ничто уже не могло спасти армянскую сельскую общину от разложения и упадка в процессе перехода на рельсы новой экономики.

2. Сельская община как социально-экономический союз мелких производителей-крестьян является универсальной для многих народов. Вместе с тем, сельской общине были присущи и некоторые черты локальной этноисторической специфики.

Сельская община Восточной Армении в изучаемую эпоху отличалась рядом специфических черт, которые были обусловлены общей демографической и социально-экономической обстановкой, сложившейся после присоединения к России. а) Многие сельские общества в изученных нами районах создавались на пустующих землях из групп переселенцев, происходивших из различных мест, вследствие чего, во-первых, формирование новых общин с самого начала происходило на основе как родственных, так и соседско-территориальных связей, а во-вторых,—общинная организация воспроизводилась здесь, хотя и традиционным способом, но из структурных элементов генетически различного происхождения. б) В условиях изгнания верхушки иноземного господствующего класса в ходе русско-персидской войны 1826—1828 гг. и незначительности роли местного армянского землевладельческого феодального класса, сельская община была поставлена непосредственно под контроль государства, под власть имперской администрации. в) Показательно, что многие армянские сельские общества в первой половине XIX в. имели всесословный характер, т. е. указанный незначительный армянский землевладельческий класс был интегрирован в рамках единой общинной организации. Всесословная сельская община—явление стаднально архаичное, характерное для эпохи становления классового общества, и поэтому естественно, что в окружении значительно более развитой социально-экономической среды Российской им-

перии, стоявшей на пути превращения в буржуазную монархию, такая архаичная форма социальной организации не могла долго просуществовать. Впоследствии всеословность была разрушена, землевладельческий класс вышел за пределы общинной организации и на смену всеословной сельской общине пришла крестьянская сельская община. Однако на этом процесс специфического развития армянской сельской общины не закончился.

Как было отмечено, в 70-х гг. прошлого столетия государственные крестьяне составляли около 86% крестьянского населения Восточной Армении и общины, состоявшие из государственных крестьян, представляли собой большинство. Сельские общины, состоявшие из государственных крестьян, не зависели от частных землевладельцев и выступали в роли посредника между государством и крестьянами. Государство следило за исправным поступлением налогов и исполнением общинами других государственных повинностей, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь общины. Положения 1864, 1866, 1867, 1900 гг. и др. о государственных крестьянах Закавказья, водворенных на государственных землях, которые были изданы царской администрацией, в основном юридически узаконили нормы обычного права, регулировавшие экономику, управление и быт местных сельских общин. До начала XX в. царская администрация сохраняла и защищала права сельских общин в масштабе целого государства. Присваивая часть прибавочного продукта, создаваемого сельским населением, государство в остальном не препятствовало существованию сельской общины, община же, в свою очередь, не мешала государству.

Однако уже в начале XX в. положение существенно меняется. Меняется и социально-экономическая политика царизма: община уже мешала развитию капиталистических отношений в деревне. Она приковывала крестьян к своим наделам, общинам, не давала возможности выйти из традиционно сложившегося замкнутого круга, и царизм встал на путь разрушения сельской общины Закавказья.

Рассмотренное историческое развитие сельской общины в Восточной Армении при всем его своеобразии

со всей очевидностью подтверждает представление об универсальном, всемирно-историческом характере общинной организации.

До первой мировой войны сельская община являлась основной формой социальной организации армянского этноса в Восточной Армении. Несмотря на трансформированный характер она продолжала функционировать и в начале нашего столетия, что было обусловлено живучестью общинных традиций. Отдельные пережитки или элементы этих традиций продолжают существовать в армянской сельской среде наших дней.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКАК—Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
- АОЭ—Архив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.
- МИЭБГКЗК—Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края.
- ПСЗ—Полное собрание законов Российской империи.
- СМИЭБГКЗК—Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края.
- СМОМПК—Сборник материала для описания местностей и племен Кавказа.
- СЭ—Советская этнография.
- ЦГВИА СССР—Центральный государственный военно-исторический архив СССР.
- ЦГИА АрмССР—Центральный государственный исторический архив Армянской ССР.
- ԱԸ—Ազգագրական հանդես
- ՊԲԸ—Պատմա-րանասիրական հանդես ՀՍՍՀ ԳԱ

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 *Община в Африке: проблемы типологии*, М., 1978; *Давыдов А. Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока*. М., 1979.
- 2 Основные принципы системного подхода к общинным структурам изложены в книге: *Андреев И. А. Общинные структуры и некапиталистический путь развития*, Владимир, 1973. В частности, автор выдвинул идею о возможности «представить земледельческую общину как синтез двух структур (кровнородственной и функционально-корпоративной организации социальных связей) в одном социальном субстрате» (с. 86); Как справедливо пишет *М. М. Громыко*, «...территориальная община может быть разложена на семьи и другие малые группы: более узкие соседские общности; родственные группы, выходящие за пределы семьи; межсемейные неродственные объединения на хозяйственной основе (для проведения некоторых видов работ, совладения постройками и пр.); возрастные, поло-возрастные и др. общности...». *М. М. Громыко*, «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций»—СЭ, 1984, № 5, стр. 71.
- 3 Наряду с предлагаемым здесь определением сельской общины в последнее время был выработан и ряд других различных определений данного понятия. Подробно см.: *Община в Африке: проблемы типологии*, с. 17—19.
- 4 *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. 1, с. 387.
- 5 Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, вып. II, М., 1972, с. 165—221.
- 6 *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 403—405.
- 7 *Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания*, Изд-во ЛГУ, 1969, с. 279.

- 8 *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 136; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 98—89; т. 3, с. 223, 311, 313.*
- 9 *Хлопик А. Д. Проблема адаптации сельских мигрантов к городской среде. Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс, М., 1972.*
- 10 *Шолен Н. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи. Спб., 1852, предисловие.*
- 11 *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 295.*
- 12 *Ինքնիշխան Վ. Հնախուրդիւն աշխարհագրական Հայաստանեայց, աշխարհի, հ. 2, էջ 76, 153, 307—308, Վենետիկ, 1835; Կարապաշյան Ա. Քննական պատմութիւն հայոց, մ. Ա, Բ, Գ, Թիֆլիս, 1835; Վանցյան Կ. նյութեր հայկական գյուղական համայնքի ուսումնասիրութեան, Մուրճ, Թիֆլիս, 1896, № 1; Սաղարեյան Հ. Համայնական հողատիրութիւնը Երևանի նահանգում, Մուրճ, 1890, № 5, 7, 10:*
- 13 *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 65.*
- 14 *Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. 1, М., 1886.*
- 15 *Юридический вестник, М., 1889, т. 2, кн. 2, 3; Ковалевский М. М. Первобытное право, вып. 1, М., 1886, с. 88—89.*
- 16 *Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, М., 1879, с. 5—7; его же, Современный обычай и древний закон..., т. 1, с. 139—141.*
- 17 *Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности, Спб., 1896, с. 99—101; его же. Развитие народного хозяйства в Западной Европе, Спб., 1899, с. 2.*
- 18 *Зонов В. Т. К вопросу об эволюции взглядов М. М. Ковалевского на сельскую общину.—Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964, с. 146—173.*
- 19 *Егiazаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община, ч. I, Казань, 1889.*
- 20 *Егiazаров С. А. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии.—СМИЭБГКЗК, Тифлис, 1887.*
- 21 *Сегаль И. Крестьянское землевладение в Закавказье, Тифлис, 1912, с. 60.*
- 22 *Авадиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. I—III, Одесса, 1912—14 гг. т. IV Тбилиси, 1920; т. V, Тбилиси, 1986.*
- 23 *Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов Маркса и Энгельса на*

- азиатский способ производства и земледельческую общину. «Народы Азии и Африки». 1965, № 2; Ф. Текен, Марксизм и некоторые проблемы ориенталистики, Вопросы философии, 1975, № 9; П. Ф. Лантин, Община в русской исторногеографии последней трети XIX—нач. XX вв., Киев, 1971; В. А. Александров, Ленин о сельской общине в крепостной России, Советская этногеография, 1970, № 1; В. Д. Мочалов, Сельская община в Закавказье в пореформенный период, Исторические записки, 1960, № 67; *его же*, Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в., Москва, 1958 и др.
- 24 Աղբեց Կ. Հին Հայ շինականութիւնը.—Պատմական ուսումնասիրութիւններ. Փարիզ, 1948, էջ 157—205; Մանանդյան Հ. Ֆեոդալիզմը հին Հայաստանում, Ե., 1934, լույսի, Երկեր, Ե., 1977, հ. 1, 2, 4; Սամվելյան Խ. Հին Հայաստանի կուլտուրան, Ե., 1941, հ. 3; Еремьян С. Т. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху.—Տեղեկագիր—ՀՍՍՀՄ, 1948, №11, Պալոսյան Ս. Պ. Գյուղացիների ճորտացումը և գյուղացիական շարժումները Հայաստանում IX—XIII դդ., Ե., 1956; Խաչիկյան Լ. Ս. Հայկական գյուղական համայնքը XIV—XV դդ.—ՊՐՀ, 1958, № 1; Սյրմազյան Հ. Մ. Սյունիքը IX—X դդ., Ե., 1958, Հակոբյան Ս. Ե. Հայ գյուղացիության պատմություն, հ. 1, Ե., 1957, հ. 2, Ե., 1964; Բարսյան Լ. Հայաստանի ֆեոդալիզմի դարաշրջանի պատմության ուսումնասիրությունը սովետահայ պատմագրության մէջ, Ե., 1970, էջ 206—236:
- 25 Кавказский этнографический сборник, вып. 1.—Труды института этнографии. Новая серия, т. 26, М., 1955.
- 26 Րիտունի В. А. Крестьянская реформа в Армении 1870 г., Ереван, 1947; Амбарян А. С. Развитие капиталистических отношений в армянской деревне, (1860—1920) Ереван, 1959; Եղանյան Մ. Ե., Հայաստանի հետպեֆորմյան արարարյին հարարերութիւնները, Ե., 1968; Мелик-Саркисян Р. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1870 г. в Армении. Автореферат, канд. дис. 1972 и др.
- 27 Пользуясь случаем, приносим благодарность заведующему отделом этнографии Института археологии и этнографии АН АрмССР Д. С. Вардумяну за консультации и помощь, к которой неоднократно прибегал автор на протяжении ряда лет при написании данной работы.

Глава I

- 1 Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 4, Ե., 1972, էջ 81, 275, հ. 5, Ե., 1974, էջ 13—14, 62—65; Օճանյան Ա. Պ. Վարչա-տնտեսական

- բաժանումները նախատնտեսական Հայաստանում.— ԵՊՀ-ի, գիտական աշխատություններ, հ. 51, 1955, էջ 86.
- 2 Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 4, с. 277—280, հ. 5, էջ 75—80: Համբարյան Ա. Ազրարալին հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում, Ե., 1965, էջ 52—56: Զուլալյան Մ. Կ. Զալալիների շարժումը և հայ ժողովրդի փնտրյալ Օսմանյան կայսրության մեջ (XVI—XVII դդ.), Ե., 1966, էջ 66—70, 81—86: Նույնի, Արևմտյան Հայաստանը XVI—XVIII դդ., Ե., 1980:
- 3 Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 4, էջ 258—264, հ. 5, էջ 18—24: Егуазиров С. А. Сельская община, с. 2—3.
- 4 Ավղալբեղյան Խ. Հողային հարցը Արևելյան Հայաստանում 1801—1917 թթ., Ե., 1959, էջ 37: Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 5, էջ 18—21: Գրիգորյան Ա. Խ., Երևանի խանությունը XVIII դ. վերջում, Ե., 1958 թ., էջ 47—52:
- 5 Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 4, էջ 258—266, հ. 5, էջ 18—24:
- 6 Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954, с. 74.
- 7 Там же, с. 74—86.
- 8 Там же, с. 80—86, 211.
- 9 На основе анализа многочисленных таблиц по народонаселению в книге И. Шопена. «Исторический памятник...» научным сотрудником отдела этнографии Института археологии и этнографии АН АрмССР. Г. Саркисяном определен этнический и демографический состав населения Армянской области.— Հայիական մարդի բնակչության էթնիկական կազմը.— Գիտական նստաշրջան, նվիրված ՍՍՀՄ կազմավորման 60-ամյակին. Չնկուցումների թեմաներ, ՀՍՍՀ ԳԱ ՀԱԻ, Ե., 1982: Большой интерес при рассмотрении специфики этнических процессов представляет работа А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия. Русь, Прибалтика). М., 1972.
- 10 Гакстгаузен А. Закавказский край, ч. I, Спб., 1857, с. 209.
- 11 История армянского народа. Под ред. М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1980, с. 196.
- 12 О тяжелом состоянии переселенцев в Западной Армении, смотри также: Բաֆֆի, Երկերի ժողովածու, Ե., 1958, հտ. 8,
- 13 Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 5, էջ 125, 192: АОЭ, № 425, с. 39.
- 14 Սարգսյան Հ. նշվ. աշխ., Շопен И. Указ. раб., с. 525, 539, 647—650: По данным О. Е. Туманяна население, проживающее на территории теперешней Советской Армении, в 1831 г. составляло 161747 чел., а удельный вес армянского населения достиг от 40% (в 1827 г.) до 69,3% (в 1831 г.)— Բուժանյան

2. Ե., Հայաստանի նախապլեյտալիան շրջանի աղգարնակալիստներ, ՊՐՀ, 1965, № 4.
- 15 Народы Кавказа.—Народы мира. Этнографические очерки, т. 2, М., 1962, с. 453.
- 16 ЦГИА АрмССР, ф. 65, оп. 1, д. 51, л. 32—33.
- 17 ПСЗ, собр. II, т. 41. (41351, 43678); т. 42 (45247).
- 18 Предложение Главно-начальствующего на Кавказе, на имя члена Елисаветпольской губернии по поселянским делам Присутствия Запольского от 31 марта 1885 г. за № 3275 в Проекте преобразования сельского общественного управления в губерниях Закавказья, с. 1 и 2. Егiazаров С. Сельская община, с. 102, 106.
- 19 Подробно об историко-этнографических районах Армении смотри: Народы Кавказа, т. 2, М., 1962, с. 440—442; Культура жизнеобеспечения и этнос, Ереван, 1983, с. 106; а также устные сообщения Д. С. Вардумяна.
- 20 Под понятием «коренное армянское население» подразумевается та часть населения, которая заселяла эти места до присоединения Восточной Армении к России.
- 21 Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 106.
- 22 Клейн Л. С. Археологические признаки миграций.—IX МКАЭН (Международный конгресс антропологических и этнографических наук), Чикаго, 1973, М., 1973, с. 7.
- 23 Изучение одной из пережиточных форм общинно-родовой организации—кровно-родственной группы «азг» (патронимия) посвящена книга Карапетян Э. Т. Родственная группа «азг» у армян, Ереван, 1966.
- 24 Народы Кавказа—Народы мира. Этнографические очерки, т. 2, М., 1962 с. 524.
- 25 Վաղդանյան Գ. Ս. Հոսեցիների նոր կենցաղը. Ե., 1956.
- 26 ԱՀ, գ. VII, VIII, Թիֆլիս, 1901, էջ 343. գ. IX, Թիֆլիս, 1903, էջ 198—199.
- 27 Карапетян Э. Т. Указ. раб., с. 3, 153; Մախչյան Ս. Գ. Զանգեզուրի հայերը. Ե., 1969, էջ 229.
- 28 Վաղդանյան Գ. Ս., Վաղապետյան է. Տ. Հայաստանի կոլտնտեսականների ընտանիքը և ընտանեկան կենցաղը. Ե., 1963, էջ 96.
- 29 Там же.
- 30 Полевые материалы автора, Аштаракский район, 1974, с. 12;
- 31 Там же. Аштаракский р-н, 1978, с. 68, 92; Кафанский р-н, 1982, с. 27
- 32 Там же, Аштаракский р-н, 1978, с. 72.
- 33 Там же, с. 5.

- 34 Արմաշի Ա., Երկիր, Ե., 1966, էջ 182.
- 35 Полевые материалы автора, Кафанский р-н, с. 27—29, 55—59.
- 36 Карапетян Э. Т. Указ. раб., с. 152—153.
- 37 Полевые материалы автора. Мартунинский р-н, 1973. II, с. 43—52.
- 38 Там же, р-н Камо, III, с. 7, 36.
- 39 ԱԷ, VII, VIII, էջ 331.
- 40 Վաղարշյան Գ. Ս., Վաղարշյան Է. Տ., Երկ. աշխ., էջ 97—98.
Полевые материалы автора, р-н Камо, IV, с. 17—23
- 41 Полевые материалы автора, Варденисский р-н, I, с. 14.
- 42 Там же, Мартунинский р-н, II, с. 30.
- 43 Там же, р-н Камо, III, с. 1—2.
- 44 АОЭИАЭ № 358, с. 67; № 423, с. 155.
- 45 Щепаньский Ян. Элементарные понятия социологии, Новосибирск, 1967, с. 130.
- 46 Егиазаров С. А. Сельская община, с. 48.
- 47 Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 118, 127.
- 48 Халыпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении, М., 1971, с. 13.
- 49 Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 119.
- 50 ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19192, л. 192—194; Шопен И. Указ. раб., с. 484.
- 51 Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 118.
- 52 Там же, с. 120.
- 53 Народы Кавказа, т. 2, с. 494.
- 54 Там же.
- 55 Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 119.
- 56 ԱԷ, Գ, III, Թիֆլիս, 1898, էջ 9—10.
- 57 Народы Кавказа, т. 2, с. 495
- 58 АОЭ, № 449 (1/35), с. 5.
- 59 Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 162; Лисициан С. Д. Из материалов по изучению жилищ Армении.—Известия Кавказского историко-археологического института, т. 6, Тифлис, 1927.
- 60 См. выше с. 32.
- 61 АОЭ, № 30, с. 260.
- 62 Полевые материалы автора, р-н Камо, III, с. 36.
- 63 Там же, IV, с. 17.
- 64 АОЭ, № 45(149), с. 11.
- 65 Մանեկադարան, ձեռ. № 3850, էջ 266, 7991, էջ 237 ր, Վիճակաբանության համալսարանի Վիճակաբանության Կ., ՍՊԲ, 1913, էջ 27, 51, 125, 130.
Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI и начале XVII вв., Л.,

1949, էջ 73, Կալվածագրեր և տնտեսական այլ դործարրների վերաբերյալ արխիվային վավերագրեր. Կաղմ. Արրահամյան Հար., Ե., 1941.

86 Турецко-русский словарь, М., 1977, с. 268.

87 Պոռչյան Պ., Երկերի ժողովածու, Ե., 1953, հ. 2, էջ 183—184.

Глава II

- 1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 236.
- 2 Там же, с. 214.
- 3 Монастырские крестьяне составляли небольшую часть и были в основном в пяти селах Эчмиадзинского монастыря (Вагаршапат, Ошакан, Мастара, Егвард, Мугни), в Лори (Санаин, Ахпат, Одзун) и Зангезуре (Татев). Туманян О. Е. Экономическое развитие Армении, ч. I, Ереван, 1954; Համբարձյան Ա. Ս., Արևելյան Հայաստանի գյուղատնտեսության սոցիալական կազմը XIX դ. երկրորդ կեսին, ՊՐՀ, 1984, № 1: ето же, Указ. раб., стр. 19.
- 4 Туманян О. Е. Имеет в виду нынешнюю территорию Армянской ССР. Туманян О. Е. Указ. раб., с. 106—108.
- 5 Сборник статистических данных о землевладениях и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказья, Тифлис, 1899, с. 324.
- 6 Там же, с. 326.
- 7 Егiazаров С. А., Указ. раб., с. 1—7, 28—40.
- 8 Там же, с. 10; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19192, с. 150—172.
- 9 МИЭБГКЗК, т. 2, ч. 2, с. 78—79; Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, Тифлис, 1869, с. 9.
- 10 ПСЗ, собр. II, т. 21, 1846 г., (20672); ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19192; Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 6, с. 219—221.
- 11 ПСЗ, собр. II, т. 42, отд. II, (43678, 45247); Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 39.
- 12 ПСЗ, собр. II, т. 45, 1870 г., (48357); Обзор Эриванской губернии за 1903 г., с. 7.
- 13 ПСЗ, собр. III, т. 32, 1912 г., (38539), см. хронологический указатель; Амбарян А. С. Указ. раб., стр. 171—174.
- 14 ПСЗ, собр. III, т. 20, 1900 г., (18509).
- 15 Там же, и. 2.
- 16 МИЭБГКЗК, тт. 1—6.
- 17 Полевые материалы автора, Аштаракский р-н, 1978, с. 33; Кафанский р-н, с. 26.
- 18 МИЭБГКЗК, т. 6, ч. 2, с. 45.
- 19 Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 145.

- 20 МИЭБГКЗК, т. I, вып. I, Тифлис, 1885, с. 15—16; СМНЭБГКЗК, т. I, Тифлис, 1887, с. 50.
- 21 Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 155.
- 22 МИЭБГКЗК, т. 4, ч. 2, Тифлис, 1886, с. 46—47; *Полевые материалы автора* Гугаркский р-н, 1972, с. 29; Туманянский р-н, 1972, с. 39; Мартуниинский р-н, II, с. 52.
- 23 Егiazарова С. А. Указ. раб., с. 65.
- 24 МИЭБГКЗК, т. I, вып. III, с. 323—324; *Полевые материалы автора*, Мартуниинский р-н, II, с. 52; р-н Кама, IV, с. 20.
- 25 Մարտինյան Ա. Գյուղացիների փոփոխությունը Հայաստանում Տիբլիսի և Արևիկիայի իշխանների հաստատումը (1900—1920), Ե., 1948, էջ 32, АОЭ, № 422 (1/72), էջ 393—395.
- 26 Ազիզյան Ա., Երկիր, էջ 181—182.
- 27 Там же, с. 96—100, 172; МИЭБГКЗК, т. 4, ч. 2, с. 48—49.
- 28 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. I, д. 626, л. 1—2.
- 29 *Полевые материалы автора*, Талинский р-н, 1978, с. 85, 89.
- 30 Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении.—Кавказский этнографический сборник, т. 26, М., 1955, с. 242—244; МИЭБГКЗК, т. 4, ч. 2, с. 52; Т. I, с. 19—20.
- 31 МИЭБГКЗК, т. I, вып. III, с. 825; АКАК, т. 7, Тифлис, 1878, с. 480; Карапетян Э. Т. Родственная группа «азг» у армян, Ереван, 1966, с. 107; *Полевые материалы автора*, Вардениинский р-н, I, с. 9.
- 32 Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 174.
- 33 СМНЭБГКЗК, т. I, 1887, с. 62;
- 34 Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 166.
- 35 Памятная книжка Эриванской губернии, 1904 г., отд. IV, с. 6; МИЭБГКЗК, т. I, вып. I, с. 19—20; т. 3, ч. 1, с. 43, 45, 278; *Полевые материалы автора*, Вардениинский р-н, 1973, I, с. 19; ЦГИА АрмССР, ф. 56, оп. 4, д. 274; ф. 54, оп. 6, д. 388.
- 36 МИЭБГКЗК, т. 4, ч. I, с. 51.
- 37 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. I, д. 731, л. 2—4; ф. 70, оп. I, д. 64, л. 2 и др.
- 38 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. I, д. 510, л. 1—2.
- 39 Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 176.
- 40 ЦГИА АрмССР, ф. 56, оп. 4, д. 274, л. 64; ф. 56, оп. 6, д. 388.
- 41 Там же, ф. 56, оп. 6, д. 76, 114, 388.
- 42 Там же, ф. 7/70, д. 69.
- 43 МИЭБГКЗК, т. I, вып. III, с. 322; т. 3, с. 42; Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 50.

- 44 Аргутинский-Долгоруков А. Район Тифлис-Карс-Эривань железная дорога. Тифлис. 1897, с. 76.
- 45 Об этой системе подробно см. с. 59
- 46 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 51, 55; СМНЭБГКЗК, т. I, с. 17—18.
- 47 МНЭБГКЗК, т. I, вып. III, с. 321.
- 48 Там же, т. I, вып. I, с. 21; Другой исследователь Ерицов А. Д. ошибочно полагает, что «ампа» происходит от древнеармянского слова «ամբարձանիչ»—возвышаться. См. МНЭБГКЗК, т. 2, ч. II, с. 95.
- 49 МНЭБГКЗК, т. 2, вып. I, с. 96.
- 50 СМНЭБГКЗК, т. I, с. 19.
- 51 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 55.
- 52 Пджер (арм.)—означает частница. Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 51;
- 53 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 56—57.
- 54 Там же, с. 60—61.
- 55 АОЭ, № 419 (1/35), с. 2.
- 56 Բղրյան Վ. Երկրագործական մշակույթը Հայաստանում, Ե., 1972, էջ 307—310.
- 57 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 50, 63
- 58 Во время сбора полевых материалов мы натолкнулись на термин «ампа» в следующих значениях: тайфа, азг; главный, старшина в доме, слово которого было законом; даста. В последнем значении термин «ампа» употреблялся только во время распределения воды и сенокоса. Полевые материалы автора, Варденисский р-н, с. 57; Мартунисский р-н, II, с. 43; Аштаракский р-н, 1974, с. 21; Кафанский р-н, с. 11; Բղրյան Վ. Երկրագործական, էջ 308.
- 59 Утрян, Բրիլло, 1905, № 4, էջ 56, Արամյանց Վ. Երկր, հ. 1, Ե., 1978, с. 361, Полевые материалы автора, Гугаркский р-н, с. 9; Варденисский р-н, II, էջ 10, 43; р-н Камо, III, с. 6; Аштаракский р-н, 1974, էջ 7.
- 60 Аргутинский-Долгоруков А. Указ. раб., с. 126.
- 61 МНЭБГКЗК, т. 4, ч. I, с. 52, 112—113; Такая поголовная система распределения пахотных земель была распространена в некоторых сельских общинах Ширвана. См. Раждабов Г. Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане. Автореферат, канд. диссертации Баку, 1966, с. 21.
- 62 МНЭБГКЗК, т. 4, с. 262.
- 63 Там же, с. 52.

- 64 Արիսյան Մ. Գ. *Զանգեզուրի հայերը*, էջ 240; *Лисицкая С. Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении, с. 242—244.
- 65 О таснаках (десятине) как экономической, ирригационной, податной, административной единице подробно см. *Есизаров С. А.* Указ. раб., с. 115—117.
- 66 СМНЭБГКЗК, т. 1, с. 31—33; *Каранетян Э. Т.* Родственная группа «азг» у армян, с. 116.
- 67 Подушную систему можно разделить на две формы; уравнительную по числу душ обоого пола, и по числу наличных душ одного мужского пола. МИЭБГКЗК, т. 3, ч. 1, с. 44, 278; т. 1, с. 322; *Есизаров С. А.* Указ. раб., с. 68; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 29; Варденисский р-н, I, с. 543; Аштаракский р-н, 1974, с. 5.
- 68 МИЭБГКЗК, т. 3, с. 278.
- 69 *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 44; Мартунинский р-н, II, с. 55.
- 70 Там же, с. 45.
- 71 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. III, с. 323—324; *Полевые материалы автора*, Мартунинский р-н, с. 52; Кафанский р-н, с. 7.
- 72 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 548, д. 51.
- 73 *Паназян Вр.* Праведник Егто. Рассказы. М., 1968, с. 285.
- 74 ЦГИА АрмССР, ф. 91, оп. 1, д. 315, л. 3—4.
- 75 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. 3, с. 323—324.
- 76 *Есизаров С. А.* Указ. раб., с. 166—170.
- 77 АОЭ, № 73—78 (24), ч. 2, с. 138.
- 78 Ազիզյան Խ. Գյուղի հողատիրությունը, Ե., 1926, էջ 43—48. *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1978, с. 34, 103; Гугаркский р-н, а. 4.
- 79 *Шопен И.* Указ. раб., с. 888; МИЭБГКЗК, тт. 1—4; *Есизаров С. А.* Указ. раб., с. 168; АОЭ № 74 (24), ч. 2, с. 137.
- 80 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. III, с. 9, 310.
- 81 Վաղանյան Ռ. Հ. *Օրավարը որպես հողի մակերեսի շարի միավոր.* — ՊՐՀ, 1968, № 2.
- 82 МИЭБГКЗК т. 1, вып. 1, с. 20; т. 4, ч. 1, с. 53; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 5, 44; Мартунинский р-н, II, с. 50.
- 83 ЦГИА АрмССР, ф. 56; оп. 6, д. 76.
- 84 Там же, д. 617.
- 85 *Есизаров С. А.* Указ. раб., с. 69.
- 86 Аграрная политика царизма и крестьянское движение в Армении в начале XX в. (Сборник архивных документов). сост.

- В. Рштуни. Е., 1951, с 52—54, ЦГИА АрмССР, ф. 133, д. 2653.
- 87 *Полевые материалы автора*. Туманянский р-н, с. 48; Варденисский р-н, с. 15; р-н Камо, с. 2.
- 88 Там же, Варденисский р-н, I, с. 6,53; II, с. 14.
- 89 АОЭ, № 77 (24), ч. 5, с. 427.
- 90 *Полевые материалы автора*, Мартунинский р-н, II, с. 66; Аштаракский р-н, 1974, с. 9.
- 91 МИЭБГКЗК, т. 3, с. 27—29, 277; т. 4, ч. 1, ч. 38, ч. 2, с. 15—16; ЦГИА АрмССР, ф. 69, оп. 1, д. 312, л. 28—29; д. 323, л. 6—7; д. 381, л. 6; д. 382, л. 3 и т. д.
- 92 АОЭ № 73—78 (24), с. 410; *Полевые материалы автора*, р-н Камо, IV, с. 1, Туманянский р-н, с. 39; Аштаракский р-н, 1974, с. 5; 1978, с. 3.
- 93 СММИЭБГКЗК, т. 2, с. 285; МИЭБГКЗК, т. 2, ч. 2, с. 82—83.
- 94 АОЭ, № 421 (6/58), с. 46—52; № 422 (4/72), с. 26—41.
- 95 Этот случай рассказал нам научный сотрудник отдела этнографии ИАЭ АН АрмССР С. Обосян.
- 96 ЦГИА АрмССР, ф. 65, оп. 1, д. 77.
- 97 *Полевые материалы автора*, Кафанский р-н, с. 8.
- 98 АОЭ, № 419, с. 23.
- 99 Там же, № 357(30), с. 444; ЦГИА АрмССР, д. 28, л. 50; д. 48, л. 92; ф. 70, оп. 1, д. 187, л. 5.
- 100 АОЭ, № 73—78 (24), ч. 2, с. 174.
- 101 МИЭБГКЗК, т. 3, с. 46, т. 4, ч. 1, с. 57; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 5, Аштаракский р-н, 1978, с. 60.
- 102 *Полевые материалы автора*. Кафанский р-н, с. 16.
- 103 Там же, р-н Камо, III, с. 24.
- 104 СММИЭБГКЗК, т. 1, с. 34—35; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 22, 55; р-н Камо, III, с. 41; IV, с. 8.
- 105 Քրիշտի Վ. Նշմ. աշխ., էջ 307—310.
- 106 Подробно о водовладении см. Егiazаров С. А. О водовладении в Закавказском крае, Киев, 1896.
- 107 Шопен И. Указ. раб., с. 414.
- 108 Памятная книжка Эриванской губернии 1902 г., с. 43.
- 109 Свод законов Российской империи, т. 3, СПб., 1857 (641): Егiazаров С. А. О водовладении..., с. 5.
- 110 Там же, т. 10, ч. 1(442), Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 5—6.
- 111 Егiazаров С. А. Указ. раб., с. 6; Шопен И. Указ. раб., с. 942; АОЭ, № 432, с. 116.
- 112 Там же, с. 11.

- 113 *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, 1, с. 22; АОЭ, № 357(30) с. 431—435.
- 114 МИЭБГКЗК, т. 3, с. 31—32, 274; т. 4, ч. 2, с. 362.
- 115 *Егiazаров С. А. О водовладении...*
- 116 МИЭБГКЗК, тт. 1—4.
- 117 Там же, т. 1, с. 546, 666, 667; *Егiazаров С. А. Указ. раб.*, с. 36—38.
- 118 *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1978, с. 2, 6, 76, 77, 100; Кафанский р-н, с. 13; *Егiazаров С. Указ. раб.*
- 119 МИЭБГКЗК, т. 1, с. 547, 666; т. 3, ч. 1, с. 32, 34; *Егiazаров С. А. Указ. раб.*, с. 38.
- 120 Там же, т. 3, ч. 1, с. 32; *Егiazаров С. А. Указ. раб.*, с. 44; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, 1, с. 22, 46, 57; р-н Камо, III, с. 21.
- 121 ЦГИА АрмССР, ф. 65, оп. 1, д. 376; ф. 56, оп. 6, д. 108;
- 122 *Աղբյուրի Ա. Երկրի ժողովուրդը, հ. 1, Կ., 1950, էջ 19—20*; Об А. Адиляне подробно смотри АОЭ, № 432, с. 79.
- 123 АОЭ, № 422(4/72), с. 412.
- 124 ЦГИА АрмССР, ф. 65, оп. 1, д. 376.
- 125 Свод законов Российской империи, т. 8, ч. 1, с. 30.
- 126 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 360, л. 36, 71.
- 127 *Авалшани С.* Очерки по крестьянскому вопросу в Закавказье, Одесса, 1913, с. 33; МИЭБГКЗК, т. 1, с. 24, 32, 335, 681; т. 3, ч. 1, с. 81—84, 307; т. 4, ч. 1, с. 134; Встречалась аренда на 3,6 и 9 лет. МИЭБГКЗК, т. 3, ч. 1, с. 83, № 17 (в таблице); т. 6, ч. 2, с. 122.
- 128 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. III, с. 333; ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 4126, л. 14—15.
- 129 *Авалшани С. Л.* Крестьянский вопрос в Закавказье, т. 5, (дополнительный), Тбилиси, 1986, с. 49.
- 130 Сельскохозяйственный обзор по Закавказью за 1909, 1911, 1912 и 1913 гг.
- 131 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. III, с. 331, т. 4, вып. II, с. 50; См. также *Аргутинский-Долгоруков А.* Указ. раб., с. 68—69.
- 132 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. II, с. 32.
- 133 Там же, т. 1, вып. I, с. 33.
- 134 *Մտրճ, 1904, № 12.*
- 135 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. III, с. 331; т. 4, вып. II, с. 50; подробно см. *Մկրտումյան Յ. Ս.* Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX—начало XX вв.).—Армянская этнография и фольклор, вып. 6, Е., 1974, с. 71; *Полевые материалы автора*, Мартун. р-н, II, с. 45, 53.

- 136 Аграрная политика царизма... с. 154.
- 137 *Արտյունյան Յ. Ի.* Указ. раб., с. 75, 77, 81.
- 138 МИЭБГКЗК, т. I, вып. III, с. 334.
- 139 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. I, д. 674, л. 75.
- 140 Հովհաննիսյան Օ. Մ. Ագրարային հարցը Երևանի նախկին նահանգում, 19 դ. վերջին 20 դ. սկզբին, Երևան, 1949, էջ 14—15:
- 141 СММИЭБГКЗК, т. I, с. 53.
- 142 *Մշակ*, 1910, № 148. По описанию очевидца, «...земли было мало, чересчур мало.., имеющаяся земля была истощенной, так же как ее хозяин, как вся армянская деревня».
- 143 *Полевые материалы автора*, Мартунинский р-н, II, с. 44; р-н Камо, III, с. 4, 33; IV, с. 2, 12; Аштараковский р-н, 1974, с. 19.
- 144 *Егнязаров С. А.* Сельская община, с. 156, МИЭБГКЗК, т. 3, ч. I, с. 280.
- 145 МИЭБГКЗК, т. 4, ч. 2, с. 112.
- 146 *Адоиц М. А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в., с. 341.
- 147 АОЭ, № 357(30), с. 380; ЦГИА Арм. ССР, ф. 227, оп. I, д. 516, л. 44.
- 148 АОЭ, № 76(24), ч. 4, с. 380.
- 149 Համբարձյան Ա. Ս.. Հայաստանի սոցիալ-տնտեսական հարաբերությունների համառոտ պատմություն, Ե., 1983, էջ 69:
- 150 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 165, 170.
- 151 Там же, с. 164—165.
- 152 *Амбарян А. С.* Указ. раб., стр. 157—158. 171.

Глава III

- 1 *Егнязаров С. А.* Сельская община, с. 90.
- 2 ПСЗ, собр. 2, т. 41(43678); т. 42(45247).
- 3 *Полевые материалы автора*, р-н Камо, III, с. 12, 24.
- 4 Там же, Варденисский р-н, II, с. 12.
- 5 Там же, Туманянский р-н, с. 46. В толковом словаре Ст. Малхасяна «смарага энкел» означает «стать человеком» (мард дарнал). См. Մալխասյանից Ստ. Հայերեն բացատրական բառարան, Ե., 1954, հ. 3. Անտոյանի Հր. Հայերեն արմատական բառարան, Ե., 1977, հ. 4, էջ 273.
- 6 Там же, Варденисский р-н, I, с. 67.
- 7 Там же, Гугаркский р-н, с. 23, Аштараковский р-н, 1978, с. 1; 43—45; АОЭ, № 45, ч. 3, с. 1—2; Պոպոյան Պ. Երկերի ժողովածու, Ե., 1953, հ. 2, էջ 231:
- 8 ԱԶ, գ. III, Թիֆլիս, 1898, էջ 224: *Полевые материалы автора*, Кафанский р-он, с. 65, 94.
- 9 АОЭ, № 361, ч. 5, с. 403—404.

- 10 ПСЗ, собр. 2, т. 41 (43678), п. 7; СМІЭБГКЗК, т. I, с. 11—12; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 13.
- 11 *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1978, с. 38.
- 12 ПСЗ, собр. 2, т. 41 (43678); *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 13, 22, 29.
- 13 Там же; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 65—66; II с. 9; Туманянский р-н, с. 53.
- 14 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 7,
- 15 ЦГИА АрмССР, ф. 227, оп. 1, з. 506, л. 1—3.
- 16 *Полевые материалы автора*, Кафанский р-н, с. 25, 54, 65
- 17 СМІЭБГКЗК, т. 2, вып. III, с. 90.
- 18 *Полевые материалы автора*, Мартунинский р-н, II, с. 61—67.
- 19 Подробно о гердастане см.: *Карапетян Э. Т.* Армянская семейная община, Ереван, 1958.
- 20 *Полевые материалы автора*, Мартунинский р-н, II, с. 29—31.
- 21 СМІЭБГКЗК, т. I, с. 19.
- 22 АОЭ, № 423, с. 65; № 449 (1/35), с. 3.
- 23 Там же, № 24(75), ч. 3, с. 252—254.
- 24 *История*, 1905, № 2—3, л. 71; *Полевые материалы автора*, р-н Камо, III, с. 16.
- 25 *Карапетян Э. Т.* Родственная группа «азг» у армян, с. 136.
- 26 *Полевые материалы автора* р-н Камо, III, с. 5.
- 27 Там же, Аштаракский р-н, 1978, с. 5.
- 28 Там же, с. 35, 39—40, 63—67.
- 29 Там же, р-н Камо, III, с. 6, 16 .
- 30 Там же, Аштаракский р-н, 1978, с. 2—3, 18, 35; Таликский р-н, с. 91; Кафанский р-н, с. 11, 60.
- 31 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 11.
- 32 Со временем начала складываться своеобразная терминология общинного управления в повседневной речи у крестьян, которая заимствовалась из русского языка как следствие престижности административного аппарата. Так, вместо «мирских приговоров»—«пригор» (*չընրդոր*), поверенных—«паворни» (*պարնի*) и т. д.
- 33 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 731, л. 2, 4.
- 34 ЦГИА АрмССР, ф. 70, д. 64, л. 2.
- 35 Там же, ф. 70, оп. 1, д. 548, л. 51.
- 36 Там же, ф. 91, оп. 1, д. 315, л. 3—4.
- 37 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 16; ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 187, л. 79; ф. 102, д. 484, л. 1, 2 и т. д.; АОЭ, № 30, с. 97—98; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 5; II, с. 8.

- 38 ЦГИА АрмССР, ф. 102, д. 484, л. 1, 2.
- 39 АОЭ, № 358, ч. 2, с. 98.
- 40 Там же, с. 97—98.
- 41 В Грузии в XIX в. также зафиксированы случаи, когда общинный сход принимал решения об изоляции семей и даже целых фамилий. См.: Харидзе Р. Л. Характер сельской общины грузин-горцев по этнографическим материалам, VII МКАЭН, М., 1964, с. 6.
- 42 ЦГИА АрмССР, ф. 102, д. 305, л. 2—4; д. 304, л. 2.
- 43 Там же, ф. 102, д. 305, л. 2—4.
- 44 ПСЗ, собр. 2, т. 36, отд. 1, СПб. 1863, (36657), Гл. 5; Об увольнении крестьян из сельских обществ и приписке к обществам см. Там же, п. 130, 132.
- 45 В д. Лали (Иджеванский р-н) одно поколение переселенцев считалось «чужаком». Աղաղալան Լ, Երկեր, էջ 182.
- 46 Эти факты переплетаются с рукописными материалами, относящимися к XVI—XVII вв. Փափաղալան Է., Պե՛տական և արքունական հոդվերն ու նրանց կիսմուսները տնօրինման կարգը Արևելյան Հայաստանում XVI—XVII դդ.: Բանբեր Երևանի Համալսարանի, 1967, №2, էջ. 103.
- 47 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 11, прим., 8; Егиазаров С. Указ. раб., с. 304; МИЭБГКЗК, т. 1, вып. 1, с. 56—57;
- 48 Подробно о системе обложения смотри: Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 286—336
- 49 МИЭБГКЗК, т. 3, с. 338, т. 4, ч. 1, с. 108—109.
- 50 ЦГИА АрмССР, ф. 102, д. 519, л. 1—2; д. 5, л. 7; д. 24, л. 5, 12, 14; ф. 70, оп. 1, д. 644, л. 42; Полевые материалы автора, р-н Камо, III, с. 28.
- 51 ПСЗ, т. 41, (43678), п. 75, прим. 3; АОЭ, № 30, с. 405; Полевые материалы автора, Туманянский р-н, с. 54.
- 52 Полевые материалы автора, Гугаркский р-н, с. 28 Туманянский р-н, с. 54, Мартунинский р-н, II, с. 2—28, 57.
- 53 Там же, Варденисский р-н, I, с. 60, II с. 10, Мартунинский р-н, с. 57.
- 54 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. 1, с. 56—57; т. 1, вып. 3, Тифлис, 1885, с. 348; Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 302; АОЭ, № 27, с. 27—28; Полевые материалы автора, Мартунинский р-н, II, с. 62—63.
- 55 МИЭБГКЗК, т. 1, вып. 1, с. 58 ЦГИА Арм. ССР, ф. 70, оп. 1, д. 644, л. 6.
- 56 Там же, т. 3, с. 117—118, Полевые материалы автора, Туманянский р-н, с. 50.

- 57 Полевые материалы автора, Туманянский р-н с. 50; р-н Камо, III, с. 35.
- 58 АОЭ, № 27, с. 28; Полевые материалы автора, Варденисский р-н, I, с. 23, 55.
- 59 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 585, л. 4; Там же, д. 48, л. 37, 39.
- 60 Там же, ф. 70, оп. 1, д. 348, л. 37.
- 61 Сборник сведений о Кавказе, т. 7, Тифлис, 1880, с. 249.
- 62 Տեղ-Հովհաննիսյանց Գ. Տեր-Սարգիս, Ե., 1938, էջ 63—66, Մուրադյան, Ընտիր Երկեր, Ե., 1936, հ. 1, էջ 161.
- 63 Полевые материалы автора, Гугаркский р-н, с. 19, Туманянский р-н, с. 46.
- 64 Кавказский календарь на 1877 г., Тифлис, 1876, ч. II, отд. II с. 15—16. Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. III, СПб, 1836, с. 311; Памятная книжка Эриванской губернии за 1892 г., Эривань, 1892, с. 129.
- Один из исследователей, Р. Данилович, подчеркивает, что в конце 80—90-х гг. XIX в. в Эриванской губернии имелись три казенных, 50 церковно-приходских и 20 общественных школ. См. Данилович Р. Аракская равнина, Тифлис, 1897, с. 628. Таким образом, мы видим, что общественные школы количеством уступают только церковно-приходским школам.
- 65 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 35, л. 6. Имеется интересный документ, свидетельствующий о создании общественной библиотеки «Апараж» усилиями молодежи с. Гюлагарак (Степанаванский р-н). ЦГИА АрмССР, ф. 227, д. 508, л. 97; Полевые материалы автора, Варденисский р-н, II, с. 8.
- 66 Աղիյան Ա., Երկերի ժողովածու, էջ 37—38.
- 67 Պողոչյան Պ., Երկերի ժողովածու, հ. 3, էջ 12—30, Մուրադյան, Ընտիր Երկեր, հ. 1, էջ 161—164.
- 68 ПСЗ, т. 41, (43678), п. 13, 14, 16; ЦГИА АрмССР, ф. 91, оп. 1, д. 315, л. 3—4.
- 69 ПСЗ, т. 41, (43678) п. 17.
- 70 Там же, п. 20.
- 71 Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Указ. раб., էջ 95.
- 72 Փափստոս Բուզանդ, Պատմութիւն, Վենետիկ, 1889, էջ 67.
- 73 Կանոնագիրք Հայոց, աշխ. Վ. Ա. Հակոբյանի. Ե., 1971, հ. 2, էջ 16—96.
- 74 Մխիթար Գոշ, Դատաստանագիրք, էջ 209.
- 75 Խաչիկյան Լ. Ս., Եջվ. աշխ., էջ 113.
- 76 СМИАЭБГКЗК, т. 1, с. 3; Լիսիցյան Ա. Գ., Զանգեզուրի հայերը.

- էջ 228; *его же*, Очерки этнографии дореволюционной Армении, с. 242—243; *Петрушевский И. П.* Указ. раб., с. 245—246;
- 77 АКАК, т. 8, Тифлис, 1881, с. 506.
- 78 *Гакстгаузен А.*, Указ. раб., с. 179—181, 209.
- 79 Միսրյան Ս. Գ. *Զանգեզուրի հայերը, Ե.*, 1969, էջ 233.
- 80 ПСЗ, т. 41 (43679); т. 42 (45247); *Полевые материалы автора*, Мартушский р-н, II, с. 45; Кафанский р-н, с. 9, 17.
- 81 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 9, л. 58.
- 82 *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 27—28, Туманянский р-н, 38—39; р-н Камо, III, с. 38.
- 83 АОЭ, № 30, с. 406; ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 707, л. 3.
- 84 *Полевые материалы автора*, Мартушский р-н, II, с. 44, 66.
- 85 ПСЗ, т. 41, (43678) п. 58; АОЭ, № 30, с. 404; *Полевые материалы автора*, Талинский р-н, с. 113—114.
- 86 *Полевые материалы автора*, Кафанский р-н, с. 9, 93.
- 87 АОЭ, № 30, с. 404; ЦГИА Арм ССР, ф. 70, оп. 1, д. 9, с. 2; *Полевые материалы*, Туманянский р-н, с. 8, 63—64; Аштаракский р-н, 1978, с. 17, 37, 39; Кафанский р-н, с. 17
- 88 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 9, л. 16.
- 89 Там же, ф. 70, оп. 1, д. 660, л. 15.
- 90 Там же, ф. 113, оп. 1, д. 571, л. 1—2; д. 582, л. 1—2; Պարսյանի Պ., *Երկերի ժողովածու, Ե. 1, էջ 180; Ե. 2, էջ 111—120.*
- 91 ЦГИА АрмССР, ф. 113, оп. 1., д. 557, л. 1, 2, 3.
- 92 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 25, прим. 4; ЦГИА АрмССР, ф. 227, оп. 1, д. 506, л. 24—29.
- 93 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 25.
- 94 Там же, п. 17.
- 95 Там же, п. 13, 27; Положение о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. 1, Тифлис, 1886, п. 63.
- 96 Там же,
- 97 ПСЗ, т. 41, (43678), п. 66—67; *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Район Тифлис-Карс-Эривань железная дорога, с. 180. Один из исследователей Закавказского края А. Гакстгаузен свидетельствует, что в некоторых селах Армении староста получал незначительное денежное жалованье. См. *Гакстгаузен А.* Указ. раб., с. 185—186. Интересное правило мы находим в средневековых (XII—XIII вв.) судебниках Мхитара Гоша и Смбага Спарапета; староста за свои обязанности получал «большой участок наделной земли, чем остальные общинники» («маси авелк»). См. Մխիթար Գոշ, *Դատաստանագիրք, էջ 415.* Սմբատ Սարապետ, *Դատաստանագիրք, 42, 170 (822), էջ 151.*

- 98 *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 66; II, с. 9—10.
- 99 *Егназаров С. А.* Указ. раб., с. 333. Արիսյանի Ա. Գ. *Չանդեղորի հայերը*, էջ 235: *его же*, Очерки по этнографии дореволюционной Армении, с. 235; *его же*. Очерки по этнографии дореволюционной Армении, с. 244—245; АОЭ, № 30, с. 404; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 66; II, с. 46.
- 100 *Полевые материалы автора*, Талинский р-н, с. 89.
- 101 Արիսյան Ա. Գ., *Չանդեղորի հայերը*, էջ 64, Արիսյան Ե., *Մասկան Կարգերը հայոց մեջ ըստ Այննեբրի, Քիֆլիս, 1913, էջ 51, 56—57*.
- 102 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 30; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 23.
- 103 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 634, л. 1; Там же, ф. 70, д. 28, л. 56.
- 104 *Полевые материалы автора*, р-н Камо, III, с. 28—29.
- 105 Памятная книжка Эриванской губернии на 1904 г., Эривань, с. 9; *Մշակ, 1876, № 5*.
- 106 ЦГИА АрмССР, ф. 227, оп. 1, д. 506, л. 50.
- 107 Там же, ф. 69, оп. 1, д. 21, л. 2, 4, 45.
- 108 Там же, ф. 70, оп. 1, д. 47, л. 157.
- 109 ЦГИА АрмССР, ф. 102, л. 356, л. 1—2; ф. 70, оп. 1, д. 47, л. 108, 117, 150.
- 110 ЦГИА АрмССР, ф. 102, оп. 1, д. 346, л. 10, 11.
- 111 ЦГИА АрмССР, ф. 102, оп. 1, д. 159, л. 2, 4—5.
- 112 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 644, л. 14.
- 113 ПСЗ, т. 41, (43678), п. 64; ЦГИА АрмССР, ф. 102, д. 159, л. 2; ф. 70, оп. 1, д. 28, л. 27.
- 114 ЦГИА АрмССР, ф. 70, л. 554, л. 7; д. 527, л. 66.
- 115 ПСЗ, т. 41 (43678), п. 26; т. 42 (45247).
- 116 *Полевые материалы автора*, Мартунинский р-н, II, с. 21, 32.
- 117 Там же, Аштаракский р-н, 1978, с. 68—69; Кафанский р-н, с. 10; О выборах священника крестьянами рассказывается у А. Чухуряна. Արիսյանի Ա., *Մասկանի աշխարհ, Ե., 1968, с. 207—220*.
- 118 ЦГИА АрмССР, ф. 65, оп. 1, д. 524.
- 119 О существовании такого древнего института у армян свидетельствует наличие термина «церакуйт» (совет старейшин) См.: *Еремян С. Т.* Основные черты общественного строя в Армении в эллинистическую эпоху — *Տեղեկագիր ՀՍՍՀՊ, 1918, № 11*.
- 120 Турецко-русский словарь, М., 1977, с. 40; *Նոր բառերը հայ-*

- Կարգեալ լեզվի, Ե., 1979, հ. 1 էջ 13; *Даль В.* Толковый словарь, т. 1, с. 8.
- 121 *Полевые материалы автора*, Кафанский р-н, с. 44, 65, 94—96.
- 122 Փոքրյան Պ., *Եջի. աշխ.*, հ. 1, էջ 114.
- 123 Վարդանյան Գ. Ս., Շահապետյան է. Տ., *Եջի. աշխ.*, էջ 38, *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-он, с. 19; Мартунинский р-он, II, с. 21.
- 124 Детальный анализ этого института см. *Варданян Л. М.* Традиции мужских возрастных групп у армян (конец XIX—начало XX в.)—Армянская этнография и фольклор, вып. 12. Ереван, 1981, էջ 139.
- 125 ПСЗ, т. 41, (43678), п. 32—45.
- 126 Там же; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 12—13, 23.
- 127 ПСЗ, т. 41, (43678), п. 45.
- 128 Положение о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. 1, 1886. п. 121; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, II, с. 9.
- 129 ПСЗ, т. 41, (43678), п. 40.
- 130 АОЭ, № 361 (30), ч. 5, с. 432; № 24 (77), с. 467—468.
- 131 Там же, № 361 (30), с. 423—425.
- 132 ЦГИА АрмССР, ф. 65, оп. 1, д. 282.
- 133 АОЭ, № 361 (30), с. 430—431.
- 134 Ազախյան Ա., *Երկիր*, էջ 354.
- 135 АОЭ, № 21, с. 82; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, II, с. 8.
- 136 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 685, л. 19, 45—46.
- 137 АОЭ, № 361, ч. 5, с. 425, 430.
- 138 *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1978. с. 18; АОЭ, № 27, с. 262.
- 139 ЦГИА АрмССР, ф. 70, оп. 1, д. 187, л. 5
- 140 АОЭ, № 73—78 (24), ч. 3, с. 241.
- 141 Там же, № 361, ч. 5, с. 428.
- 142 ЦГИА АрмССР, ф. 80, оп. 1, д. 6, л. 9, 16.
- 143 ԱԸ, գ. XXI, *Քրիստոս*, 1912, էջ 188, *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 7, 30—31; Туманянский р-н, 48—49; Варденисский р-н, 1, с. 12—13; р-н Камо, с. 19, 33.
- 144 Շահապետյան Ե., *Ստանկեր տպագրութիւններ*, Ե., 1962, էջ 74—75.
- 145 *Полевые материалы автора*, Туманянский р-н, с. 48; Аштаракский р-н, 1978; Кафанский р-н, с. 46, 95.
- 146 АОЭ, № 361, ч. 5, с. 325; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 24.

- 147 Там же, с. 428; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 30—31.
- 148 Там же, с. 425.
- 149 Там же.
- 150 ЦГИА АрмССР, ф. 227, оп. 1, ч. 1 д. 628, л. 7.
- 151 Сборник сведений о Кавказе, т. 7, с. 244.
- 152 ԱՀ, գ. X, Քիֆիւ, 1903, էջ 134, Քաֆի, Երկերի յոդագածու, հ. 9, էջ 405.
- 153 ЦГИА АрмССР, ф. 65, оп. 1, д. 327
- 154 АОЭ, № 361, с. 338—339.
- 155 АОЭ, № 145 (149), ч. 4, с. 14; *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1978, с. 80; Кафанский р-н, с. 46; Քաֆանի շրջանի Երկեր, 1938, էջ 401.
- 156 ԱՀ, գ. X, с. 17; АОЭ, № 75(24), ч. 3, с. 276; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, 1, с. 65.

Глава IV

- 1 СМИБГКЗК, т. 1, Тифлис, 1887, с. 33.
- 2 Армянские пословицы и поговорки, сост. Г. О. Карапетян, М., 1973, №№ 209, 465, 714, 715, 764; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, 1, с. 25.
- 3 *Полевые материалы автора*, Туманянский р-н, с. 40, 44; Варденисский р-н, 1, с. 24, 59; II, с. 15; Аштаракский р-н, 1978, с. 55; АОЭ, № 361, ч. 5, с. 391.
- 4 Там же, р-н Камо, III, с. 12; Аштаракский р-н, 1978, с. 50—51, 83; Քաֆանի Պ, Երկերի յոդագածու հ. 1, էջ 169.
- 5 АОЭ, № 422 (4/72), с. 24.
- 6 *Полевые материалы автора*, Таллинский р-н, с. 113; Кафанский р-н, с. 41.
- 7 Этот круг общинников включал и родственников и соседей. См.: *Полевые материалы автора* Варденисский р-н, 1, с. 14, 25; II, с. 15; Аштаракский р-н, 1974, с. 15; Кафанский р-н, с. 18.
- 8 Там же; Варденисский, р-н, II, с. 11; Аштаракский р-н, 1978, с. 58; Кафанский р-н, с. 99; АОЭ, № 422 (4/72), с. 267; № 361, ч. 5, с. 392.
- 9 Там же, Варденисский р-н, 1, с. 58; Аштаракский р-н, 1978, с. 10, 58.
- 10 АОЭ, № 361, с. 370—372; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 11; Туманянский р-н, с. 44.

- 11 МИЭБГКЗК. т. 4. ч. 1, с. 48—49; Полевые материалы автора, Варденисский р-н, 1, с. 6.
- 12 Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան, հ. 2, Ե 1972, էջ 59; Полевые материалы автора, Мартуинский р-н. II с 58; р-н Камо, III, с. 34.
- 13 Պոռչյան Պ., Երկերի ժողովածու, հ. 1, էջ 81, 209; АОЭ, № 421 (6/58), с. 23; № 45 (149), ч. 1, с. 46.
- 14 Պոռչյան Պ., Եզվ. աշխ., հ. 3, էջ 122.
- 15 Полевые материалы автора, Аштаракский р-н, 1978, с. 56.
- 16 ԱԸ, գ. III, էջ 30, Վանցյան Գ., Եյուրեր հայկական գյուղական համայնքի աստվածաբանության, Մուրճ, 1896, № 1. АОЭ. № 30, էջ 290; Полевые материалы автора, Туманянский р-н, с 40; Варденисский р-н, I, с. 23, 60; т. II, с. 15.
- 17 АОЭ, № 29, с. 125—126; Վանցյան Գ., Եզվ. հոդվ., էջ 90—91.
- 18 ԱԸ, գ. III, էջ 29.
- 19 АОЭ, № 432, с. 122—124.
- 20 Там же, с. 124—125.
- 21 Վանցյան Գ., Եզվ. հոդվ., էջ 91—94.
- 22 Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении, с. 190.
- 23 Полевые материалы автора, Варденисский р-н. I, с. 24, 60; Վանցյան Գ., Եզվ. հոդվ., էջ 92—93.
- 24 Там же. Варденисский р-н, I, с. 60; Мартуинский р-н, II, с. 27, 57; Кафанский р-н, с. 42.
- 25 В рукописных источниках XII в. упоминаются хозяйственные товарищества. См.: Մխրթար Գոշի հայկական դատաստանագրերը. Խմբ. Բաստամյան Վ., Վաղարշապատ, 1880, էջ 432—433.
- 26 Խաչիկյան Լ. Ս., Եզվ. հոդվ. ՊԲԸ, 1958, № 1.
- 27 Աճառյան Հր., Հայերեն արձատական բառարան, Ե., 1926—36, հ. Գ, էջ 173—174.
- 28 Մալխոսյանց Ս., Հայերեն բացատրական բառարան, հ. 3, էջ 12.
- 29 СМЭБГКЗК, т. 1, с. 53; Բդոյան Վ., Եզվ. աշխ., էջ 310.
- 30 Егиазаров С. А. Сельская община, с. 62—63. Полевые материалы автора, Кафанский р-н, с. 19, 40, 62.
- 31 Шопен И. Указ. раб., с. 738.
- 32 АОЭ, № 30, с. 166; Полевые материалы автора, Туманянский р-н, с. 54; Варденисский р-н, I, с. 14, 52; Аштаракский р-н, 1974, с. 1, 14.
- 33 СМЭБГКЗК. т. 1, с. 53; Карапетян Э. Т. Родственная группа «азг»..., с 123.
- 34 Полевые материалы автора, Гугаркский р-н, с. 21; Варденисский р-н, I, с. 14; Мартуинский р-н, II, с. 58; В некоторых

- местах поля хозяина одной пары быков пахались на протяжении одного дня, владельца двух пар быков—2 дня и т. д.; Վանքյանի Գ., *Երկ. հոդվ.*, էջ 99.
- 35 *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 21; Аштаракский р-н, 1978, с. 55.
- 36 См. выше. с. 65
- 37 *Карпетян Э. Т.* Указ. раб., с. 130—131.
- 38 Там же. с. 132—133.
- 39 *Мкртумян Ю. И.* Указ. раб., с. 64—80.
- 40 Там же. с. 65.
- 41 Там же.
- 42 Там же, с. 69.
- 43 Անանյան Հր., *Երկ. աշխ.*, հ. 2, էջ 309; *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1974, с. 24.
- 44 О товариществе «хабкис» подробно см.: Վանքյանի Գ., *Երկ. հոդ.*, с. 100—105; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н. I, с. 59; II, с. 18; Мартунииский р-н, с. 58; р-н Камо, III, с. 25; АОЭ № 45(149), ч. 1, с. 86; *Давыдов А. Д.* Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока, М., 1979, с. 93.
- 45 АОЭ, № 432, с. 12—13.
- 46 Արիսյան Ս. Գ., *Չանկեղոսի հայերը*, էջ 142; его же, *Очерки этнографии дореволюционной Армении*, с. 187; АОЭ, № 24, с. 230—232.
- 47 АОЭ, № 359 (30), ч. 3, с. 221—222, 230.
- 48 *Полевые материалы автора*. Варденисский р-н, I, с. 11; Мартунииский р-н, III, с. 21, р-н Камо, IV, с. 4; Аштаракский р-н, 1974, с. 12—13.
- 49 Վաղդուշյան Գ. Ս., Վաղապետյան Է. Տ., *Երկ. աշխ.*, էջ 96.
- 50 АОЭ, № 422 (4/72), с. 19; *Полевые материалы автора*, Кафанский р-н, с. 45.
- 51 ԱՀ, Կ., XII, XIII, Тифлис, 1901, с. 150; Արիսյան Ս. Գ., *Երկ. աշխ.*, с. 190; его же, Указ. раб., с. 237; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, с. 27; Аштаракский р-н, 1974, с. 24.
- 52 *Лисицян С. Д.* Указ. раб., с. 237.
- 53 *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н. I, с. 70.
- 54 АОЭ, № 432, с. 28, 33.
- 55 *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, II, с. 1—3.
- 56 Վաղդուշյան Գ. Ս., Վաղապետյան Է. Տ., *Երկ. աշխ.*, էջ 99:
- 57 ԱՀ, Կ, XIII, Թիֆլիս, 1906, էջ 142:
- 58 Там же.
- 59 Там же.

- 60 *Полевые материалы автора*, Кафанский р-н, с. 95.
- 61 Հիւրըյան Ս. Գ., նշվ. աշխ., էջ 186; АОЭ, № 432, с. 29.
- 62 ԱՀ, գ, III, с. 217.
- 63 Там же, с. 216—217; *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н. 1974, с. 7, 16; Кафанский р-н, с. 48.
- 64 *Лисициан С. Д.* Указ. раб., с. 237; *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1974, с. 7, 15.
- 65 Там же.
- 66 ԱՀ, գ, VII, VIII էջ 151.
- 67 Там же, с. 156.
- 68 ԱՀ, գ, IV, Թիֆլիս, 1898, с. 73.
- 69 ԱՀ, գ, IX, Թիֆլիս, էջ 225.
- 70 Там же: с. 234; գր, VII, VIII, с. 189; *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1974, с. 17; АОЭ, № 45(149), ч. 4, с. 30.
- 71 ԱՀ, գ III, с. 218; Памятная книжка Эриванской губернии на 1910 г., с. 176; *Полезные материалы автора*, Варденисский р-н, II, с. 16, Кафанский р-н, с. 49.
- 72 *Полевые материалы автора*, р-н Камо, III, с. 20; Аштаракский р-н, 1974, с. 4; 1978, с. 20, 24; Таллинский р-н, с. 119; Кафанский р-н, с. 11, 21.
- 73 Этнографическое обозрение. М., 1901, с. 123—124.
- 74 ԱՀ, գ, VII, VIII. էջ 196; *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, II, с. 16.
- 75 Հիւրըյան Ս. Գ., նշվ. աշխ., էջ 203; ԱՀ, գ, IV, էջ 87.
- 76 ԱՀ, գ, IX, էջ 250.
- 77 ԱՀ, գ, XVI, Թիֆլիս, 1907, с. 31; *Полевые материалы автора*, Мартунинский р-н, II, с. 22; Аштаракский р-н, 1974, с. 24.
- 78 Անտրյան Հր., նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 668; *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 5.
- 79 ԱՀ, գ, IX, էջ 258, Հիւրըյան Ս. Գ., նշվ. աշխ., էջ 225, Սրվաճապետյան Գ., նրկեր, հ. 1, Ե., 1978, էջ 580.
- 80 Հիւրըյան Ս. Գ., նշվ. աշխ., էջ 225; *Полевые материалы автора*, Туманянский р-н, с. 47; Мартунинский р-н, II, с. 21—22.
- 81 *Харадзе Р. Л.* Указ. раб., с. 3.
- 82 *Полевые материалы автора*, Варденисский р-н, I, с. 37; Мартунинский р-н, II, с. 27; Кафанский р-н, с. 10, 20.
- 83 АОЭ, № 45(149), с. 15.
- 84 Там же; *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1974, с. 5; Таллинский р-н, с. 119.
- 85 СМОМПК, вып. XVII, отд. 2, с. 201; *Полевые материалы ав-*

- тора, Варденисский р-н, II, с. 19; Мартунинский р-н, с. 28, 49; р-н Камо, III, с. 21; Аштаракский р-н, 1974, с. 5.
- 86 Одабашиян А. А. Праздник нового года (аманор) в земледельческом календаре армян. Автореферат канд. дис. Е., 1967, с. 15—17; См.: также: Магомедов А. Х. Сельская община у осетин.— Ученые записки, Северо-Осетинский государственный пединститут, Орджоникидзе, 1968, т. 28, вып. II, с. 340; Харатян З. В. Культурные мотивы семейных обычаев и обрядов у армян (рукопись).
- 87 Абраамян Л. А. Первобытный праздник и мифология, Е., 1983, с. 68.
- 88 Даль В. Пословицы русского народа СПб., М., 1904. (на титульном листе—1914 г.) г. II, с. 247.
- 89 Օղարշշյան Ա. Ա., Ամանորի ծրարական երգերից.—Տեղեկագիր 2002 ՔԱ, Ե., 1974, № 4, էջ 47. Об этом празднике подробно см. նույնի, Ամանորը հայ ժողովրդական տոնացույցում.—Армянская этнография и фольклор, вып. 9, Е., 1978; АОЭ, № 78 (24), ч. 6, с. 527.
- 90 АОЭ, № 422 (4/72), с. 360, 372—373.
- 91 Этот праздник в разных местах назывался по-разному: тер-эндез, дерондж-дорондж, дэрдаранч и т. д. Բղոյան, Վ. Նշվ. աշխ., էջ 445; АОЭ, № 78 (24), ч. 6, с. 534.
- 92 Բղոյան Վ., Նշվ., աշխ., էջ 445.
- 93 Նույն տեղում, Սրվանձոյանց Գ., Նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 160, Բիսիցյան Ս. Գ. Զանգեզուրի հայերը, էջ 262.
- 94 АОЭ, № 422 (4/72), с. 467 .
- 95 Անտոյան Հր. Նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 1003—1007.
- 96 Абовян Х. Раны Армении. Пер. С. Шервинского. Ереван-Москва, 1948, с. 81—82.
- 97 СМОМПК, вып. XXV, огл. II, с. 46; Полевые материалы автора, Кафанский р-н, с. 77.
- 98 Описание и анализ ряда армянских народных игр, см. В. Бдоян, «Հայկական ժողովրդական խաղեր» и Срб. Лисицян, «Старинные пляски и театральные представления армянского народа», т. I, Ереван, 1958; АОЭ, № 45 (149), ч. 5, с. 85—86.
- 99 Одабашиян А. А. Праздник Нового года (Аманор) в земледельческом календаре армян. Автореф. канд. диссертация, 1967, с. 7—8; АОЭ, № 21, ч. II, с. 27—28.
- 100 Подробное описание такой трапезы дано П. Прошяном. Չոպշյան Չ., Նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 341, 345.
- 101 Բղոյան Վ., Նշվ. աշխ., էջ 465; АОЭ, № 426, с. 26 .
- 102 Полевые материалы автора, Кафанский р-н, с. 50.

- 103 Պոռշլան Պ., Նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 20, 38—39, Լիսիցյան Ս. Գ., Զանգեզուրի հայերը, էջ 270—271; АОЭ, № 78 (24), ч. 6. с. 535—536.
- 104 АОЭ, № 45(149), ч. 5, с. 89.
- 105 Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 474.
- 106 Полевые материалы автора. Гугаркский р-н, с. 3; Варденисский р-н, II, с. 17; Аштаракский р-н, 1974, с. 1, 11; 1978, с. 57; Матах ели без соли и вина, без ложек. АОЭ № 30, с. 454—455.
- 107 АОЭ № 30, с. 290.
- 108 АОЭ, № 11, с. 10; Полевые материалы автора, Варденисский р-н, I, с. 36; Мартунинский р-н, II, с. 25—26; р-н Камо, III, с. 20; IV, с. 5. В Ошакаве хозяйки должны были испечь вначале 7 лавашей и раздать, лишь потом впустить в употребление. Полевые материалы автора, Аштаракский р-н, 1974, с. 10; 1978, с. 57.
- 109 «Ахар»—общий матах, раздававшийся всему народу на пасху в воскресный день. Сумма, собранная с общинников для матаха, называлась «ахаранацу», матахное животное при ахаре—«ахарацу». См. Մախաշանց Ստ. Նշվ. աշխ., հ. 1, с. 19. АОЭ № 78(24), ч. 6. с. 539
- 110 Полевые материалы автора, Гугаркский р-н, с. 14, 26—27; Варденисский р-н, I, с. 17; Мартунинский р-н II, с. 23—24; Аштаракский р-н. 1974; с. 23; 1978, с. 21, 25, 58; Кафанский р-н, с. 103; АОЭ, № 423, с. 75.
- 111 ԱԷ, գ. VII, VIII, Թիֆլիս, 1901, с. 128. АОЭ, 423. с. 76.
- 112 Полевые материалы автора. Кафанский р-н, с. 49—51, 78, 109.
- 113 Փիլոսյան Ս. Կորած մարգարիտ, Տիֆլիս, 1888, էջ 29—30, Լիսիցյան Ս. Գ., Նշվ. աշխ., էջ 274, Սրվանձտյանց Գ., Երկեր, հ. 1, էջ 60, 82—83; АОЭ, № 78(24). ч. 6, с. 542.
- 114 Полевые материалы автора, Гугаркский р-н, с. 3; Мартунинский р-н, II, с. 26; АОЭ, № 45(149), ч. 1, с. 85.
- 115 ԱԷ, գ. VII, VIII էջ 130—132, ԱԷ, գ. X, էջ 224—225, Լիսիցյան Ս. Գ., Զանգեզուրի հայերը, с. 274; АОЭ, № 45(149). ч. 5, с. 96.
- 116 Սրվանձտյանց Գ., Նշվ. աշխ., էջ 83, Լիսիցյան Ս. Գ., Նշվ. աշխ., с. 275—276; Полевые материалы автора, Туманянский р-н, с. 42; Аштаракский р-н, 1978. с. 28; АОЭ, № 6(58)(421), с. 146—153.
- 117 АОЭ, № 432, с. 135—137.
- 118 Օղարաշյան Ա. Ա. Նշվ. աշխ., էջ 23.
- 119 Լիսիցյան Ս. Գ., Նշվ. աշխ., էջ 217, 269, 273—274, 277, Լալայան Ե., Ծիսական կարգերը հայոց մեջ ըստ Սպենսերի, Թիֆլիս,

- 1913, էջ 58—59, ԱԷ, գ, IV, էջ 154—159, Պոռշաճ Պ., Նշվ. աշխ., հ. 1, 65, 100—103, 153, 183; *Полевые материалы автора*, Аштаракский р-н, 1974, с. 8; 1978, с. 28.
- 120 Միսիսյան Ս. Գ., Նշվ. աշխ., էջ 216—217.
- 121 *Полевые материалы автора*, Гугаркский р-н, с. 8, 36—37; р-н Камо, IV, с. 5; Аштаракский р-н, 1974, с. 1, 9; 1978, с. 53, 86; Кафанский р-н, с. 20, 23.
- 122 Подробно об обряде вызывания дождя см. Харатян З. В. Магический характер обрядов вызывания дождя у армян.—Проблемы этнографии и этнической антропологии, М., 1978, стр. 62—71.
- 123 АОЭ, № 11, с. 12—13; № 24, с. 517—518; Մրվանձոսյանց Գ., Նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 169; *Полевые материалы автора*, Туманян-ский р-н, с. 33; Варденисский р-н, II, с. 18; р-н Камо, IV, с. 6; Аштаракский р-н, 1974, с. 11; Очень хорошо описывает засуху и связанные с ней обряды вызывания дождя Փրվաճյանց Ս. Նշվ. աշխ., էջ 43—46:
- 124 Մրվանձոսյանց Գ. Նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 80—81.

Заключение

- 1 Шмелева М. Н., Обсуждение статьи М. М. Громыко «Местосельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций»—СЭ, 1985, № 1, стр. 79.
- 2 Александров В. А. Сельская община в России (XVII—начало XIX в.), М., 1976, стр. 316.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ АРМЯНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В XIX В.	19
Глава II ОБЩИНА И ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ	39
Глава III СЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	77
Глава IV ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩИННОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ	112
Заключение	141
Список сокращений	146
Примечания	147

МАНЯ ВАЗГЕНОВНА АКОПЯН

**Сельская община в Восточной Армении
во второй половине XIX—начале XX вв.
(историко-этнографическое исследование)**

Редактор издательства *Ж. В. Налчаджян*
Корректор *А. Н. Саакян*

ИБ № 1447

Сдано в набор 25.02.1988 г. Подписано к печати 4.08.1988 г.
ВФ 08623. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Шрифт «литературный»,
высокая печать. Печ. л. 11,0 Усл. печ. л. 18,48 Учетно-изд. л. 8,99

Тираж 800 Зак. № 323 Изд. № 7212 Цена 1р. 15 к.

Издательство АН АриССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна
24 г.

Типография Издательства АН АриССР, 378310, г. Эчмиадзин.

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0046156

ЦЕНА

12 II
590213

1р. 15 к.